

Говард Беккер

Аутсайдеры

АУТСАЙДЕРЫ

Говард Беккер

Аутсайдеры

Исследования
по социологии
девиантности

Перевод с английского
Наиля Фархатдинова

Под общей редакцией
Андрея Корбута

ЭЛЕМЕНТАРНЫЕ
ФОРМЫ

Москва · 2018

УДК 316.624

ББК 60.54

Б423

Перевод сделан по изданию:

Howard S. Becker
Outsiders: Studies in the
Sociology of Deviance
New York: Free Press
1991

Беккер, Г.

Аутсайдеры : исследования по социологии
девиантности / Говард Беккер ; пер. с англ.
Н. Г. Фархатдинова ; под ред. А. М. Кор-
бута. — Москва : Элементарные формы,
2018. — 272 с.

ISBN 978-5-9500244-2-9

© Free Press, a Division of Simon and
Schuster, Inc., 1991

© Говард Беккер, предисловие, 2005
© Издательство «Элементарные формы»,
издание, оформление, 2018
© Н. Г. Фархатдинов, перевод на русский
язык, примечания, 2018

Оглавление

Предисловие .	7
Благодарности . . .	19
1 Аутсайдеры .	21
2 Типы девиантности: поэтапная модель	39
3 Как становятся потребителем марихуаны	61
4 Потребление марихуаны и социальный контроль	79
5 Культура девиантной группы: джазовый музыкант	99
6 Карьеры в девиантной профессиональной группе: джазовый музыкант	121
7 Правила и принуждение к их соблюдению . .	139
8 Блюстители морали.	167
9 Изучение девиантности: проблемы и симпатии	185
10 Возвращаясь к теории наклеивания ярлыков .	197
От переводчика. <i>Наиль Фархатдинов</i>	237
Примечания переводчика	249
Именной указатель	267

Предисловие*

Область, называемая сегодня исследованиями девиантности, не была изобретена в «Аутсайдерах». К моменту выхода книги другие исследователи уже высказывали похожие идеи (в частности, Эдвин Лемерт¹ и Фрэнк Танненбаум², упомянутые в книге). Но «Аутсайдеры» в нескольких отношениях отличались от предыдущих исследований. Одно из отличий состояло в том, что книга была написана более понятным языком, чем типичные академические тексты. Это не моя заслуга. У меня были хорошие учителя, а мой наставник Эверетт Хьюз, который руководил моей диссертацией и с которым я впоследствии тесно сотрудничал в нескольких исследовательских проектах, был одержим ясностью изложения. Он считал, что не нужно использовать пустые абстрактные термины, если есть простые слова, при помощи которых можно сказать то же самое. Он часто напоминал мне об этом, поэтому инстинктивно я всегда подбирал простые слова, строил короткие предложения и писал в повествовательном стиле.

Помимо того, что книга была более понятной, чем многие социологические труды, половина «Аутсайдеров»

* Данное предисловие было написано автором для датского перевода «Аутсайдеров» и опубликовано в: *Howard S. Becker. Outsider: studier i afvigelse sociologi* (København: Hans Reitzels Forlag, 2005). P. 15–21. Английский оригинал предисловия был любезно предоставлен для публикации в настоящем издании автором.

- 1 *Edwin M. Lemert. Social Pathology: A Systematic Approach to the Theory of Sociopathic Behavior* (New York: McGraw-Hill, 1951).
- 2 *Frank Tannenbaum. Crime and the Community* (Boston: Ginn, 1938).

содержала детальное изложение эмпирических исследований, которые для поколения студентов, поступивших тогда в американские университеты, представляли большой «интерес», нежели абстрактные теории. Я писал о музыкантах, игравших в барах и других непримечательных местах музыку, вокруг которой сложилась романтическая аура, и я писал о марихуане, которую некоторые из них курили, — о той самой марихуане, с которой многие из этих студентов экспериментировали и удовольствие от которой учились получать (возможно, способом, описанным в книге). Благодаря этим темам, более или менее пересекавшимся с их собственной жизнью, «Аутсайдеры» стали книгой, которую преподаватели — многие из которых разделяли студенческое любопытство к наркотикам и музыке — полюбили давать студентам. Так книга стала чем-то вроде стандартного текста для студентов младших курсов.

В то время происходило и еще кое-что. Социология переживала одну из своих периодических «революций», в ходе которых осуществляется переоценка и критика старых теоретических рамок. Тогда, в начале 1960-х годов, социологи, изучавшие преступность и другие формы неподобающего поведения, обычно задавались вопросом, что заставляет людей вести себя подобным образом, то есть нарушать общепринятые нормы, вместо того чтобы жить «нормальной» жизнью, которую, согласно всем нашим теориям, они должны были научиться принимать в качестве должной в процессе социализации. Теории того времени по-разному описывали основные причины таких форм антисоциального поведения, как чрезмерное потребление алкоголя, преступления, потребление наркотиков, сексуальные отклонения, и длинного списка других пороков. Некоторые возлагали вину на психику нарушителей, в личности которых были изъяны, вынуждавшие их делать это (что бы «это» ни было). Другие, более социологические теории возлагали вину на ситуации, в которых попадали люди, ситуации, создававшие несоответствие между

тем, к чему их приучили стремиться, и возможностью получения желаемых благ. Молодежь из рабочего класса, которую научили верить в «американскую мечту» о неограниченной социальной мобильности, но которая затем упиралась в структурные социальные барьеры (например, отсутствие доступа к образованию, делающему мобильность возможной), могла «прибегать» к девиантным инструментам мобильности вроде преступлений.

Однако эти теории звучали неубедительно для новых поколений социологов, которые были настроены менее конформистски и более критически к современным им социальным институтам и были менее склонны верить в то, что система уголовного правосудия не допускает ошибок, что все преступники — плохие люди, совершившие проступки, в которых их обвиняют, и т. д. Эти социологи искали теоретическую поддержку в различных местах. Многие воспользовались объяснениями, предлагавшимися марксистскими подходами к анализу патологических эффектов капитализма. Другие — в том числе я — нашли прочную опору в старомодных социологических теориях, которые были забыты, когда исследователи занялись изучением преступлений и того, что называлось в то время социальной дезорганизацией.

Исследования этих областей социальной жизни находились во власти людей, чья профессиональная и повседневная деятельность заключалась в решении «социальных проблем», которыми должны заниматься те, кто в состоянии что-то с ними сделать. Так, иногда проблемой, которую кто-то должен решить, становилась преступность. (Не всегда, потому что ко многим преступлениям, как это постоянно бывает, относились терпимо, поскольку их предотвращение было слишком хлопотным делом или поскольку они были много кому выгодны.) Этим «кем-то» обычно была организация, сотрудники которой занимались проблемой на постоянной основе. Например, задача избавления от преступности или по крайней мере ее сдерживания традиционно возлагалась на то, что полу-

чило название системы уголовного правосудия: полицию, суды, тюрьмы. Эта система объединяла органы по борьбе с преступностью и профилактике преступлений.

Как и во всех профессиональных группах, у членов организаций, входящих в систему уголовного правосудия, были свои интересы и взгляды, которые они отстаивали. Они считали очевидным, что ответственность за преступления лежит на преступниках, и не сомневались, кто является преступником: люди, которых их организации поймали и заключили в тюрьму. Они также знали, что существует важный исследовательский вопрос: «Почему люди, которых мы считаем преступниками, совершают поступки, которые мы считаем преступлениями?» Этот подход заставлял их и многих социологов, считавших данный вопрос важным, опираться в своем анализе преступности на производимые этими организациями статистические данные: они рассчитывали уровень преступности исходя из преступлений, о которых стало известно полиции. Однако это не такой уж точный показатель, поскольку люди часто не сообщают о преступлениях, а полицейские очень часто «подгоняют» цифры, чтобы доказать общественности, страховым компаниям и политикам, что они хорошо делают свою работу.

Альтернативный подход предлагала социологическая традиция, восходящая к знаменитому изречению У. А. Томаса: «Если люди определяют ситуации как реальные, они реальны по своим последствиям»³. То есть люди действуют исходя из своего понимания мира и его устройства. В таком случае задача социальных наук заключается в установлении того, каким образом нечто определяется, в изучении того, кто определяет, каким образом и какие действия, в нашем случае — кто определяет действия как преступные, какие это действия и каковы последствия этого определения. Исследователи, придерживавшиеся

3 *W. I. Thomas, Dorothy Swaine Thomas. The Child in America: Behavior Problems and Programs* (New York: Knopf, 1928). P. 572.

данной традиции, не соглашались с тем, что преступления, признанные таковыми полицией или судами, «действительно» являются преступлениями. Они полагали — и их исследования это подтверждали, — что получение статуса преступника и соответствующее обращение не обязательно связаны с тем, что человек на самом деле совершил. Связь возможна, но она не автоматическая и не гарантированная. Это означало, что исследования, опирающиеся на официальную статистику, полны ошибок, исправление которых может привести к совершенно иным выводам.

Другим аспектом этой традиции было подчеркивание того, что вклад в ситуацию вносит каждый ее участник. Предметом социологического исследования должны быть действия всех. Например, деятельность людей, чья работа заключается в определении преступлений и борьбе с ними, является частью «проблемы преступности», и ученый не может просто принимать на веру их слова или использовать их в качестве основания для дальнейших исследований. Подобный подход противоречил здравому смыслу, но давал интересные и оригинальные результаты.

Именно этим путем пошли «Аутсайдеры». Я никогда не считал этот подход новаторским. Напротив, мне казалось, что так поступил бы любой хороший социолог, придерживающийся традиций нашего ремесла. Сегодня принято говорить, что каждый новый подход приводит к тому, что историк науки Томас Кун назвал «научной революцией»⁴. Однако я бы сказал, что указанный подход к девиантности вовсе не был революционным. Если уж на то пошло, можно сказать, что это была контрреволюция, которая вернула социологические исследования девиантности на правильный путь⁵.

4 Томас Кун. Структура научных революций / Пер. с англ. И. З. Налетова (Москва: Прогресс, 1975).

5 См. интересную дискуссию в: *Stephen Cole. The Growth of Scientific Knowledge: Theories of Deviance as a Case Study // Lewis Coser (ed.). The Idea of Social Structure: Papers in Honor of Robert K. Merton (New York: Harcourt Brace Jovanovich, 1975). P. 175–220.*

Я начал с разговора о преступности, но в последнем абзаце назвал эту область «исследованиями девиантности». Это важная замена. Она перенаправляет внимание на более общую проблему, нежели вопрос о том, кто совершает преступления. Вместо этого мы начинаем изучать все формы деятельности, поскольку люди, осуществляющие коллективные действия, всегда определяют некоторые вещи в качестве «неправильных», в качестве того, что нельзя делать, и обычно предпринимают меры, чтобы помешать совершать так определенные поступки. Далекое не все из этих поступков будут преступлениями, какой бы смысл мы ни вкладывали в данное слово. Некоторые правила распространяются только на определенную группу: евреи, придерживающиеся правил своей религии, не должны употреблять некошерную пищу, но остальным это разрешается. Некоторые правила управляют ограниченной сферой деятельности, например спортивные и игровые правила: до тех пор, пока не начнешь играть в шахматы с человеком, который воспринимает правила игры всерьез, не важно, как ты двигаешь шахматные фигуры; любая санкция за нарушение правил имеет силу только среди шахматистов. Но в подобных сообществах протекают те же самые процессы создания правил и выявления людей, которые их нарушают.

С другой стороны, иногда все считают определенную форму поведения неприемлемой, но нет ни законов, регулирующих ее, ни организованной системы выявления людей, нарушающих соответствующее неформальное правило. Некоторые из таких поступков, кажущиеся тривиальными, могут восприниматься как нарушение правил этикета (например, отрывка в ситуации, когда это неуместно). Если ты говоришь сам с собой на улице (и в руках у тебя нет мобильного телефона), это будет выглядеть необычно и люди решат, что ты странноват, но в большинстве случаев никакой реакции не последует. Порой такие выделяющиеся действия заставляют других считать тебя «психически больным», а не просто «грубым» или

«странным», и тогда к тебе могут применить санкции и ты окажешься в больнице. Мой коллега по аспирантуре Эрвин Гоффман всесторонне проанализировал эти возможности, особенно в своем исследовании психиатрических лечебниц⁶.

Гоффман, многие другие и я обозначали все эти возможности термином «девиантность» и использовали сравнительный метод для изучения фундаментального процесса, принимающего в разных ситуациях разнообразные формы, лишь одной из которых является преступность. Предложенные нами формулировки привлекли широкое внимание и вызвали множество возражений, на часть которых я ответил в последней главе переработанного издания книги. Однако за прошедшие годы проблеме «наклеивания ярлыков» и «девиантности» было посвящено огромное число работ, поэтому я не стал переписывать книгу, чтобы их учесть.

Если бы я ее переписывал, я бы уделил особое внимание идее, предложенной Жильберто Вельо⁷ — выдающимся городским антропологом из Бразилии. Мне кажется, она проясняет неоднозначный момент, который вызывал затруднение у некоторых читателей. Вельо предложил несколько переориентировать подход, положив в его основу изучение процесса обвинения в соответствии с вопросами: кто обвиняет кого? в чем они их обвиняют? при каких обстоятельствах эти обвинения успешны, то есть признаются другими (по крайней мере, некоторыми из них)?

Я больше не изучал девиантность. Но я обнаружил, что более общая версия того же самого способа мышления применима в исследованиях по социологии искусства, которыми я занимаюсь много лет. В сфере искусства воз-

6 *Erling Goffman. Asylums: Essays on the Social Situation of Mental Patients and Other Inmates* (Garden City: Anchor Books, 1961).

7 *Gilberto Velho. Accusations, Family Mobility and Deviant Behavior // Social Problems. 1976. Vol. 23. № 3. P. 268–275; Gilberto Velho. Stigmatization and Deviance in Copacabana // Social Problems. 1978. Vol. 25. № 5. P. 526–530.*

никают аналогичные проблемы, потому что никогда не ясно, что является, а что не является «искусством», и наблюдаются те же споры и процессы. В случае искусства никто, разумеется, не выступает против того, чтобы их действия называли искусством, так что это тот же самый процесс, но в зеркальном отражении. Ярлык «искусство» не наносит вред человеку или деятельности, к которой применяется, в отличие от ярлыка «девиант». Напротив, он повышает ценность.

Все это лишь означает, что перспектива, которую я и мои коллеги наметили в области изучения девиантности, по-прежнему актуальна и способна давать любопытные идеи для исследований.

Говард Беккер
Сан-Франциско
Февраль 2005 года

Аутсайдеры

Я иногда задумываюсь, кто имеет право решать, нормальный человек или ненормальный. Иногда мне кажется, что нет между нами совсем нормального и совсем ненормального, и кто он есть — мы договариваемся и решаем. Выходит, не то важно, что человек делает, а то, как большинство людей посмотрит на его дела.

*Уильям Фолкнер. Когда я умирала**

* *Уильям Фолкнер. Когда я умирала / Пер. с англ. Виктора Голышева // Уильям Фолкнер. Собрание сочинений в 9 тт. Т. 2 (Москва: Терра, 2001). С. 380.*

Благодарности

Четыре главы данной книги первоначально появились в несколько ином виде в других местах. Третья глава была опубликована в ноябре 1953 года в «Американском социологическом журнале» (*American Journal of Sociology*. Vol. 59. № 3); в том же журнале в сентябре 1951 года была опубликована пятая глава (Vol. 57. № 2). Журнал и Издательство Чикагского университета дали разрешение перепечатать обе статьи в настоящей книге. Четвертая глава была впервые опубликована весной 1953 года в журнале «Человеческая организация» (*Human Organization*. Vol. 12. № 1) и перепечатывается с разрешения Общества прикладной антропологии. Шестая глава вышла в июле 1955 года в журнале «Социальные проблемы» (*Social Problems*. Vol. 3. № 1) и перепечатывается здесь с разрешения Общества изучения социальных проблем.

Материалы, вошедшие в третью и четвертую главы, первоначально входили в магистерскую диссертацию по социологии, подготовленную мной в Чикагском университете под руководством Эверетта Ч. Хьюза, Уильяма Ллойда Уорнера и Харви Л. Смита. Дэн С. Лорти дал отзыв на первый черновик одной из статей.

Пятая и шестая главы основаны на исследовании, которое я провел, будучи участником Чикагского исследования наркопотребления, организованного Чикагским зональным проектом при поддержке гранта Национального института психического здоровья. Гарольд Файнстоун, Элиот Фрейдсон, Эрвин Гоффман, Соломон Кобрин, Генри Маккей, Ансельм Стросс и ныне покойный Р. Ричард Воль комментировали первые версии этих статей.

БЛАГОДАРНОСТИ

Я чрезвычайно признателен Бланш Гир, которая читала и обсуждала со мной несколько вариантов полной рукописи книги.

Своим пониманием проблем девиантности, как и других социологических тем, я в значительной степени обязан моему другу и учителю Эверетту Ч. Хьюзу.

Дороти Силенджер, Кэтрин Джеймс и Лоис Ступс терпеливо и кропотливо набрали несколько версий рукописи на пишущей машинке.

Аутсайдеры

Все социальные группы создают правила и в некоторых случаях и при определенных обстоятельствах пытаются заставить своих членов эти правила соблюдать. Социальные правила определяют ситуации и типы соответствующего им поведения, одни действия описывая как «правильные», а другие запрещая как «неправильные». В случае принуждения к соблюдению правила тот, кто предположительно его нарушил, может казаться человеком особого рода — лицом, не вызывающим доверия в силу неспособности жить по правилам, принятым в группе. Его считают *аутсайдером*.

Однако человек, на которого таким образом наклеили ярлык аутайдера, может думать иначе. Он может не признавать правило, применение которого к нему стало основанием для подобного суждения, и не считать тех, кто дает такую оценку, компетентными или имеющими легитимное право ее выносить. Следовательно, возможно второе понимание данного термина: сам нарушитель в свою очередь может считать *аутайдерами* тех, кто его осуждает.

В дальнейшем я постараюсь прояснить ситуации и процессы, на которые указывает этот двоякий термин, а именно ситуации нарушения и принуждения к соблюдению правил и процессы, которые приводят к тому, что одни люди нарушают правила, а другие принуждают к их соблюдению.

Необходимо ввести некоторые предварительные различия. Существует огромное количество видов правил. Правила могут быть формально закреплены в законах,

и в этом случае для принуждения к их соблюдению могут привлекаться государственные органы правопорядка. В других случаях это могут быть неформальные договоренности, недавно достигнутые либо подкрепленные временем и традицией; принуждение к соблюдению этих правил происходит посредством различного рода неформальных санкций.

Независимо от того, опираются правила на силу закона либо традицию или просто возникают в результате консенсуса, задача принуждения к их соблюдению может возлагаться на специальный орган вроде полиции или этического комитета профессиональной ассоциации; с другой стороны, принуждение к их соблюдению может быть делом каждого человека или как минимум каждого члена группы, к которой должно применяться правило.

Существует множество правил, к соблюдению которых никто не принуждает. Они интересуют меня только с самой формальной точки зрения. К правилам такого рода относятся, например, «пуританские законы»*, которые все еще присутствуют в законодательстве, хотя не применялись в течение последнего столетия. (Важно, впрочем, помнить, что по разным причинам неприменяемый закон может вновь стать актуальным и восстановить свою исходную силу, как произошло недавно с законами, регулирующими работу коммерческих учреждений по воскресеньям в штате Миссури*.) Таким же образом в силу отсутствия применения могут отмирать и неформальные правила. В основном меня будет интересовать то, что можно назвать фактически действующими групповыми правилами, которые сохраняются благодаря попыткам принуждения к их соблюдению.

Наконец, степень «аутсайдерства» человека в обоих упомянутых смыслах различается от случая к случаю. Мы считаем, что индивид, который нарушает правила дорож-

* Здесь и далее места, обозначенные астериском, см. в затекстовых примечаниях. — *Прим. перев.*

ного движения или выпивает немного лишнего на вечеринке, практически ничем не отличается от нас, поэтому мы будем относиться к его проступку спокойно. Грабителя мы считаем менее похожим на нас, поэтому сурово наказываем его. Убийство же, изнасилование или государственная измена вынуждают нас относиться к преступнику как к настоящему аутсайдеру.

Точно так же некоторые нарушители правил не считают осуждение их поступков окружающими несправедливым. Например, нарушитель правил дорожного движения обычно придерживается правил, которые он нарушил. Алкоголики зачастую ведут себя амбивалентно: иногда они считают, что осуждающие не понимают их, а иногда соглашаются с тем, что чрезмерное потребление алкоголя — это плохо. В радикальном случае некоторые девианты (например, гомосексуалы и наркоманы) разрабатывают целые идеологии, чтобы объяснить свою правоту и ошибочность тех, кто их не одобряет и наказывает.

Определения девиантности

Аутсайдеры — девианты, не соблюдающие правила группы, — становились предметом множества рассуждений, теоретических построений и научных исследований. Обыватели хотят знать, почему девианты делают это. Чем объясняется нарушение ими правил? Что в них такого, что заставляет их совершать запрещенные поступки? Ученые попытались найти ответы на эти вопросы. При этом наука исходила из обыденного допущения, что самим действиям присуще что-то отклоняющееся (качественно отличающееся) и нарушающее (или кажущееся нарушающим) социальные правила. Ученые также придерживались обыденного предположения, что отклоняющееся действие вызвано определенной характеристикой совершающего его человека, которая неизбежно заставляет его так себя вести. Как правило, когда речь заходит о конкретных действиях или людях, ученые не ставят под вопрос яр-

лык «девиант», принимая его как данность. Тем самым они разделяют ценности той группы, которая выносит суждения.

Легко заметить, что разные группы считают девиантными разные вещи. Это должно говорить нам о том, что в феномене девиантности тесно переплетаются человек, выносящий суждение о девиантности, процесс, который приводит к этому суждению, и ситуация, в которой оно выносится. В той степени, в какой обыденные представления о девиантности и научные теории, основывающиеся на повседневных допущениях, исходят из того, что действия, нарушающие правила, по природе своей девиантны, и поэтому принимают ситуации и процессы вынесения суждения как данность, они упускают важную переменную. Если ученые игнорируют изменчивый характер процесса вынесения суждения, они тем самым ограничивают круг теорий, которые можно предложить, и понимание, которого можно достичь¹.

Таким образом, наша первая задача состоит в определении девиантности. Прежде чем дать такое определение, рассмотрим некоторые определения, которыми сегодня пользуются ученые. При этом будем обращать внимание на то, что остается вне поля зрения, если мы отталкиваемся от них при изучении аутсайдеров.

Наиболее простым является статистический подход к девиантности, в соответствии с которым девиантным считается все, что сильно отличается от среднего значения. Например, когда статистик анализирует результаты сельскохозяйственного эксперимента, он описывает те стебли кукурузы, длина которых существенно больше или существенно меньше средней, в качестве девиации. Аналогичным образом можно описывать как отклонение все, что отличается от наиболее распространенного. Со-

1 Ср.: *Donald R. Cressey. Criminological Research and the Definition of Crimes // American Journal of Sociology. 1951. Vol. 5. № 6. P. 546–551.*

гласно этому представлению, левша и рыжий — девианты, поскольку большинство людей правши и брюнеты.

В таком виде статистический подход кажется незамысловатым и даже тривиальным. Однако он упрощает проблему, игнорируя множество ценностных вопросов, которые обычно возникают в дискуссиях о природе девиантности. При оценке конкретного случая нужно лишь рассчитать дистанцию между анализируемым поведением и средним показателем. Но это слишком простое решение. Вооружившись таким определением, мы получаем сборную солянку, включающую чрезмерно полных или худых, убийц, рыжеволосых, гомосексуалов и нарушителей правил дорожного движения. В эту мешанину попадают как те, кого обычно считают девиантами, так и те, кто вообще не нарушал никаких правил. Словом, статистическое определение девиантности слишком далеко от того интереса к нарушениям правил, который движет научными исследованиями аутсайдеров.

Менее простой, но гораздо более распространенный подход к девиантности заключается в рассмотрении ее как чего-то патологического, свидетельствующего о «болезни». Это представление основывается, очевидно, на медицинской аналогии. Человеческий организм называют «здоровым», когда он исправно функционирует и не испытывает дискомфорта. Если же организм работает плохо, он болен. Орган или функция, вышедшая из строя, называется патологической. Безусловно, люди практически единодушны в своих представлениях о том, какое состояние организма является здоровым. Однако когда понятие патологии применяется по аналогии для описания типов поведения, которые считаются девиантными, согласия гораздо меньше. Люди не могут прийти к единому мнению по поводу критериев здорового поведения. Сложно найти определение, которое устроило бы даже такую узкую и закрытую группу, как психиатры. Отыскать определение, которого люди придерживаются столь же единодушно,

как они придерживаются критериев здоровья в случае организма, невозможно².

Порой эту аналогию применяют более прямолинейно, считая девиантность результатом психического заболевания. Поведение гомосексуала или наркомана считается симптомом психической болезни в том же смысле, в каком сложность выведения синяков у диабетика служит симптомом его болезни. Однако психическое заболевание напоминает физическое только метафорически:

Взяв в качестве отправной точки такие вещи, как сифилис, туберкулез, брюшной тиф, рак и переломы, мы создали класс «болезнь». Первоначально этот класс состоял из небольшого числа объектов, каждый из которых отсылал к состоянию структурного или функционального расстройства человеческого тела как физиохимической машины. Со временем в данный класс были включены дополнительные элементы, однако это произошло не потому, что они представляли собой новооткрытые телесные недуги. Врачи перестали уделять внимание данному критерию отбора и переключились на новые — немощь и страдание. Так мало-помалу в категорию болезни попали истерия, ипохондрия, обсессивно-компульсивный невроз и депрессия. Затем со все большим усердием врачи и особенно психиатры стали называть «болезнью» (то есть, разумеется, «психической болезнью») все, в чем они могли выявить признаки расстройства, основываясь на какой-либо норме. Поэтому агорафобия — болезнь, так как никто не должен бояться открытых пространств. Гомосексуальность — болезнь, так как гетеросексуальность является социальной нормой. Развод — болезнь, так как говорит о неудачном браке. Преступление, искусство, нежелательные политические взгляды, участие в делах общества или отказ от такого участия — все это и многое другое начали считать признаком психического расстройства³.

2 См. обсуждение в: *Чарльз Райт Миллс*. Профессиональная идеология социопатологов / Пер. с англ. Андрея Корбуца // Социологический журнал. 2013. № 1. С. 10–35.

3 *Thomas S. Szasz*. The Myth of Mental Illness (New York: Paul B. Hoeber, 1961). P. 44–45; см. также: *Erving Goffman*. The Medical Model and Mental Hospitalization // *Erving Goffman*. Asylums: Essays on the Social Situation of Mental Patients and Other Inmates (Garden City: Anchor Books, 1961). P. 321–386.

Медицинская метафора ограничивает наш взгляд не меньше, чем статистический подход. Она опирается на житейские представления о девиантности и по аналогии ищет ее причины в индивиде, тем самым мешая понять, что ключевым элементом данного феномена является суждение.

Некоторые социологи тоже используют модель девиантности, основанную на медицинских понятиях здоровья и болезни. Они смотрят на общество или какой-то его сегмент и спрашивают, происходят ли в нем процессы, способные нарушить его устойчивость и, следовательно, понизить его шансы на выживание. Они называют такие процессы девиантными или считают их симптомами социальной дезорганизации. Они проводят различие между характеристиками общества, обеспечивающими его стабильность (и потому являющимися «функциональными»), и характеристиками, дестабилизирующими его (и потому являющимися «дисфункциональными»). У этого подхода есть одно немаловажное достоинство: он указывает на возможные проблемные области в обществе, о которых люди могут не догадываться⁴.

Однако на практике выяснить, что является функциональным, а что дисфункциональным для общества или социальной группы, оказывается сложнее, чем представляется в теории. Вопрос о том, какова цель (функция) группы и, следовательно, что будет содействовать или мешать достижению этой цели, очень часто является политическим вопросом. Фракции группы расходятся во мнениях и стремятся сделать свое определение групповой функции общепринятым. Функция группы или организации в таком случае определяется в результате политического конфликта, а не заложена в природе организации. Если это так, тогда вопросы о том, к соблюдению каких

4 См.: *Robert K. Merton. Social Problems and Sociological Theory // Robert K. Merton, Robert A. Nisbet (eds.). Contemporary Social Problems (New York: Harcourt, Brace and World, 1961). P. 697–737; Talcott Parsons. The Social System (New York: The Free Press of Glencoe, 1951). P. 249–325.*

правил следует принуждать, какого рода поведение необходимо считать девиантным и на кого нужно наклеивать ярлык аутсайдеров, тоже должны рассматриваться как политические⁵. Игнорируя политические аспекты данного феномена, функциональный подход к девиантности ограничивает наше понимание.

Есть более релятивистский социологический подход. Согласно ему девиантность обозначает неподчинение индивида правилам группы. Описав правила, к соблюдению которых группа принуждает своих членов, можно с определенной точностью сказать, нарушает ли их индивид и является ли он, таким образом, девиантом.

Данный подход наиболее близок моему, но он не придает должного значения неопределенности в отношении того, какие правила следует брать в качестве мерил при оценке девиантности поведения. Общество состоит из множества групп, в каждой из которых есть свои правила, и люди одновременно принадлежат к разным группам. Человек может нарушать правила одной группы тем, что подчиняется правилам другой. Является ли он в таком случае девиантом? Сторонники такого определения могут возразить, что, несмотря на возможность неопределенности в отношении правил, характерных для той или иной группы в обществе, существуют некоторые правила, по поводу которых согласны все, поэтому в их случае подобной сложности не возникает. Разрешить этот вопрос можно, конечно, только с помощью фактов, полученных в результате эмпирического исследования. Я сомневаюсь, что подобных областей консенсуса много, и считаю более разумным использовать определение, которое позволяет работать как с однозначными, так и с неоднозначными ситуациями.

5 Говард Бротц тоже считает вопрос о том, какие явления «функциональны» или «дисфункциональны», политическим: *Howard Brotz. Functionalism and Dynamic Analysis // European Journal of Sociology. 1961. Vol. 2. № 1. P. 170–179.*

Девиантность и реакции окружающих

В социологическом подходе, который я только что обрисовал, девиантность определяется как нарушение общепринятого правила. Исследователь спрашивает, кто нарушает правила, и выявляет в личности и жизненных ситуациях этих людей факторы, которые могут объяснить нарушения. Это предполагает, что нарушители правила составляют однородную группу, поскольку они совершили одинаковое девиантное действие.

Такое допущение, на мой взгляд, не учитывает центральный аспект девиантности: то, что она создается обществом. Я использую это выражение не в том смысле, в каком оно обычно понимается, а именно в смысле объяснения девиантности социальной ситуацией девианта или «социальными факторами», которые толкают его к действию. Я скорее имею в виду, что *социальные группы создают девиантность, вырабатывая правила, в нарушении которых состоит девиантность*, а также применяя эти правила к конкретным людям и наклеивая на них ярлык аутсайдеров. С этой точки зрения девиантность — не характеристика действия, совершаемого человеком, а скорее следствие применения другими людьми правил и санкций к «нарушителю». Девиант — это человек, на которого удалось наклеить соответствующий ярлык; девиантное поведение — это поведение, к которому люди применяют данный ярлык⁶.

Поскольку девиантность является, среди прочего, следствием реакции окружающих на действие индивида, исследователи девиантности, изучающие людей, на которых

6 Важнейшие работы, в которых была впервые высказана эта точка зрения: *Frank Tannenbaum*. *Crime and the Community* (New York: McGraw-Hill, 1951); *Edwin M. Lemert*. *Social Pathology: A Systematic Approach to the Theory of Sociopathic Behaviour* (New York: McGraw-Hill, 1951). Близкая позиция была изложена недавно в статье: *John I. Kitsuse*. *Societal Reaction to Deviance: Problems of Theory and Method // Social Problems*. 1962. Vol. 9. № 3. P. 247–256.

наклеили ярлык девиантов, не должны исходить из того, что имеют дело с однородной группой. Иначе говоря, они не могут предполагать, что эти люди действительно совершили девиантное действие или нарушили правило, потому что процесс наклеивания ярлыка не защищен от ошибок; ярлык девиантов могут наклеивать на людей, в действительности не нарушивших никакого правила. Кроме того, исследователи не могут предполагать, что категория людей, на которых наклеили ярлык девиантов, будет включать всех, кто действительно нарушил правило, так как многие нарушители могут избегать подозрения и таким образом не попадать в популяцию изучаемых «девиантов». В той степени, в какой данная категория неоднородна и неспособна охватить все случаи, которые к ней относятся, нет оснований ожидать, что можно обнаружить общие факторы личности или жизненной ситуации, объясняющие предполагаемую девиантность.

В таком случае, что объединяет людей, которые носят ярлык девиантов? Хотя бы то, что на них наклеили один и тот же ярлык и отнесли к аутсайдерам. Я начну свой анализ с этого базового сходства и буду рассматривать девиантность как продукт взаимодействия, которое происходит между социальной группой и тем, кто воспринимается этой группой как нарушитель правил. Меня будут интересовать не столько личные и социальные характеристики девиантов, сколько процесс, в результате которого их признают аутсайдерами, и их реакции на эту оценку.

Малиновский обнаружил преимущество такого подхода к пониманию природы девиантности много лет назад, во время своего исследования Тробрианских островов:

Однажды взрыв плача и внезапная сумятица дали знать, что где-то по соседству кто-то умер. Мне сказали, что Кима'и, подросток около шестнадцати лет, которого я знал лично, упал с кокосовой пальмы и разбился насмерть... Оказалось, что благодаря какому-то таинственному совпадению в то же время был серьезно ранен какой-то другой юноша. Во время церемонии между деревней, где умер мальчик, и той, в которую были перенесены его останки для погребения, проявлялась явная враждебность.

Лишь значительно позже мне удалось открыть действительное значение этих событий: юноша совершил самоубийство. Обнаружилось, что он нарушил правила экзогамии, причем соучастницей его преступления была ближайшая родственница по матери, дочь сестры его матери. Этот факт был известен всем и всеми осуждался. Он, однако, не имел никаких дальнейших последствий, пока инициативу не взял на себя отвергнутый кавалер девушки, который хотел на ней жениться и чувствовал себя особенно сильно обиженным. Несчастливый соперник сначала угрожал виновному юноше черной магией, но из этого ничего не вышло. Тогда однажды он обвинил его публично, на всю деревню, вменив ему в вину кровосмешение и при этом употребляя некоторые выражения, которых не стерпит ни один туземец.

На это несчастный юноша мог ответить только одним; для него оставался один только выход. На следующее утро он надел свой праздничный наряд и украшения, взобрался на кокосовую пальму и обратился к жителям деревни из гущи пальмовых листьев, прощаясь с ними. Он объяснил причины своего отчаянного шага и в то же время бросил скрытое обвинение против того, кто довел его до смерти, — теперь месть обидчику стала долгом родственников самоубийцы. Затем под громкий жалобный плач, как велит обычай, он прыгнул с пальмы высотой почти в шестьдесят футов и разбился насмерть. После этого в деревне возникла драка, в которой был ранен его соперник, и стычка повторилась еще раз во время погребения...

Если бы кто-то захотел выяснить этот вопрос у тробрианцев, то убедился бы... что у туземцев сама мысль о нарушении правила экзогамии вызывает гнев и что они верят в то, что последствиями внутрикланового кровосмешения могут быть гниющие раны, болезни и даже смерть. Таков по крайней мере идеал туземного права, а в вопросах морали легко и приятно, осуждая других или выражая общее мнение о таких поступках, неуклонно придерживаться этого идеала.

Однако, если речь идет о применении моральных норм и идеалов к реальной жизни, дело принимает другой оборот. В данном случае, конечно, факты были совершенно несовместимы с идеалом поведения. Общественное мнение не было слишком взбудоражено вестью о преступлении и не реагировало на него непосредственно. Для того, чтобы это произошло, необходимо было публичное обличение виновника заинтересованной стороной. Но даже и тогда виновник должен был сам себе назначить наказание... Углубляясь далее в этот вопрос, я убедился, что нарушение экзогамии — если речь идет не о браке, а о сексуальной связи — по меньшей мере не является редким случаем, что общественное мнение снисходи-

тельно реагирует на подобные случаи, и ему свойственно явное лицемерие. Если дело совершается *sub rosa* и с соблюдением необходимого *decorum*, и если, в особенности, никто не выводит виновников на чистую воду, носители «общественного мнения» будут, правда, сплетничать, но не будут всерьез добиваться сурового наказания. Если же, напротив, возникает скандал, все обращаются против виновной пары, и оба могут быть доведены до самоубийства посредством бойкота или обвинений⁷.

Следовательно, является ли действие девиантным, зависит от того, как на него реагируют окружающие. Вы можете совершить клановый инцест, и дело ограничится слухами, пока кто-нибудь вас публично не обвинит; однако, если будет выдвинуто публичное обвинение, вас доведут до смерти. При этом реакцию других людей не следует считать обязательной. Простое нарушение кем-то правила еще не означает, что другие отреагируют так, будто нарушение произошло. (И наоборот, отсутствие нарушения правила не означает, что с индивидом не будут обращаться в некоторых случаях так, словно он его нарушил.)

Степень реакции окружающих на девиантность определенного действия бывает очень разной. На некоторых различиях стоит остановиться. В первую очередь, существуют различия во времени. В один момент времени реакция на человека, который предположительно совершил «девиантный» поступок, может быть гораздо более мягкой, чем в другой момент. Хорошая иллюстрация — кампании против различного рода девиаций. Время от времени служители порядка решают провести решительное наступление на определенный тип девиации, например на азартные игры, наркоманию или гомосексуальность. Очевидно, что во время подобных кампаний участие в девиантной активности более опасно, чем в остальное время. (В очень интересном исследовании криминальных новостей, публикуемых в газетах штата Колорадо, Дэвис

7 Бронислав Малиновский. Преступление и обычай в обществе дикарей / Пер. с англ. Владимира Поруса // Бронислав Малиновский. Избранное: Динамика культуры (Москва: РОССПЭН, 2004). С. 250–251.

обнаружил, что количество преступлений, освещаемых в местной прессе, довольно слабо связано с реальными изменениями количества преступлений в штате. Кроме того, оценка людьми того, насколько возросло количество преступлений в Колорадо, была связана с увеличением количества новостных сообщений о преступлениях, а не с увеличением количества самих преступлений⁸.)

Вероятность того, что действие будет воспринято как девиация, также зависит от того, кто его совершил и кто считает себя потерпевшим в результате этого действия. К определенным людям правила применяются строже, чем к другим. Об этом свидетельствуют исследования подростковой преступности. В случае парней из районов проживания среднего класса полицейские прерывают юридическую процедуру раньше, чем при задержании парней из трущоб. Подросток из среднего класса, задержанный полицией, с меньшей вероятностью будет доставлен в участок; если он все же будет доставлен в участок, вероятность, что на него будет заведено дело, ниже, и крайне маловероятно, что он будет признан виновным и приговорен к наказанию⁹. Различия проявляются даже при аналогичных нарушениях правила в обоих случаях. Точно так же закон по-разному применяется к чернокожим и белым. Хорошо известно, что чернокожий, обвиняемый в нападении на белую женщину, будет осужден с гораздо большей вероятностью, нежели белый, совершивший аналогичное правонарушение; чуть менее хорошо известно, что чернокожий, убивший другого чернокожего, будет осужден с гораздо меньшей вероятностью, чем белый, совершивший убийство¹⁰. Таков же, безусловно, один из ключевых выводов исследования преступности среди белых ворот-

8 F. James Davis. Crime News in Colorado Newspapers // American Journal of Sociology. 1952. Vol. 57. № 4. P. 325–330.

9 См.: Albert K. Cohen, James F. Short Jr. Juvenile Delinquency // Merton, Nisbet. Op. cit. P. 87.

10 См.: Harold Garfinkel. Research Note on Inter- and Intra-Racial Homicides // Social Forces. 1949. Vol. 27. № 4. P. 369–381.

ничков, проведенного Сазерлендом: преступления, совершаемые корпорациями, почти всегда рассматриваются в рамках гражданского судопроизводства, тогда как аналогичные преступления, совершенные частными лицами, обычно считаются уголовными правонарушениями¹¹.

Принуждение к соблюдению некоторых правил осуществляется, только если действия имеют определенные последствия. Показательный пример — незамужняя мать. Винсент¹² указывает, что сексуальные отношения вне законного брака редко оборачиваются для нарушителей суровым наказанием или общественным порицанием. Если, однако, в результате таких отношений девушка беременеет, реакция окружающих будет скорее всего резкой. (Беременность вне брака также представляет собой интересный случай избирательного принуждения различных категорий людей к соблюдению правил. Винсент отмечает, что неженатые отцы избегают сурового порицания, которому подвергаются незамужние матери.)

Зачем повторять эти хорошо известные наблюдения? Потому что все вместе они подтверждают идею, что девиантность — не просто качество, присутствующее в одних видах поведения и отсутствующее в других. Скорее, это результат процесса, включающего реакции окружающих на данное поведение. Одно и то же поведение может в один момент быть нарушением правил, а в другой — нет; может быть нарушением, когда совершается одним человеком, а при совершении другим — нет; одни правила могут нарушаться безнаказанно, а другие — нет. Короче говоря, является действие девиантным или нет, зависит частично от природы этого действия (то есть имеет ли место нарушение правила) и частично от того, как на него реагируют окружающие.

11 *Edwin H. Sutherland. White Collar Criminality // American Sociological Review. 1940. Vol. 5. № 1. P. 1–12.*

12 *Clark Vincent. Unmarried Mothers (New York: The Free Press of Glencoe, 1961). P. 3–5.*

Можно возразить, что это просто терминологическая придирка, что понятия можно в конце концов определять как угодно и что, если кто-то хочет называть поведение, нарушающее правила, девиантным без отсылки к реакциям окружающих, он вправе это делать. Конечно, это так. Однако имеет смысл называть такое поведение *поведением, нарушающим правила*, а понятие *девианта* закрепить за теми, на кого определенная часть общества наклеила соответствующий ярлык. Я не настаиваю на том, чтобы следовать этому словоупотреблению. Но необходимо понимать, что в той мере, в какой ученый применяет термин «девиантность» для обозначения любого поведения, нарушающего правила, и избирает в качестве предмета изучения только тех, на кого *наклеили ярлык* девиантов, несовпадение этих двух категорий будет ему мешать.

Если мы делаем объектом нашего внимания поведение, на которое наклеили ярлык девиантного, мы должны признать, что не можем знать, будет ли какое-либо действие категоризоваться как девиантное, пока другие не отреагируют на него. Девиантность — качество, присущее не поведению самому по себе, а взаимодействию между человеком, совершающим действие, и теми, кто на это действие реагирует.

Чьи правила?

Я обозначал термином «аутсайдеры» людей, которых окружающие считают девиантными и которые, таким образом, оказываются вне круга «нормальных» членов группы. Но у этого термина есть и второе значение, анализ которого ведет к другому важному ряду социологических проблем: с точки зрения человека, который носит ярлык девианта, «аутсайдерами» могут быть люди, создавшие правила, в нарушении которых он признан виновным.

Социальные правила создаются определенными социальными группами. Современные общества — не простые организации, в которых все согласны с правилами и с тем,

как они должны применяться в конкретных ситуациях. Напротив, современные общества высоко дифференцированы в соответствии с классовой, этнической, профессиональной и культурной принадлежностью. Этим группам не нужны единые правила, которых у них зачастую и нет. Проблемы, с которыми они сталкиваются, когда вступают в контакт с внешней средой, их история и традиции приводят к выработке различных наборов правил. Поскольку правила разных групп вступают в конфликт и противоречат друг другу, всегда будут существовать разногласия по поводу поведения, допустимого в конкретной ситуации.

Итальянские иммигранты, которые начали производить вино для себя и своих друзей во времена сухого закона*, поступали согласно итальянским иммигрантским нормам, но нарушали закон своей новой родины (как, разумеется, и многие их соседи-американцы). Пациенты, подбирающие подходящего доктора, могут, с точки зрения их группы, надлежащим образом печься о своем здоровье, стремясь заполучить лучшего, на их взгляд, из возможных врачей; однако с точки зрения врача они поступают недостойно, поскольку их действия подрывают доверие, которое пациент должен испытывать к своему врачу. Делинквентный подросток из низшего класса, борющийся за «сферу влияния», делает то, что считает нужным и правильным, но учителя, социальные работники и полицейские воспринимают это иначе.

Можно, конечно, возразить, что все члены общества обычно признают множество или большинство правил, но эмпирические исследования конкретного правила обычно демонстрируют различия в установках людей. Формальные правила, к соблюдению которых принуждают специально назначенные группы, могут отличаться от правил, считающихся приемлемыми большинством людей¹³. Фракции внутри группы могут не соглашаться

13 *Arnold M. Rose, Arthur E. Prell. Does the Punishment Fit the Crime? A Study in Social Valuation // American Journal of Sociology. 1955. Vol. 61. № 3. P. 247–259.*

по поводу того, что я назвал фактически действующими правилами. Для изучения поведения, на которое обычно наклеивают ярлык девиантного, важнее всего то, что взгляды людей, осуществляющих это поведение, скорее всего будут достаточно сильно отличаться от взглядов тех, кто осуждает данное поведение. В этой ситуации человек может полагать, что его оценивают по правилам, к созданию которых он не причастен и которые он не признаёт, то есть по правилам, навязанным аутсайдерами.

В какой степени и при каких обстоятельствах люди стремятся принудить к соблюдению своих правил других людей, которые их не придерживаются? Нужно различать два случая. В первом случае в создании и принуждении к соблюдению определенных правил заинтересованы только те, кто фактически является членом группы. Если ортодоксальный еврей нарушает законы кашрута, это будет нарушением исключительно для ортодоксальных евреев; христиане или неортодоксальные евреи не увидят в этом девиацию и не будут заинтересованы во вмешательстве. Во втором случае члены группы считают важным условием своего благополучия соблюдение определенных правил членами некоторых других групп. Так, люди считают крайне важным, чтобы лечебная практика подчинялась определенным правилам, поэтому государство выдает лицензии врачам, медсестрам и т. д., а также запрещает осуществлять лечение тем, у кого нет на это лицензии.

В той мере, в какой группа пытается навязать свои правила другим группам в обществе, мы сталкиваемся со вторым вопросом: кто именно может заставить остальных принять свои правила и каковы условия успеха? Это, конечно, вопрос политической и экономической власти. Позже мы рассмотрим политический и экономический процессы, в ходе которых правила создаются и навязываются. Здесь достаточно отметить, что люди на самом деле всегда *принуждают* других к соблюдению своих правил, применяя их более или менее против воли и без согласия этих других. Например, правила для молодых создаются

в основном более пожилыми людьми. Хотя молодежь нашей страны оказывает мощное культурное влияние — например, именно на ее интересы ориентируются средства массовой коммуникации, — многие важные правила для молодежи созданы взрослыми. Правила, касающиеся посещения школы или сексуального поведения, не учитывают проблемы подростков. Скорее, подростки окружены соответствующими правилами, созданными более взрослыми и более зрелыми людьми. Это считается легитимным, так как молодежь полагают недостаточно мудрой и ответственной, чтобы позволять ей создавать подходящие для себя правила.

Точно так же мужчины в нашем обществе во многом придумывают правила для женщин (хотя в Америке это быстро меняется). Чернокожие вынуждены подчиняться правилам, созданным белыми. Правила для родившихся за рубежом и представителей отличающихся этнических групп часто создаются протестантским англо-саксонским меньшинством. Средний класс создает правила, которым должен подчиняться низший класс, — в школе, в судах, повсюду.

Различия в возможности создавать правила и применять их к другим людям в сущности отражают различия во власти (как юридической, так и внеюридической). Группы, чья социальная позиция дает им в руки оружие и власть, более успешны в навязывании своих правил. Различия в возрасте, поле, национальности и классе связаны с различиями во власти, которые объясняют различия в том, в какой мере группы, различающиеся по данным признакам, могут создавать правила для остальных.

Помимо того, что девиантность создается реакциями людей на необычные типы поведения путем наклеивания на это поведение ярлыка девиантного, мы также не должны забывать, что с правилами, которые создаются и поддерживаются процессом наклеивания ярлыка, согласны не все. Напротив, правила — предмет конфликтов и разногласий, часть политического процесса в обществе.

Типы девиантности: поэтапная модель

Я не ставлю перед собой цель доказать, что «действительно» девиантными являются только те действия, которые воспринимаются как девиантные окружающими. Однако это важное измерение, которое нужно принимать во внимание при любом анализе девиантного поведения. Соединив это измерение с другим — соответствием или несоответствием действия определенному правилу, мы можем сконструировать следующий набор категорий для различения типов девиантности.

Типы девиантного поведения

	<i>Подчиняется правилу</i>	<i>Нарушает правило</i>
<i>Воспринимается как девиантное</i>	Ложное обвинение	Чистая девиантность
<i>Не воспринимается как девиантное</i>	Конформизм	Скрытая девиантность

Два типа почти не нуждаются в объяснении. *Конформистское* поведение представляет собой простое подчинение правилу и воспринимается окружающими в качестве такового. На противоположном полюсе находится *чисто девиантный* тип поведения, который заключается в неподчинении правилам и воспринимается окружающими в качестве такового¹.

¹ Необходимо помнить, что данная классификация должна всегда применяться только в перспективе конкретного набора правил; она не учитывает уже упомянутые сложности, возникающие, когда одним и тем же людям при определении одного и того же действия доступно несколько наборов правил. Кроме того, данная класси-

Две другие возможности более любопытны. Ситуация *ложного обвинения* — это то, что преступники часто называют «мутью». Окружающие полагают, что человек совершил неподобающее действие, хотя на самом деле это не так. Ложные обвинения, несомненно, имеют место даже в судах, где человек защищен процессуальными нормами и необходимостью предоставления доказательств. Вероятно, они гораздо больше распространены в неюридических обстоятельствах, где процессуальная защита отсутствует.

Еще более любопытный случай представляет собой противоположный полюс — *скрытая девиантность*. В данном случае неподобающее действие совершается, но никто этого не замечает или не реагирует на него так, будто произошло нарушение правил. Как и в случае ложного обвинения, никто точно не знает, насколько распространено данное явление, но я уверен, что оно встречается достаточно часто, гораздо чаще, чем нам кажется. В этом меня убеждает одно небольшое наблюдение. Скорее всего, большинство людей считают фетишизм (в частности, садомазохизм) редким и экзотическим извращением. Однако несколько лет назад мне довелось ознакомиться с каталогом продавца порнографических изображений, выпущенным специально для любителей этой практики. В каталоге не было снимков обнаженных тел или каких-либо изображений полового акта. Вместо них на страницах были фотографии девушек в смиренных рубашках, девушек в сапогах с шестидюймовыми каблучками, девушек с плеткой в руках, девушек в наручниках и девушек, шлепающих друг друга. На каждой странице было 120 фотографий, которые можно было приобрести у продавца. Быстрый подсчет показал, что в каталоге рекламировались 15–20 тысяч различных снимков. Каталог

фикация касается больше типов поведения, нежели типов людей, действий, а не личностей. Очевидно, поведение одного и того же человека может быть конформистским в одной сфере деятельности и девиантным — в другой.

был роскошно издан, и этот факт, наряду с количеством фотографий для продажи, явно говорил о том, что бизнес продавца процветал и у него была довольно обширная клиентура. При этом никто не сталкивается с садомазохистами-фетишистами каждый день. Очевидно, им удастся скрывать факт своего извращения («Все заказы отправляются по почте в обычных конвертах»)².

Похожие наблюдения делают исследователи гомосексуальности, которые отмечают, что многие гомосексуалы могут скрывать свою девиантность от недевиантных знакомых. Многие потребители наркотиков, как мы увидим позже, тоже способны скрывать свое пристрастие от знакомых, не принимающих наркотики.

Четыре теоретических типа девиантности, которые мы сконструировали путем перекрестного соотнесения типов поведения и вызываемых ими реакций, позволяют различать феномены, во многих важных отношениях не похожие друг на друга, но обычно считающиеся аналогичными. Если мы проигнорируем эти различия, мы можем начать ошибочно объяснять разные явления одним и тем же способом, не замечая, что каждому из них необходимо дать свое объяснение. Парня, который просто околачивается вокруг криминальной группы, могут однажды ночью задержать вместе с ее членами по подозрению в совершении преступления. Он попадет в официальную статистику в качестве такого же преступника, как и те, кто действительно совершил правонарушение, и социологи, создающие теории преступности, будут объяснять его присутствие в статистике тем же самым способом, каким они объясняют присутствие там остальных³. Однако это разные случаи; к ним не подходит одно и то же объяснение.

2 См. также обсуждение в: *James Jackson Kilpatrick. The Smut Peddlers* (New York: Doubleday and Co., 1960). P. 1-77.

3 Крайне полезным для меня было знакомство с неопубликованной статьей Джона Китсьюза*, посвященной использованию официальной статистики в исследованиях девиантности.

Одновременная и поэтапная модели девиантности

Выделение типов девиантности помогает нам понять, как возникает девиантное поведение, поскольку позволяет построить поэтапную модель девиантности, допускающую изменения во времени. Однако, прежде чем перейти к обсуждению этой модели, давайте посмотрим, чем поэтапная модель формирования поведения индивида отличается от одновременной.

В первую очередь отметим, что почти все исследования девиантности имеют дело с вопросом, обусловленным восприятием ее как патологии, то есть они направлены на выявление «этиологии» данной «болезни». Их цель — раскрыть причины нежелательного поведения.

Поиск, как правило, ведется при помощи инструментов многомерного анализа. В социальных исследованиях техники и инструменты неизбежно основываются на определенных теоретических и методологических допущениях, и многомерный анализ не исключение. Он предполагает (даже если использующие его в действительности считают иначе), что все факторы, вызывающие появление некоторого феномена, действуют одновременно. Задача состоит в выявлении того, какая переменная или комбинация переменных «предсказывает» изучаемое поведение лучше всего. Например, при изучении преступности среди несовершеннолетних могут пытаться установить, чем объясняется то, что несовершеннолетний становится преступником: коэффициентом умственного развития, районом проживания, неполной семьей или комбинацией этих факторов.

Но в действительности не все причины действуют одновременно. Нужна модель, которая учитывает тот факт, что шаблоны поведения *формируются* в упорядоченной последовательности. Как мы увидим ниже, при объяснении потребления марихуаны индивидом необходимо анализировать последовательность ступеней, изменений

в поведении индивида и в его взглядах, чтобы понять данное явление. Объяснения требует каждая ступень, поскольку то, что выступает причиной на одном этапе, может быть второстепенным на другом. Например, нам нужно одно объяснение для понимания того, как индивид попадает в ситуацию, где марихуана легко доступна, другое — для понимания того, почему, если она доступна, он вообще хочет с ней экспериментировать, и третье — для понимания того, почему после экспериментов с ней он продолжает ее употреблять. В некотором смысле каждое из объяснений указывает на необходимую причину данного поведения. То есть никто не может стать полноценным потребителем марихуаны без прохождения всех ступеней. Он должен получить доступ к наркотику, поэкспериментировать с ним и затем продолжить его употреблять. Объяснение каждого этапа, следовательно, является частью объяснения конечного поведения.

Взятые по отдельности, переменные, объясняющие каждый этап, не позволяют отличить тех, кто потребляет марихуану, от тех, кто ее не потребляет. Переменная, которая побуждает человека предпринять определенный шаг, может не действовать, потому что этот человек еще не достиг той стадии процесса, на которой подобный шаг возможен. Предположим, например, что одна из ступеней формирования привычки к потреблению наркотиков — желание экспериментировать с ними — на самом деле является результатом такой переменной, как личность или личностная ориентация вроде отчуждения от общепринятых норм. Переменная личностного отчуждения, однако, приведет к потреблению наркотиков только у тех, кто готов экспериментировать, поскольку они принадлежат к группам, в которых наркотики доступны; отчужденные люди, не имеющие доступа к наркотикам, не смогут начать экспериментировать и, следовательно, не смогут стать потребителями независимо от того, насколько они отчуждены. Таким образом, отчуждение может быть необходимой причиной потребления наркотиков, но оно

позволяет различать потребляющих и не потребляющих лишь на определенной стадии процесса.

Удобной концепцией для построения поэтапных моделей типов девиантного поведения является концепция *карьер*⁴. Данное понятие, первоначально возникшее в исследованиях профессий, обозначает последовательность перемещений от одной позиции в профессиональной системе к другой, совершаемых работающим в этой системе индивидом. С данным понятием также связано понятие «условий карьеры», то есть факторов, от которых зависит переход из одной позиции в другую. К условиям карьеры относятся как объективные факты социальной структуры, так и изменения в мнениях, мотивах и желаниях индивида. Обычно в исследованиях профессий это понятие используется, чтобы различать людей с «успешной» карьерой (как бы ни определялся успех в рамках конкретной профессии) и людей с «неуспешной» карьерой. Это понятие можно также использовать для выделения различных форм карьерных достижений безотносительно «успеха».

Данную модель можно легко приспособить для исследования девиантных карьер. При этом мы не должны ограничивать наш интерес только теми, кто выбирает карьеру, ведущую к усилению их девиантности, в конечном счете приобретает четко выраженную девиантную идентичность и начинает вести соответствующий образ жизни. Мы также должны рассматривать тех, кто лишь эпизодически соприкасается с девиантностью и чья карьера приводит их к общепринятому, а не девиантному образу жизни. Например, исследования малолетних преступников, которые не стали преступниками во взрослой

4 См.: *Everett C. Hughes. Men and Their Work* (New York: The Free Press of Glencoe, 1958). P. 56–67, 102–115, 157–168; *Oswald Hall. The Stages of the Medical Career* // *American Journal of Sociology*. 1948. Vol. 53. № 5. P. 243–253; *Howard S. Becker, Anselm L. Strauss. Careers, Personality, and Adult Socialization* // *American Journal of Sociology*. 1956. Vol. 67. № 3. P. 253–263.

жизни, могут научить нас большему, нежели исследования подростков, вставших на преступный путь.

В оставшейся части главы я рассмотрю возможности карьерного подхода к девиантности, а затем обращусь к конкретному виду девиантности — потреблению марихуаны.

Девиантные карьеры

Первой ступенью большинства девиантных карьер является совершение нонконформистского действия, то есть действия, которое нарушает определенный набор правил. Как объяснить эту первую ступень?

Обычно люди считают девиантные действия мотивированными. Они убеждены, что человек, совершающий девиантное действие, — даже если он совершает его впервые (возможно, в особенности, если он совершает его впервые) — делает это преднамеренно. Осознает он полностью свою цель или нет, у него есть побуждающий мотив. Мы вскоре рассмотрим случаи умышленного нонконформизма, но сначала я должен отметить, что многие нонконформистские действия совершаются людьми без намерения их совершить; очевидно, здесь требуется иное объяснение.

Скорее всего, непреднамеренные девиантные действия можно объяснить относительно просто. Они вызваны неосведомленностью о существовании правила или о том, что это правило применимо к данному случаю или к данному индивиду. Но такая неосведомленность требует объяснения. Как получилось, что человек не знает, что его действие недопустимо? Люди, глубоко погруженные в определенную субкультуру (например, религиозную или этническую), могут просто не осознавать, что никто себя «так» не ведет, и в результате вести себя неподобающе. В принципе, могут существовать структурированные области незнания определенных правил. Мэри Хаас указала на любопытный случай межъязыковых словесных

табу⁵. Слова, совершенно уместные в одном языке, имеют «грязный» смысл в другом. Человек, невинно употребляющий слово, обычное для его языка, может шокировать и приводить в ужас своих слушателей, принадлежащих к другой культуре.

Обычно при анализе случаев умышленного нонконформизма люди задают вопрос о мотивации: почему человек хочет совершить девиантный поступок? Данный вопрос предполагает, что базовое различие между девиантами и конформистами связано с природой их мотивов. Было предложено множество теорий, объясняющих, почему у одних людей есть девиантные мотивы, а у других нет. Авторы психологических теорий ищут причины девиантных мотивов и действий в детском опыте индивида, в ходе которого формируются бессознательные потребности, требующие удовлетворения для сохранения индивидом состояния равновесия. Авторы социологических теорий выявляют социально структурированные источники «напряжения» в обществе — социальные позиции, к которым предъявляются противоречивые требования, вследствие чего индивид прибегает к нелегитимному способу решения проблем, обусловленных его позицией. (В эту категорию вписывается знаменитая мертоновская теория аномии*⁶.)

Но посылка, лежащая в основе этих подходов, может быть полностью ложной. Нет никаких оснований полагать, что стремление к совершению девиантного действия есть только у тех, кто в конечном итоге его совершает. Гораздо вероятнее, что девиантные импульсы часто возникают у большинства людей. Люди куда более девиантны, чем кажется, по крайней мере в своих фантазиях. Вместо того чтобы спрашивать, почему у девиантов появляется желание заниматься предосудительными вещами, лучше

5 *Mary R. Haas*. Interlingual Word Taboos // *American Anthropologist*. 1951. Vol. 53. № 3. P. 338–344.

6 *Роберт Мертон*. Социальная теория и социальная структура / Пер. с англ. Екатерины Егоровой и др. (Москва: АСТ, 2006). С. 243–322.

задаться вопросом, почему обыватели не следуют своим девиантным побуждениям.

Частичный ответ на этот вопрос дает процесс формирования приверженности, в ходе которого «нормальный» человек постепенно приобщается к общепризнанным институтам и формам поведения. Говоря о приверженности⁷, я имею в виду процесс, в результате которого определенные интересы связываются с определенными линиями поведения, для которых они кажутся формально чужеродными. В этом случае индивид обнаруживает, что вследствие действий, совершенных им в прошлом, или в силу рутинных институциональных обстоятельств он должен придерживаться определенных линий поведения, поскольку, если он не будет этого делать, пострадают многие другие сферы деятельности, помимо той, в которую он непосредственно вовлечен. Молодежь из среднего класса не должна бросать школу, потому что ее профессиональное будущее зависит от получения определенного объема школьных знаний. Обыватель не должен проявлять интерес к наркотикам, потому что на кону стоит гораздо большее, нежели получение непосредственного удовольствия; он может полагать, что его работа, семья и репутация среди соседей зависят от того, будет ли он и дальше избегать искушения.

В принципе, нормальное развитие людей в нашем обществе (как, возможно, и в любом другом) может быть рассмотрено как постепенное усиление приверженности общепринятым нормам и институтам. «Нормальный» человек, обнаруживающий в себе импульс к девиантному

7 Я разъясняю это понятие гораздо подробнее в: *Howard S. Becker. Notes on the Concept of Commitment // American Journal of Sociology. 1960. Vol. 66. № 1. P. 32–40. См. также: Irving Goffman. Encounters: Two Studies in the Sociology of Interaction (Indianapolis: Bobbs-Merrill, 1961). P. 88–110; Gregory P. Stone. Clothing and Social Relations: A Study of Appearance in the Context of Community Life. PhD dissertation (Department of Sociology, University of Chicago, 1959).*

поведению, способен противиться ему, представляя себе множество последствий, к которым оно приведет. Он сделал слишком большую ставку на свою нормальность, чтобы позволить неконвенциональным импульсам возобладать над собой.

Это означает, что при рассмотрении случаев умышленного нонконформизма мы должны спрашивать, каким образом индивиду удастся избежать влияния общепринятых форм приверженности. Он может делать это одним из двух способов. Прежде всего, индивид может в процессе взросления каким-то образом не попасть в пути конвенционального общества. Это позволяет ему свободно следовать своим побуждениям. Не имея репутации, которой нужно дорожить, или общепризнанной работы, за которую нужно держаться, он может давать волю своим импульсам. Ничто не заставляет его постоянно демонстрировать, что он такой, как все.

Однако большинство людей сохраняют чувствительность к общепринятым кодексам поведения и вынуждены преодолевать ее, когда впервые совершают девиантное действие. Сайкс и Маца показали, что преступники на самом деле испытывают сильное желание соблюдать законы, с которым они справляются при помощи техник нейтрализации — «обоснований девиантности, которые кажутся вескими для преступника, но не для правовой системы или общества в целом». Они выделяют несколько техник нейтрализации ценности законопослушности.

В той мере, в какой преступник может определять себя как человека, не несущего ответственности за свои девиантные действия, эффективность самоосуждения или осуждения окружающими как сдерживающего фактора резко снижается... Преступник применяет к себе концепцию «бильярдного шара», в соответствии с которой он попадает в новые ситуации не по своей воле... Приучаясь воспринимать себя скорее в качестве объекта действий, нежели в качестве действующего лица, преступник открывает для себя возможность отклонения от господствующей нормативной системы без лобовой атаки на нормы...

Вторая основная техника нейтрализации концентрируется вокруг травмы или вреда, причиняемого правонарушением... Для преступника... противоправность может зависеть от того, нанесло ли его девиантное действие кому-либо явный вред или нет, что может интерпретироваться по-разному... Угон автомобиля может считаться «одалживанием», а бандитская драка — частной ссорой, добровольным поединком двух сторон, который, следовательно, не должен волновать общество...

Моральное возмущение со стороны самого преступника или окружающих может нейтрализовываться убеждением, что в данных обстоятельствах нанесение ущерба не является чем-то плохим. Ущерб может объявляться вовсе не ущербом, а скорее разновидностью правомерного возмездия или наказания... Оскорбление гомосексуалов или людей, подозреваемых в гомосексуальности, нападение на представителей меньшинств, которые «забыли свое место», вандализм с целью отомстить несправедливому учителю или представителю школьной администрации, кража у «жуликоватого» владельца магазина, — все эти действия могут представлять ся преступнику причинением вреда нарушителю закона...

Четвертая техника нейтрализации предполагает осуждение осуждающих... Преступник может заявлять, что осуждающие его — лицемеры, скрытые девианты или что ими движет личная неприязнь... Нападки на других облегчают вытеснение или игнорирование мыслей о неправомерности своего поведения...

Внутренний и внешний социальный контроль может нейтрализовываться путем отказа от требований окружающего общества в пользу требований более мелких социальных групп, к которым принадлежит преступник, вроде братьев или сестер, банды или круга друзей... Важнее всего то, что отклонение от норм может происходить не потому, что эти нормы отвергаются, а потому, что приоритет получают другие нормы, более сильные или предполагающие бо́льшую лояльность⁸.

В некоторых случаях неконформистское действие может казаться необходимым или целесообразным вполне законопослушному человеку. Когда девиантное действие совершается ради удовлетворения легитимных интересов, оно становится если не правильным, то как минимум не совсем неправильным. Хороший пример приводится

8 *Gresham M. Sykes, David Matza. Techniques of Neutralization: A Theory of Delinquency // American Sociological Review. 1957. Vol. 22. № 6. P. 667–669.*

в одном романе, рассказывающем о молодом итало-американском докторе⁹. Молодой человек, только что закончивший медицинский колледж, хочет начать практику, не пользуясь фактом своего итальянского происхождения. Однако он выясняет, что ему, итальянцу, сложно получить признание среди местных врачей-американцев. Однажды один известный хирург неожиданно просит его принять свою пациентку, и молодой человек решает, что его наконец-то включили в систему взаимных направлений, существующую между лучшими врачами в городе. Но, когда пациентка прибывает в его офис, оказывается, что это случай нелегального аборта. Ошибочно приняв направление за первый шаг на пути к постоянным отношениям с хирургом, он делает операцию. Этот поступок, хотя и предосудительный, кажется ему необходимым для построения карьеры.

Но нам интересен не столько человек, совершающий девиантное действие один раз, сколько человек, придерживающийся шаблона девиантного поведения на протяжении длительного времени, сделавший девиантность своим образом жизни и организовавший свою идентичность в соответствии с шаблоном девиантного поведения. Мы хотим понять не тех, кто эпизодически экспериментирует с гомосексуальностью (которых, как показали «Отчеты Кинси»*, на удивление много), а тех, кто придерживается шаблона гомосексуальной активности всю свою взрослую жизнь.

Одним из механизмов, приводящих от эпизодических экспериментов к более устойчивому шаблону девиантной деятельности, является формирование девиантных мотивов и интересов. Мы подробно проанализируем этот процесс позже, когда будем рассматривать карьеру потребителя марихуаны. Сейчас достаточно сказать, что многие

9 *Guido D'Agostino. Olives on the Apple Tree* (New York: Doubleday, Doran, 1940). Я благодарен Эверетту Хьюзу* за то, что он привлек мое внимание к данному роману.

виды девиантной деятельности обусловлены социально усвоенными мотивами. До того, как индивид начнет осуществлять девиантную деятельность на более или менее регулярной основе, у него нет никакого представления об удовольствиях, которые она может приносить; он узнаёт о них в процессе общения с более опытными девиантами. Он учится осознавать новые переживания и думать о них как о чем-то приятном. То, что вполне могло быть случайным побуждением попробовать что-то новое, становится устойчивым вкусом к чему-то уже знакомому и испытанному. Словари терминов, описывающих девиантные мотивы, показывают, что использующие их люди овладевают ими в ходе взаимодействия с другими девиантами. Словом, индивид *учится* быть участником субкультуры, организованной вокруг девиантной деятельности.

Девиантные мотивы имеют социальную природу, даже когда бóльшая часть деятельности осуществляется приватно, тайно и в одиночку. В таких случаях вместо взаимодействия лицом к лицу в качестве инструмента вовлечения индивида в культуру могут использоваться различные средства коммуникации. Порнографические изображения, о которых я говорил ранее, описывались для будущих покупателей особым стилизованным языком. Обычные слова использовались в качестве технических эвфемизмов, призванных возбудить специфический аппетит. Например, для описания женщин в наручниках или смирительных рубашках постоянно применялось слово «связывание». Сформировать у себя вкус к «фотографиям со связыванием», не усвоив, что они собой представляют и как ими можно наслаждаться, нельзя.

Вероятно, одной из ключевых ступеней в процессе выработки устойчивого шаблона девиантного поведения является опыт разоблачения и публичного получения ярлыка девианта. Пройдет индивид через эту ступень или нет, зависит не столько от того, что он делает, сколько от того, что делают другие, то есть от того, принуждают ли они его к соблюдению правила, которое он нарушил. Хотя

в дальнейшем я подробно проанализирую обстоятельства, при которых осуществляется принуждение, здесь необходимо сделать два замечания. Во-первых, даже если никто не замечает нонконформизм или не принуждает соблюдать необходимые правила, индивид, совершивший нарушение, может принуждать себя сам. Он может ставить на себя клеймо девианта за содеянное и тем или иным образом наказывать себя за свое поведение. Это происходит не всегда и не неизбежно, но такое бывает. Во-вторых, возможны случаи вроде тех, которые описывают психоаналитики, когда индивид действительно хочет быть разоблаченным и совершает девиантное действие так, чтобы его наверняка раскрыли.

В любом случае разоблачение и получение клейма девианта имеют важные последствия для последующего социального участия индивида и его представления о себе. Важнейшее последствие состоит в радикальном изменении его публичной идентичности. Совершение недопустимого действия и публичное разоблачение наделяют индивида новым статусом. В результате разоблачения выясняется, что он не тот, кем его считали. На него наклеивают ярлык «гомика», «торчка», «психа» или «шизика» и соответствующим образом с ним обращаются.

Для анализа последствий приобретения девиантной идентичности можно использовать предложенное Хьюзом различие между главными и сопутствующими статусными признаками¹⁰. Хьюз отмечает, что большая часть статусов предполагает один ключевой признак, который позволяет различать тех, кто принадлежит к группе, и тех, кто к ней не относится. Так, врач, кем бы он ни был помимо этого, является обладателем сертификата, удостоверяющего, что он выполнил определенные требования и имеет право заниматься медицинской практикой. Это главный признак. Как указывает Хьюз, в нашем обществе

10 *Everett C. Hughes. Dilemmas and Contradictions of Status // American Journal of Sociology. 1945. Vol. 50. № 5. P. 353–359.*

также неформально ожидается, что врач обладает рядом сопутствующих признаков: большинство людей ожидает, что он будет выходцем из высшего среднего класса, белым, мужчиной и протестантом. Когда это не так, возникает ощущение, что он в каком-то смысле не соответствует необходимым требованиям. Аналогичным образом, хотя цвет кожи является главным статусным признаком, определяющим, кто чернокожий, а кто белый, неформально ожидается, что чернокожие будут иметь одни статусные признаки и не иметь других; люди удивляются и считают аномальным, если чернокожий оказывается врачом или профессором колледжа. Часто у людей есть главный статусный признак, но нет какого-либо из сопутствующих, неформально ожидаемых признаков; например, можно быть врачом, но при этом женщиной или чернокожим.

Хьюз обсуждает данное явление на примере привлекательных, востребованных или желанных статусов (отмечая, что можно иметь формальные квалификации, необходимые для получения статуса, но обладать им лишь частично в силу отсутствия надлежащих сопутствующих признаков), но этот же процесс имеет место и в случае девиантных статусов. Обладание одним девиантным признаком может иметь обобщенную символическую ценность, поэтому люди автоматически предполагают, что его носитель обладает также другими нежелательными признаками, которые ассоциируются с девиантным признаком.

Чтобы на человека наклеили ярлык преступника, ему достаточно совершить один криминальный проступок, и это все, что формально обозначает данный термин. Однако у этого слова есть ряд коннотаций, указывающих на сопутствующие признаки, характерные для любого носителя данного ярлыка. Считается, что человек, которого осудили за ограбление дома и на которого тем самым наклеили ярлык преступника, скорее всего будет и дальше грабить дома; полицейские исходят из этого допущения, когда очерчивают круг известных подозреваемых после совершения преступления. Кроме того, предполагается,

что он, вероятно, будет совершать и другие преступления, поскольку продемонстрировал, что «не чтит закон». Таким образом, арест человека за одно девиантное действие может приводить к тому, что его будут считать девиантом или нежелательной личностью и в других отношениях.

В концепции Хьюза есть еще один элемент, который может быть для нас полезен: различие между главными и подчиненными статусами¹¹. В нашем обществе, как и в других, некоторые статусы доминируют над остальными и имеют определенный приоритет. Один из них — раса. В большинстве ситуаций социально определяемая принадлежность к черной расе будет перевешивать большинство других статусных характеристик; то, что человек является врачом, или принадлежит к среднему классу, или является женщиной, не защищает его от того, что к нему будут относиться прежде всего как к чернокожему, а все прочие вещи будут считаться второстепенными. Статус девианта (в зависимости от типа девиантности) тоже относится к главным. Человек получает данный статус в результате нарушения правила, и такая его идентификация оказывается более значимой, чем большинство остальных. Его сначала будут идентифицировать как девианта, а потом уже другими способами. На вопрос «Что за человек станет нарушать столь важное правило?» дается ответ: «Тот, кто не похож на нас, кто не способен или не будет вести себя как воспитанный человек и поэтому может нарушать и другие важные правила». Девиантная идентификация становится господствующей.

Отношение к человеку как к тому, кто является девиантом в целом, а не в определенном отношении, становится самосбывающимся пророчеством. Оно запускает ряд механизмов, которые вынуждают человека соответствовать сложившемуся у людей представлению о нем¹².

¹¹ Ibid.

¹² См.: *Marsh B. Ray. The Cycle of Abstinence and Relapse Among Heroin Addicts // Social Problems. 1961. Vol. 9. № 2. P. 132–140.*

После признания человека девиантом его прежде всего исключают из конвенциональных групп, хотя конкретные последствия его девиантной активности сами по себе никогда не привели бы к изоляции, если бы эта активность не стала общеизвестной и не вызвала соответствующую реакцию. Например, гомосексуальность может не влиять на способность индивида работать в офисе, но, если о его гомосексуальности станет известно, это может сделать невозможным продолжение его работы там. Точно так же, хотя опиатные наркотики могут не влиять на работоспособность, знание о зависимости человека скорее всего приведет к увольнению. В подобных случаях индивиду сложно соответствовать другим правилам, которые он не намеревался или не хотел нарушать, и он волей-неволей оказывается девиантом и в этих сферах. Гомосексуал, лишившийся «престижной» работы вследствие обнаружения его девиантности, может устроиться на нестандартную, маргинальную работу, где его сексуальная ориентация будет неважна. Наркоман вынужден заниматься другими видами незаконной деятельности — например, воровством или грабежом — из-за отказа приличных работодателей иметь с ним дело.

Когда девианта разоблачают, отношение к нему определяется распространенным диагнозом, объясняющим, почему он таков, каков он есть, что может усиливать девиантность. Наркомана, которого принято считать слабовольным человеком, неспособным противостоять тяге к постыдному удовольствию, доставляемому опиатами, подвергают ограничениям. Ему запрещают употреблять наркотики. Поскольку он не может достать наркотики легально, ему приходится доставать их нелегально. В итоге рынок наркотиков уходит в подполье, а цена на наркотики взлетает вверх и становится настолько выше легитимной рыночной цены, что люди со средней зарплатой не могут их себе позволить. Таким образом, отношение окружающих к девиантности наркомана ставит его в позицию, когда ему приходится врать и совершать преступления, чтобы

сохранять свою привычку¹³. Поведение обуславливается публичной реакцией на девиантность, а не качествами, присущими девиантному действию.

В более общем виде данный тезис можно сформулировать следующим образом: отношение к девиантам лишает их возможности использовать обычные средства ведения повседневной жизни, доступные большинству людей. В результате девиант вынужден прибегать к нелегитимным практикам. Влияние публичной реакции может быть прямым, как в рассмотренных выше случаях, или косвенным, в силу интегрированности общества, в котором живет девиант.

Общества интегрированы в том смысле, что социальное устройство одной сферы деятельности определенным образом соотносится с деятельностью в других сферах и зависит от их существования. Как мы увидим дальше, когда будем анализировать случай джазового музыканта, некоторые формы трудовой жизни предполагают соответствующий тип семейной жизни.

Многие виды девиаций создают сложности, так как не согласуются с ожиданиями в других сферах жизни. Пример — гомосексуальность. Гомосексуалы испытывают трудности во всех сферах социальной деятельности, в которых по умолчанию предполагаются нормальные сексуальные предпочтения и тяга к браку. В устойчивых трудовых объединениях вроде крупных коммерческих или промышленных организаций для продвижения по службе мужчине необходимо в определенный момент жениться; невыполнение этого условия помешает ему добиться успеха в организации и тем самым закроет перед ним все перспективы. Необходимость жениться зачастую создает достаточно серьезные проблемы и для нормального мужчины, а гомосексуала ставит в почти безвыход-

13 См.: Drug Addiction: Crime or Disease? Interim and Final Reports of the Joint Committee of the American Bar Association and the American Medical Association on Narcotic Drugs (Bloomington: Indiana University Press, 1961).

ное положение. Точно так же гомосексуалы сталкиваются с очевидными сложностями в некоторых трудовых мужских коллективах, в которых демонстрация гетеросексуальной доблести необходима для завоевания уважения в группе. Неспособность соответствовать ожиданиям других может заставлять индивида прибегать к девиантным способам получения результатов, которых нормальные люди достигают автоматически.

Разумеется, человек, пойманный на одном девиантном действии и получивший ярлык девианта, не обязательно начинает склоняться к еще большей девиантности, как могло бы показаться из предыдущих замечаний. Пророчества не всегда сбываются, а механизмы не всегда работают. Какие факторы тормозят или останавливают усиление девиантности? При каких условиях они начинают действовать?

Одно из указаний на то, каким образом индивид может избегать усиления девиантности, содержится в недавнем исследовании малолетних преступников, которые «разводят» гомосексуалов¹⁴. Эти молодые люди ведут себя с настоящими взрослыми гомосексуалами как гомосексуалы-проститутки, но при этом сами не становятся гомосексуалами. То, что они не практикуют в дальнейшем соответствующую сексуальную девиацию, объясняется несколькими обстоятельствами. Во-первых, они защищены от полицейского преследования, поскольку являются несовершеннолетними. Если их задержат за совершение гомосексуального акта, к ним будут относиться как к используемым детям, хотя на самом деле это они используют других; по закону виноват взрослый. Во-вторых, они считают совершаемые ими гомосексуальные действия всего лишь средством зарабатывания денег, более безопасным и быстрым, чем воровство или аналогичные практики. В-третьих, нормы, принятые среди их сверстников, хотя

14 *Albert J. Reiss Jr. The Social Integration of Queers and Peers // Social Problems. 1961. Vol. 9. № 2. P. 102–120.*

и допускают гомосексуальную проституцию, разрешают только один вид деятельности и запрещают получать от него удовольствие или допускать проявления нежности со стороны взрослого, с которым они вступают в связь. Приятели сурово наказывают за нарушение этих правил, как и за другие отклонения от нормальной гетеросексуальной активности.

Задержание не приведет к усилению девиантности, если ситуация, в которой индивида впервые задерживают, все еще предполагает возможность выбора между альтернативными направлениями действия. Впервые столкнувшись с возможными необратимыми и кардинальными последствиями своих поступков, он может понять, что не хочет идти по девиантному пути, и повернуть назад. Если он сделает правильный выбор, его примут обратно в конвенциональное общество, но, если он совершит неправильный шаг, его отвергнут и он попадет в замкнутый круг усиливающейся девиантности.

В своем исследовании наркоманов Рэй показал, насколько сложно бывает вырваться из круга девиантности¹⁵. Он указывает, что наркоманы часто пытаются вылечиться, и их усилия мотивируются стремлением показать не употребляющим наркотики людям, мнением которых они дорожат, что они на самом деле не настолько плохи, как о них думают. Успешно избавившись от своей привычки, они с растерянностью обнаруживают, что люди по-прежнему относятся к ним так, словно они все еще наркоманы (очевидно, в силу допущения, что «бывших наркоманов не бывает»).

Завершающей ступенью карьеры девианта является вхождение в организованную девиантную группу. Окончательное вступление в организованную группу — или осознание и признание того, что оно уже произошло, — оказывает мощное воздействие на его представление о себе. Как-то раз одна наркоманка рассказала мне, что

¹⁵ Ray. Op. cit.

она поняла, что реально «подседа», когда до нее дошло, что среди ее друзей нет не наркоманов.

Разумеется, у членов организованных девиантных групп есть одна общая черта — их девиантность. Она создает у них ощущение общей судьбы, ощущение того, что они находятся в одной лодке. Ощущение общей судьбы, столкновение с одними и теми же проблемами приводит к формированию девиантной субкультуры: совокупности воззрений и представлений о том, что такое мир и как в нем жить, а также совокупности рутинных практик, основанных на этих воззрениях. Членство в такой группе укрепляет девиантную идентичность.

Вхождение в организованную девиантную группу имеет несколько последствий для карьеры девианта. Во-первых, девиантные группы склонны рационализировать свое положение в большей степени, нежели девиантные индивиды. В радикальных случаях они создают очень сложные исторические, юридические и психологические обоснования своей девиантной активности. Хороший пример — гомосексуальное сообщество. Журналы и книги, написанные гомосексуалами и для гомосексуалов, содержат исторические статьи об известных гомосексуалах. В них публикуются материалы по биологии и физиологии секса, призванные показать, что гомосексуальность — это «нормальная» сексуальная реакция. Есть также юридические статьи, в которых говорится о необходимости защиты гражданских прав гомосексуалов¹⁶. Все эти публикации снабжают активного гомосексуала действенной философией, которая объясняет ему, почему он таков, каков он есть, показывает, что есть и другие такие же люди, и доказывает, что быть таким совершенно нормально.

Большинство девиантных групп создают самооправдания и самообоснования (или «идеологии»), хотя они редко настолько продуманы, как у гомосексуалов. Выше

16 Мне попадались два журнала такого рода — «One» и «The Matchine Review».

я отмечал, что подобные обоснования нейтрализуют общепринятые установки, которые девианты все еще могут обнаруживать у себя в отношении своего поведения, но они исполняют и другую функцию. Они дают индивиду достаточно веские поводы придерживаться начатой линии поведения. Человек, избавляющийся от сомнений путем принятия предлагаемых обоснований, становится более непреклонным и последовательным в своей девиантности, нежели раньше.

Второе, что происходит, когда индивид попадает в девиантную группу, — он узнает, как осуществлять девиантную деятельность с минимальными сложностями. Со всеми проблемами, с которыми сталкивается индивид, пытаясь уклониться от соблюдения нарушаемого им правила, уже сталкивались другие. Решения найдены. Так, молодой вор знакомится с более опытными взрослыми ворами, которые объясняют ему, как сбыть краденое без риска быть пойманным. Каждая девиантная группа обладает огромным запасом знаний о подобных вещах, и новичок их быстро усваивает.

Таким образом, девиант, присоединяющийся к организованной и институционализированной девиантной группе, с большей вероятностью продолжит заниматься тем, что он делал до этого. С одной стороны, он учится избегать проблем, с другой — у него появляются обоснования, оправдывающие продолжение девиантной деятельности.

Следует упомянуть и еще один момент. Выдвигаемые девиантными группами обоснования обычно оправдывают отказ от общепринятых моральных правил, конвенциональных институтов и привычного мира в целом. Мы проанализируем девиантную субкультуру позже, когда будем рассматривать случай джазового музыканта.

Как становятся потребителем марихуаны

Неизвестное, но, по всей видимости, довольно значительное число жителей США употребляют марихуану. Они делают это, несмотря на противозаконность и предосудительность данного занятия.

Феномену потребления марихуаны уделялось много внимания, в особенности со стороны психиатров и работников правоохранительных органов. Как и во многих случаях изучения поведения, считающегося девиантным, в существующих исследованиях пытаются главным образом ответить на вопрос: «Почему они это делают?» Попытки объяснить потребление марихуаны основываются в значительной мере на допущении, что существование любого типа поведения лучше всего объясняется некоторым признаком индивида, предрасполагающим или мотивирующим его к такому поведению. В случае потребления марихуаны этот признак обычно определяется психологически как потребность в фантазиях и бегстве от психологических проблем, с которыми индивид не может справиться¹.

Я не думаю, что эти теории могут адекватно объяснить потребление марихуаны. Потребление марихуаны — ин-

¹ Такой подход применяется, например, в следующих исследованиях: *Eli Marcovitz, Henry J. Meyers. The Marihuana Addict in the Army // War Medicine. 1944. Vol. 6. P. 382–391; Herbert S. Gaskill. Marihuana, an Intoxicant // American Journal of Psychiatry. 1945. Vol. 102. № 2. P. 202–204; Sol Charen, Luis Perelman. Personality Studies of Marihuana Addicts // American Journal of Psychiatry. 1946. Vol. 102. № 5. P. 674–682.*

интересный объект для теорий девиантности как раз потому, что он показывает: девиантные мотивы на самом деле складываются в опыте девиантной деятельности. В сокращенном виде сложный аргумент звучит следующим образом: не девиантные мотивы ведут к девиантному поведению, а, наоборот, девиантное поведение со временем приводит к появлению девиантных мотивов. Смутные побуждения и желания — в данном случае чаще всего, вероятно, любопытство и желание пережить опыт, который дают наркотики, — превращаются в четкие шаблоны действия в результате социальной интерпретации физического опыта, который сам по себе неоднозначен. Потребление марихуаны является функцией от индивидуального представления о марихуане и способах ее использования, представления, которое развивается по мере расширения опыта употребления наркотика².

Предметом исследования, о котором сообщается в настоящей и следующей главах, является карьера потребителя марихуаны. В этой главе мы проанализируем эволюцию непосредственного физического опыта употребления марихуаны индивидом. В следующей главе мы рассмотрим, как он реагирует на различные формы социального контроля, сопутствующие употреблению данного наркотика. Мы попытаемся понять последовательность изменений в установке и опыте, которые приводят к *потреблению марихуаны ради удовольствия*. Такая формулировка проблемы нуждается в некотором пояснении. Марихуана не вызывает зависимости, по крайней мере такой же, как алкоголь и опиаты. У потребителя не возникает абстинентного синдрома и не наблюдается неодолимое пристрастие к наркотику³. Наиболее распространенный шаблон поведения можно назвать «рекреационным». Потребитель

2 Данная теоретическая позиция вытекает из анализа объектов Джорджем Гербертом Мидом в: *George Herbert Mead. Mind, Self, and Society* (Chicago: University of Chicago Press, 1934). P. 277–280.

3 См.: *Rogers Adams. Marihuana* // *Bulletin of the New York Academy of Medicine*. 1942. Vol. 18. № 11. P. 705–730.

принимает наркотик время от времени ради получения удовольствия, которое тот доставляет. Это относительно нерегулярная форма поведения по сравнению с потреблением наркотиков, которые вызывают привыкание. Данный момент подчеркивается в отчете Комиссии по вопросу марихуаны при мэрии Нью-Йорка*:

Человек может быть заядлым курильщиком марихуаны в течение длительного времени и потом добровольно отказаться от наркотика, не испытывая при этом тяги к нему и не страдая от абстиненции. Позже он может возобновить употребление. Некоторые могут курить эпизодически, одну-две сигареты в неделю, или только тогда, когда к этому располагает «социальная ситуация». Один из наших исследователей время от времени общался с потребителем марихуаны. Когда исследователь затрагивал тему курения, это неизменно приводило к предложению достать сигареты с марихуаной. Они шли в «притон», и, если он был закрыт, курильщик и наш исследователь спокойно возвращались к своей прежней деятельности — разговору о жизни в целом или игре в бильярд. У курильщика не наблюдалось никаких следов фрустрации из-за того, что он не смог удовлетворить желание принять наркотик. Мы считаем этот момент крайне важным, поскольку он противоречит опыту потребителей других наркотиков. У наркомана, употребляющего морфий, кокаин или героин, аналогичная ситуация вызвала бы компульсивное желание получить наркотик. Если бы это оказалось невозможно, наблюдались бы очевидные физические и психические признаки фрустрации. Это можно считать предварительным доказательством того, что употребление марихуаны не вызывает подлинной зависимости в медицинском смысле слова⁴.

Говоря «потребление ради удовольствия», я хочу подчеркнуть некомпульсивный и нерегулярный характер поведения. (Я также хочу исключить из рассмотрения те немногочисленные случаи, когда марихуану потребляют исключительно из-за ее престижа, в качестве символа принадлежности индивида к особой категории людей и без всякого удовольствия.)

4 *The New York City Mayor's Committee on Marihuana. The Marihuana Problem in the City of New York* (Lancaster: Jacques Cattell Press, 1944). P. 12–13.

Дизайн исследования, о котором пойдет речь, не предполагал, что оно позволит окончательно подтвердить или опровергнуть теории, связывающие потребление марихуаны с какой-либо психологической особенностью потребителя. Однако оно показывает, что как таковых психологических объяснений недостаточно для объяснения потребления марихуаны и что в них, вероятно, вообще нет необходимости. Исследователи, пытающиеся доказать подобные психологические теории, столкнулись с двумя серьезными трудностями, которые им так и не удалось успешно преодолеть и которых излагаемая здесь теория избегает. Во-первых, теории, предполагающие наличие некоторого предопределяющего психологического признака, испытывают трудности при объяснении группы потребителей (составляющих существенное число во всех исследованиях⁵), которые не обладают признаком или признаками, считающимися причиной данного поведения. Во-вторых, психологические теории не могут объяснить значительную изменчивость поведения отдельного индивида по отношению к наркотику с течением времени. Один и тот же человек может в один момент времени быть неспособным принимать наркотик ради удовольствия, позже — быть способным и хотеть это делать, а затем — опять быть неспособным к этому. Эти изменения сложно объяснить при помощи теории, предполагающей наличие у индивида потребности в «бегстве», но их легко понять в качестве следствия изменения его представлений о наркотики. Аналогично, если мы будем рассматривать потребителя марихуаны как индивида, который научился видеть в марихуане источник удовольствия, мы без труда поймем существование психологически «нормальных» потребителей.

В настоящем исследовании я использовал метод аналитической индукции. Я попытался сформулировать общее

5 См.: *Lawrence Kolb*. Marihuana // *Federal Probation*. 1938. Vol. 2. P. 22–25; *Walter Bromberg*. Marihuana: A Psychiatric Study // *Journal of the American Medical Association*. 1939. Vol. 113. P. 11.

представление о последовательности изменений индивидуального отношения и опыта, которые происходят всегда, когда у индивидов формируется желание и умение потреблять марихуану ради удовольствия, и никогда не происходят или не закрепляются, когда человек не хочет потреблять марихуану ради удовольствия. Этот метод требует, чтобы *каждый* охватываемый исследованием случай подтверждал данную гипотезу. Если имеется случай, который ее не подтверждает, исследователь должен изменить гипотезу так, чтобы она учитывала случай, который опроверг изначальную гипотезу⁶.

Чтобы уточнить и проверить свою гипотезу о генезисе потребления марихуаны ради удовольствия, я взял пятьдесят интервью у потребителей марихуаны. В течение нескольких лет, когда я проводил это исследование, я был профессиональным джазовым музыкантом, и поэтому мои первые интервью были с людьми, с которыми я был знаком по музыкальному бизнесу. Я просил их свести меня с другими потребителями, которые были бы готовы обсудить свой опыт со мной. Коллеги, проводившие исследование потребителей опиатных наркотиков, поделились несколькими интервью, которые, помимо информации об опиатах, содержали также достаточно много материала о потреблении марихуаны, который можно было использовать для проверки моей гипотезы⁷. Хотя в конечном итоге половина из пятидесяти интервью была с музыкантами, другая половина включала интервью с самыми разными людьми, в том числе — чернорабочими, станочниками и дипломированными специалистами. Разумеется, выборка ни в коем случае не является «слу-

6 Метод описан в: *Alfred R. Lindesmith*. Opiate Addiction (Bloomington: Principia Press, 1947). Ch. 1. Данный метод много обсуждался в литературе. См., например: *Ralph H. Turner*. The Quest for Universals in Sociological Research // *American Sociological Review*. 1953. Vol. 18. № 6. P. 604–611, и цитируемую там литературу.

7 Я хотел бы поблагодарить Соломона Кобрин* и Гарольда Файнстоуна*, предоставивших доступ к этим интервью.

чайной»; построить случайную выборку невозможно, поскольку никто не знает генеральную совокупность, из которой нужно произвести отбор.

Интервьюируя потребителей, я концентрировался на индивидуальной истории опыта потребления марихуаны, чтобы выявить ключевые моменты изменения установки и реальной практики, а также причины этих изменений. Там, где это было возможно и уместно, я говорил на жаргоне потребителей.

Отправной точкой теории является человек, у которого возникло желание попробовать марихуану. (Я обсуждаю, как он к этому пришел, в следующей главе.) Он знает, что другие употребляют марихуану, чтобы «словить кайф», но он не знает, что именно это значит. Ему интересен данный опыт, он не знает, каким тот может оказаться, и он опасается, что не готов к нему. Описываемые ниже ступени, если он проходит их все и сохраняет сформировавшуюся при этом установку, приводят к появлению у него желания и способности употреблять наркотик ради удовольствия, когда для этого предоставляется возможность.

Овладение техникой

Как правило, новичок, курящий марихуану впервые, не способен словить кайф; обычно требуется несколько попыток, чтобы достичь этого состояния. Одно из объяснений может состоять в том, что он курит наркотик «неправильно», то есть так, что не получает дозу, достаточную, чтобы вызвать реальные симптомы интоксикации. Большинство потребителей согласны с тем, что, если хочешь словить кайф, марихуану нельзя курить как табак:

Набираешь побольше воздуха, короче, и... Не знаю, как описать. Не надо курить, как обычную сигарету, нужно втянуть много воздуха, загнать его глубоко внутрь и там держать. Держать столько, сколько сможешь.

Без подобной техники⁸ наркотик не будет иметь эффекта и курящий не словит кайф:

Проблема с такими людьми [которые не могут словить кайф], что они просто курят неправильно, вот и все. Они или не держат дым достаточно долго, или набирают слишком много воздуха и мало дыма, или наоборот, что-то типа того. Многие просто курят неправильно, так что, естественно, ничего не выходит.

Если ничего не происходит, употребляющий очевидно не способен сформировать представление о наркотике как об объекте, который можно потреблять ради удовольствия, что приводит к прекращению потребления. Чтобы индивид стал потребителем, он должен на первой ступени в последовательности необходимых событий научиться правильной технике курения, благодаря которой употребление наркотика будет вызывать эффекты, способные изменить его представление о наркотике.

Подобное изменение, как и следовало ожидать, является результатом участия индивида в группах, в которых употребляют марихуану. В этих группах индивид овладевает правильным способом курения наркотика. Это может происходить путем прямого обучения:

Я курил ее, будто это обычная сигарета. Он сказал: «Нет, надо делать не так». Он сказал: «Втяни, ну, затянись и держи дым в легких пока... какое-то время».

Я спросил: «Держать какое-то определенное время?»

Он сказал: «Нет, просто пока не почувствуешь, что хочешь выдохнуть, тогда и выдыхай». Я так и сделал три-четыре раза.

Многие новички стесняются признаваться в своем неумении курить и, притворяясь, будто они уже умеют, вынуждены овладевать техникой косвенным образом — посредством наблюдения и подражания:

8 Как указывает фармаколог, данный ритуал является в действительности чрезвычайно эффективным способом введения наркотика в кровеносную систему. См.: *Robert P. Walton. Marijuana: America's New Drug Problem* (Philadelphia: J. B. Lippincott, 1938). P. 48.

Ну, я вел себя так, будто я уже дул [курил марихуану] много раз до этого. Я не хотел выглядеть салагой перед этим чуваком. Ну, типа я не знаю базы — как курить или что будет потом, все такое. Я просто следил за ним словно ястреб — я не сводил с него глаз ни на секунду, потому что хотел повторить все, что он делал. Я смотрел, как он держит, как он курит, в общем все. Потом, когда мне передали косяк, я действовал спокойно, будто точно знал, что к чему. Я взял его так же, как он, и сделал затяжку так же, как он.

Все респонденты продолжали курить марихуану ради удовольствия, только если сначала овладевали техникой, которая позволяла получить достаточную дозу для появления эффектов от наркотика. Лишь овладение техникой позволяло сформировать представление о наркотике как объекте, который можно потреблять ради удовольствия. Без этого представления потребление марихуаны считалось бессмысленным и прекращалось.

Овладение умением различать эффекты

Даже после овладения правильной техникой курения новичок может не испытывать кайф, и тогда у него не сформируется представление о наркотике как о чем-то, что можно потреблять ради удовольствия. В своем комментарии один потребитель указал на возможную причину сложностей с получением кайфа и на следующий необходимый шаг на пути к регулярному потреблению:

Вообще-то я видел парня, который обкурился до чертиков и не понимал этого.

[Разве так бывает, чувак?]

Ну, это довольно странно, но я тебе говорю, я видел своими глазами. Тот парень трепался со мной, утверждал, что никогда не ловил кайф, есть такие парни, и при этом был совершенно упорот. Все время твердил, что не под кайфом. Пришлось доказывать ему, что он обкурился.

Что это значит? Что состояние кайфа включает два элемента: наличие симптомов, вызванных употреблением марихуаны, и распознавание этих симптомов, а также их

связи с употреблением наркотика, потребителем. То есть наличия эффектов недостаточно; сами по себе они не приводят автоматически к состоянию кайфа. Чтобы иметь соответствующие переживания, потребитель должен уметь указывать себе на эти эффекты и осознанно связывать их с фактом курения марихуаны. В противном случае, каковы бы ни были действительные эффекты, индивид будет думать, что наркотик не повлиял на него: «Я решил, что либо трава на меня не подействовала, либо остальные преувеличивают ее действие на них. Я подумал, что это, наверное, что-то психологическое». Такие люди убеждены, что все это иллюзия и что желание словить кайф заставляет курящего поверить, что что-то происходит, хотя на самом деле ничего нет. Они прекращают курить марихуану, считая, что она их «не цепляет».

Однако обычно новичок верит (основываясь на наблюдениях за теми, кто умеет ловить кайф), что наркотик действительно дает новые ощущения, и продолжает экспериментировать с ним, пока не испытает их. Неспособность поймать кайф беспокоит новичка, и он скорее всего будет обращаться за советом к более опытным потребителям либо будет побуждать их высказаться на этот счет. Такие разговоры проясняют для него специфические детали его опыта, которые он мог не замечать или которые он замечал, но при этом не считал симптомами кайфа:

У меня не получилось словить кайф в первый раз... Думаю, я держал дым недостаточно долго. Может, я выдохнул его, потому что немного нервничаешь. Во второй раз я уже не был уверен, и он [приятель, с которым они вместе курили] сказал мне типа, когда я спросил его про симптомы и все такое, ну, как мне узнать... Он сказал мне сесть на табурет. Я сел — кажется, это был барный табурет, — и он сказал: «Пусть ноги болтаются», а потом, когда я встал, мои ноги были реально холодными, прикинь.

И я почувствовал. Впервые. А потом, примерно через неделю, где-то около того, меня реально торкнуло. Меня тогда впервые серьезно пробило на ржачку. С тех пор я уже знал, когда я под кайфом.

Один из симптомов кайфа — интенсивный голод. В следующем примере новичок осознает это и впервые ловит кайф:

Они просто угорали надо мной, потому что я очень много жрал. Я хавал как не в себя, а они просто ржали надо мной. Иногда я смотрел на них и думал, чего они ржут-то, я ж не понимал, что делаю. [А они тебе потом сказали, почему ржали?] Да-да, я такой говорю: «Эй, чувак, че происходит?» Ну я типа спросил: «А че происходит?» Я вдруг понял, что что-то не то. «Чувак, ты под кайфом, сечешь? Тебя дурь накрыла [словил кайф от марихуаны]». Я сказал: «Че, правда, что ли?» Я типа не понимал, что происходит.

Обучение может происходить и косвенно:

Я слышал, о чем разговаривали другие. Кто-то сказал: «У меня резиновые ноги», но я не помню все, что они говорили, потому что я очень внимательно слушал все эти подсказки насчет того, что я должен чувствовать.

Таким образом, новичок, жаждущий испытать данное чувство, выясняет, с какими конкретными референтами другие потребители связывают термин «кайф», и применяет это знание к своему опыту. Новые понятия позволяют ему выделить соответствующие симптомы среди своих ощущений и заметить «кое-что необычное» в своем опыте, что он связывает с употреблением наркотика. Только в этом случае он ловит кайф. В следующем примере разница между двумя последовательными опытами употребления наркотика указывает на принципиальное значение осознания симптомов для получения кайфа, а также еще раз подчеркивает важную роль общения с другими потребителями в процессе усвоения понятий, которые делают это осознание возможным:

[Ты словил кайф, когда курил в первый раз?] Да, конечно. Хотя, если подумать, кажется, все-таки нет. Ну, то есть в первый раз это было более-менее легкое опьянение. Вроде мне было хорошо, ну, понимаешь, о чем я. Но на самом деле я как бы не был уверен, что кайфовал. Только когда я словил кайф во второй раз, я понял, что в первый раз тоже словил кайф. Потом я уже знал, что происходит что-то особенное.

[Как ты это понял?] Как я понял? Случись с тобой то, что случилось со мной тем вечером, ты бы это тоже понял, уж поверь. Мы играли первую композицию почти два часа — одну композицию! Прикинь, чувак! Мы поднялись на сцену и играли только ее, мы начали в 9 часов. Когда мы закончили, я посмотрел на часы и было 10:45. Почти два часа — одну композицию. Это было нечто.

Так это работает. У тебя как бы появляется очень много времени или что-то типа того. В любом разе, когда до меня дошло, чувак, это был верх. Я понял, что, должно быть, под нехилым кайфом, раз такое творится. Сечешь? Потом мне объяснили, что это так работает, у тебя вроде как другое ощущение времени. Так я понял, что это было. А потом я уже знал. В первый раз я, наверное, тоже это типа чувствовал, но я не знал, что происходит.

Только когда новичок научится ловить кайф в этом смысле, он продолжит потреблять марихуану ради удовольствия. В каждой последующей ситуации употребления потребитель будет владеть необходимыми понятиями, с помощью которых он должен сообщать себе, что испытывает новые ощущения, вызванные наркотиком. Иначе говоря, для продолжения потребления необходимо не только принимать наркотик, чтобы получать эффекты, но и научиться замечать эти эффекты, когда они появляются. Так марихуана становится для потребителя объектом, который можно потреблять ради удовольствия.

По мере накопления опыта у потребителя формируется бо́льшая восприимчивость к эффектам наркотика; он продолжает учиться ловить кайф. Он тщательно анализирует последовательность своих переживаний, обнаруживая новые эффекты и удостоверяясь в присутствии прежних. В результате возникает устойчивый набор категорий, описывающих опыт наркотических эффектов, наличие которых позволяет индивиду легко ловить кайф.

По мере овладения этим набором категорий потребители становятся ценителями. Подобно экспертам по винам, они могут определить, где росло конкретное растение и в какое время года его собрали. Хотя обычно нельзя знать, верны ли эти атрибуции, ценители могут действительно замечать разницу между партиями марихуаны не

только в силе воздействия, но и в симптомах, которые они вызывают.

Чтобы и дальше принимать наркотик, необходимо сохранять способность распознавать его эффекты; если такая способность утрачивается, потребление марихуаны прекращается. Это подтверждается двумя фактами. Во-первых, люди, начинающие активно употреблять алкоголь, барбитураты или опиаты, прекращают курить марихуану, в основном потому, что теряют способность различать эффекты марихуаны и других наркотиков. Они перестают понимать, получают ли они кайф от марихуаны. Во-вторых, в тех немногочисленных случаях, когда индивид потребляет марихуану в количествах, позволяющих ему всегда находиться под кайфом, он обычно начинает чувствовать, что наркотик не действует на него, так как между состоянием кайфа и нормальным состоянием больше нет заметной разницы. В подобной ситуации потребитель скорее всего на некоторое время полностью прекратит употреблять, чтобы вновь начать ощущать разницу.

Овладение умением наслаждаться эффектами

Чтобы индивид, уже научившийся ловить кайф, продолжил употреблять марихуану, необходим еще один шаг. Он должен научиться наслаждаться эффектами, которые он только что научился испытывать. Ощущения, вызываемые марихуаной, не являются автоматически или обязательно приятными. Вкус к подобному опыту приобретается социально и не отличается по своей природе от приобретенного вкуса к устрицам или сухому мартини. У потребителя кружится голова, ему хочется есть, у него щекочет в затылке, он неправильно оценивает время и расстояния. Приятно ли все это? Он не уверен в этом. Чтобы курить марихуану и дальше, он должен решить, что это приятно. В противном случае кайф, хотя и представляющий собой

вполне реальное переживание, будет неприятным и его будут стараться избегать.

Когда потребитель впервые замечает эффекты наркотика, они могут быть физически неприятными или по крайней мере неоднозначными:

Начало действовать, и я не понимал, что происходит, что это такое, меня сильно тянуло блевать. Я походил по комнате, чтобы прийти в себя; сначала я просто струхнул. Я не привык к подобным ощущениям.

Более того, наивная интерпретация новичком того, что с ним происходит, может еще больше запутывать и пугать его, в особенности если он решает, как решают многие, что сходит с ума:

Мне казалось, я схожу с ума. Все, кто говорил со мной, выводили меня из себя. Я не мог поддерживать разговор, мои мысли скакали, и я все время думал, о, не знаю, о странных вещах, типа слышал музыку по-другому... Мне казалось, я ни с кем не могу поговорить, облажаюсь по полной.

Поскольку первый опыт обычно пугающий и неприятный, новичок не станет продолжать, пока не научится переопределять свои ощущения как приносящие удовольствие:

Мне предложили, и я попробовал. Скажу тебе вот что. Мне это никогда не нравилось. То есть, это просто не доставляло мне удовольствия. [Ну, ты ловил кайф, когда курил?] О да, я определенно кое-что испытывал. Но мне это не нравилось. То есть у меня была масса ощущений, но в основном это был страх. [Ты боялся?] Да, мне это не нравилось. Думаю, я не мог расслабиться. По-моему, если ты не можешь расслабиться, ты не получаешь удовольствие.

В других случаях, хотя первый опыт тоже был определенно неприятным, человек все же становился постоянным потребителем марихуаны. Это происходило, однако, только после того, как последующий опыт позволял ему переопределить ощущения как приятные:

[Первый опыт этого человека был крайне неприятным и сопровождался расстройством восприятия пространства и звуков, мучи-

тельной жадой и паникой, вызванной этими симптомами.] После первого раза я не курил где-то десять месяцев или год... Не по каким-то моральным соображениям; просто я боялся снова оказаться под кайфом. То есть мне не хотелось снова это испытывать, я думал: «Ну, если это называется кайфом, меня не прет [не нравится]»... Так что я не курил почти год, учитывая, что было...

Короче, мои друзья начали, и я тоже опять начал вместе с ними. Но в этот раз было по-другому, когда я снова начал балдеть, уже не было того, что в первый раз.

[Общаясь со своими друзьями, он научился получать удовольствие от эффектов, вызываемых наркотиком, и со временем стал регулярным потребителем.]

Во всех проанализированных случаях потребление продолжалось, только если его эффекты переопределялись как приятные.

Обычно такое переопределение происходит в ходе общения с более опытными потребителями, которые различными способами учат новичка находить удовольствие в том опыте, который первоначально кажется пугающим. Они могут заверять его во временном характере неприятных ощущений и минимизировать их серьезность, при этом обращая его внимание на более приятные аспекты. Опытный потребитель описывает, как он учит новичков употреблять марихуану, следующим образом:

Ну, иногда они ловят довольно сильный кайф. Обычный человек к этому не готов, и иногда их это немного пугает. То есть они знают, как вставляет бухло, но тут их вставляет сильнее, чем они привыкли, и они не понимают, что с ними происходит. Потому что им кажется, что их будет штырить все больше и больше, пока они не слетят с катушек или не начнут делать странные вещи и всякое такое. Приходится как бы убеждать их, объяснять, что они на самом деле не рехнутся и все будет в порядке. Надо просто с ними поговорить, чтобы страх прошел. Продолжаешь с ними говорить, убеждаешь, говоришь им, что все в порядке. И рассказываешь собственную историю, типа: «Со мной такое было. Со временем тебе понравится». Говоришь им это, и довольно быстро они перестают бояться. А кроме того, они видят, что ты делаешь то же самое и с тобой ничего ужасного не происходит; это придает им уверенности.

Более опытный потребитель также может научить новичка более точно регулировать дозу марихуаны, чтобы избегать слишком неприятных симптомов и сохранять приятные. Наконец, он учит новичка тому, что ему это «со временем понравится». Он учит его считать неоднозначные ощущения, ранее определявшиеся как неприятные, приятными. В следующем эпизоде более взрослым потребителем оказался человек, вкусы которого уже должным образом изменились, и его комментарии помогли остальным произвести аналогичное переопределение:

Одна новенькая, впервые испытывавшая действие марихуаны, испугалась и впала в истерику. Ей «казалось, что она наполовину в комнате, наполовину снаружи»; она также испытывала разные тревожные физические симптомы. Рядом был один из более опытных потребителей, который сказал: «Ее колбасит, потому что у нее сильный приход. Я бы все отдал, чтобы словить такой кайф. Я много лет ничего подобного не испытывал».

Словом, то, что однажды пугало и было неприятным, становится приятным, желанным и притягательным после формирования вкуса к данным ощущениям. Удовольствие возникает в результате позитивного определения опыта, которое перенимается от других потребителей. Без этого потребление прекратится, так как марихуана не будет для потребителя объектом, вызывающим удовольствие.

Это не только необходимый шаг на пути превращения в потребителя, но и важное условие продолжения потребления. Довольно часто опытные потребители внезапно испытывают неприятные или пугающие ощущения, которые они не могут определить как приятные, либо потому, что выкурили больше марихуаны, чем обычно, либо потому, что марихуана, которую они выкурили, оказалась более высокого качества, чем они ожидали. В этом случае ощущения курящего не вписываются в имеющиеся у него представления о том, что такое кайф, и он оказывается во многом в столь же некомфортной и пугающей ситуации, что и новичок. Он может возложить вину на передозировку и в следующий раз просто быть более осторожным.

Но он также может переосмыслить свое отношение к наркотику и решить, что марихуана больше не приносит ему удовольствия. Если это происходит и наркотик затем не переопределяется в качестве приносящего удовольствие, потребление прекращается.

Вероятность такого переопределения зависит от степени включенности индивида в общение с другими потребителями. Если общение интенсивное, индивида быстро отговаривают от негативного отношения к потреблению марихуаны. В следующем примере опыт был, напротив, очень болезненным, что привело к почти полному прекращению контактов индивида с другими потребителями. Он бросил на три года и возобновил потребление, только когда комбинация обстоятельств, главным из которых было восстановление связей с другими потребителями, позволила переопределить сущность наркотика:

Это был перебор, я сделал где-то всего четыре затяжки и даже не смог выдохнуть дым, я был в хлам, у меня реально поехала крыша. Я не мог находиться в подвале. Мое сердце бешено колотилось, я сходил с ума; я решил, что сейчас полностью свихнусь. Я бросился из подвала, а тот другой парень, чокнутый, говорит мне: «Нет, не оставляй меня, чувак. Побудь здесь». Но я не мог.

Я выскочил на улицу, было где-то минус пять. Я думал, что помираю, пальто было расстегнуто, я весь покрылся потом, я задыхался. Внутри все... Я прошел где-то два квартала и вырубился под каким-то кустом. Не знаю, сколько я там пролежал. Когда я очнулся, мне было очень паршиво, даже не могу описать насколько. Я зашел в боулинг, чувак, и попытался вести себя нормально, пробовал сбивать кегли, типа старался быть реально нормальным. Я не мог лежать, не мог стоять, не мог сидеть. Я пошел наверх и лег там, где отдыхают ребята, выставляющие кегли, но мне и это не помогло, тогда я пошел к врачу. Я хотел попросить его избавить меня от мучений... потому что мое сердце выскакивало из груди... В общем, все выходные у меня ехала крыша, были глюки и полнейший ад, короче, всякие ненормальные штуки... После этого я надолго бросил.

[Он пошел к врачу, который определил его симптомы как нервный срыв, спровоцированный «нервами» и «волнением». Хотя он больше не употреблял марихуану, иногда симптомы повторялись, что заставило его подозревать, что «все дело в нервах».] Так что я просто перестал беспокоиться и где-то через тридцать шесть

месяцев опять начал курить. Всего несколько затяжек. [Он возобновил употребление в компании того же друга-потребителя, который был участником эпизода.]

Таким образом, индивид не может начать и продолжать потреблять марихуану ради удовольствия, пока не научится определять ее эффекты как приятные, пока она не станет и не останется объектом, который, по его мнению, способен доставлять наслаждение.

Подведем итоги. Индивид сможет курить марихуану ради удовольствия, только когда научится воспринимать ее в качестве объекта, который можно использовать подобным образом. Невозможно стать потребителем, не овладев 1) техникой курения, которая будет вызывать реальные эффекты; 2) умением различать эффекты и связывать их с употреблением наркотика (то есть ловить кайф) и 3) умением наслаждаться ощущениями, которые он испытывает. В процессе обучения у индивида формируется предрасположенность или мотивация к потреблению марихуаны, которой не было и не могло быть, когда он начинал курить, поскольку в ее основе лежат представления о наркотике, которые могут сложиться только в результате реального опыта, описанного выше. По завершении этого процесса индивид склонен и способен потреблять марихуану ради удовольствия.

Одним словом, индивид учится отвечать утвердительно на вопрос: «Это весело?» Дальнейшая его судьба как потребителя наркотика зависит от его способности и дальше отвечать утвердительно на этот вопрос, а также на другие вопросы, возникающие по мере осознания им того, что общество осуждает данную практику: «Это благоразумно?», «Это этично?» После приобретения способности получать удовольствие от употребления наркотика, потребление будет оставаться для него доступной возможностью. Соображения морали и благоразумности, обусловленные реакцией общества, могут влиять на потребление и заставлять отказываться от него, однако оно остается возможностью, предусматриваемой

его представлениями о наркотике. Данное действие становится невозможным, только когда способность получать удовольствие от состояния кайфа утрачивается вследствие изменения представлений потребителя о наркотике, вызванного специфическим опытом его употребления.

Потребление марихуаны и социальный контроль

Овладение умением наслаждаться марихуаной является необходимым, но не достаточным условием возникновения устойчивого шаблона потребления наркотика. Индивид должен еще научиться справляться с мощными силами социального контроля, которые заставляют считать данное действие неблагоприятным, аморальным или и тем и другим.

Когда в обществе наблюдается девиантное поведение — поведение, попирающее его базовые ценности и нормы, — одним из условий его появления является сбой в механизмах социального контроля, которые обычно поддерживают одобряемые формы поведения. В сложных обществах этот процесс может быть достаточно непростым, поскольку сбои в механизмах социального контроля зачастую происходят вследствие присоединения индивида к группе, культура и механизмы социального контроля которой противоречат культуре и механизмам социального контроля окружающего общества. Поэтому важными факторами генезиса девиантного поведения могут быть процессы, которые освобождают людей от контроля общества и делают их восприимчивыми к контролю со стороны более мелких групп.

Социальный контроль над поведением индивида осуществляется прежде всего посредством применения силы, то есть использования санкций. Одобряемое поведение вознаграждается, а неодобряемое наказывается. Если бы постоянно требовалось принуждение, осуществлять контроль было бы сложно, поэтому для решения данной за-

дачи создаются более изощренные механизмы. К их числу относится контроль над поведением путем воздействия на имеющиеся у индивидов представления о деятельности, требующей контроля, и о возможности или реалистичности ее осуществления. Эти представления складываются в социальных ситуациях, в которых их транслируют лица, имеющие репутацию авторитетных и опытных. Указанные ситуации могут быть устроены таким образом, что в результате индивиды начинают воспринимать данную деятельность как неприятную, неблагоприятную или аморальную и поэтому избегают ее.

В этой перспективе целесообразно анализировать генезис девиантного поведения с точки зрения событий, делающих санкции неэффективными, и опыта, в результате которого представления меняются так, что соответствующее поведение становится реально доступным для индивида. В настоящей главе я рассмотрю данный процесс на примере потребления марихуаны. Мой основной вопрос состоит в следующем: какова последовательность событий и опыта, в результате которых индивид оказывается способен продолжать употреблять марихуану, несмотря на тщательный социальный контроль, направленный на пресечение подобного поведения?

В нашей стране контроль за потреблением марихуаны осуществляется рядом могущественных сил. Соответствующее поведение незаконно и строго наказуемо. Его незаконность затрудняет доступ к наркотику и создает серьезные препятствия перед тем, кто хочет его употребить. Реальное потребление опасно, так как всегда может закончиться арестом и тюрьмой. Кроме того, если семья, друзья или работодатель потребителя обнаружат, что он употребляет марихуану, они могут приписать ему статусные признаки, которые обычно ассоциируются с потреблением наркотиков. Будучи уверенными в его безответственности и неспособности контролировать собственное поведение, а может быть даже и в его безумии, они могут наказывать его при помощи различного рода неформаль-

ных, но крайне эффективных санкций вроде ostracism или прекращения отношений. Наконец, сложилась система традиционных взглядов, согласно которым данная практика нарушает базовые моральные принципы и представляет собой деятельность, ведущую к потере самоконтроля, параличу воли и, в конечном счете, наркотическому рабству. Эти взгляды являются общим местом и эффективной силой, предотвращающей потребление марихуаны.

Карьера потребителя марихуаны может быть разделена на три этапа, на каждом из которых происходит принципиальный сдвиг в его отношениях с механизмами социального контроля в окружающем обществе и с механизмами социального контроля в субкультуре, в которой практикуется потребление марихуаны. Первую стадию олицетворяет *начинающий* — человек, курящий марихуану в первый раз; вторую — *нерегулярный потребитель*, употребляющий марихуану спорадически в зависимости от обстоятельств; третью — *регулярный потребитель*, для которого потребление становится систематической, чаще всего каждодневной, рутинной практикой.

Сначала мы рассмотрим процессы, в результате которых различные формы социального контроля постепенно теряют свою эффективность по мере перехода потребителя с одного уровня потребления на другой либо, наоборот, сохраняют свою эффективность, препятствуют такому переходу. Мы рассмотрим следующие основные формы контроля: а) контроль посредством ограничения предложения и доступа к наркотику; б) контроль посредством необходимости скрывать факт употребления от тех, кто не употребляет; в) контроль посредством определения действия как аморального. Неэффективность этих механизмов контроля — на уровнях и в комбинациях, которые будут описаны ниже, — можно считать ключевым условием продолжения и увеличения потребления марихуаны.

Предложение

Потребление марихуаны ограничивается, в первую очередь, законом, который сурово наказывает за хранение или продажу наркотика. В результате достать наркотик возможно только из незаконных источников, доступ к которым для обычного человека затруднен. Чтобы начать употреблять марихуану, нужно стать членом группы, которая сделает эти источники предложения доступными. Обычно это группа, организованная вокруг ценностей и видов деятельности, противостоящих окружающему конвенциональному обществу.

Очевидно, что в этих неконвенциональных кругах, где марихуану уже употребляют, возникновение ситуации, когда у новичка появится шанс закурить, — лишь вопрос времени:

Я тусовался с ребятами, которых знал по школе, и у одного из них было немного, поэтому они пошли курить, а потом поняли, что я с ними, они меня не звали, ну а я не хотел стоять в стороне, будто я задрот или никто, так что я ничего не сказал и вышел с ними в подворотню. Они скрутили несколько косяков.

В некоторых группах марихуана непосредственно не доступна, но членство в группе позволяет установить связи с другими группами, в которых она доступна:

Но штука в том, что мы не знали, где взять. Никто из нас не знал, где достать или как выяснить, где достать траву. Но была одна чика... у нее было несколько черных подруг, и она раньше курила с ними. Раз или два. Но она знала об этом малость больше, чем все мы. В общем, она достала немного, через этих черных подруг, и как-то вечером принесла пару косяков.

В обоих случаях членство в группе создает условия, при которых марихуана становится доступной для первого употребления. Оно также создает условия для следующего уровня — *нерегулярного потребления*, при котором индивид курит марихуану спорадически и несистематически. Когда в результате ряда первых опытов индивид приобретает способность курить марихуану ради удовольствия,

потребление обычно становится функцией доступности. Индивид принимает наркотик, когда находится среди людей, которые могут предложить марихуану; в противном случае он прекращает потребление. Следовательно, потребление зависит от доступности, обеспечиваемой связями индивида с другими потребителями. Один музыкант, находящийся на данной стадии потребления, говорит:

В основном я курю, когда играю. А в последнее время я почти нигде не играл... Понимаешь, я женат уже двенадцать лет и за это время ничего толком не добился. Мне пришлось найти дневную работу, поэтому я не мог много играть. У меня было немного халтур [выступлений], поэтому я реально мало курил.

Говорю, я реально курю, только когда работаю с чуваками, которые курят, тогда и я курю. Говорю, я не курил, может, месяцев шесть. Вообще ни разу за это время. Потом, когда я получил ту работу, на три недели, я курил каждую пятницу и субботу. Так у меня это устроено.

[Те несколько недель, в течение которых была возможность наблюдать за данным персонажем, он употреблял только ту марихуану, которую ему давали другие участники оркестра, в котором он работал, и музыканты, заглядывавшие в бары, где он играл.]

Если нерегулярный потребитель склоняется к более регулярному и систематическому режиму потребления, ему это удастся, только если он находит более стабильный источник поставок, нежели более или менее случайные встречи с другими потребителями, а значит, ему необходимо установить связь с людьми, которые занимаются торговлей наркотиками. Хотя для регулярного потребления необходимо покупать марихуану в больших количествах, обычно большие объемы приобретают не с этой целью. Однако покупка большого количества марихуаны делает возможным регулярное потребление, для которого раньше не было условий. Потребитель обычно начинает делать большие закупки, когда становится более восприимчивым к механизмам контроля со стороны группы, в которой потребляется наркотик:

Я тусил с кучей людей, которые курили. И они постоянно меня снабжали, пока мне не стало неловко. Я чувствовал себя реально неудобно от того, что у меня с собой никогда ничего не было и я не мог отблагодарить... Поэтому я поспрашивал, где достать, и купил в первый раз.

Кроме того, закупки у дилера являются более выгодными, поскольку осуществляются без посредника и, как и в случае любых других товаров, покупатель, приобретающий большие объемы, получает наркотик по сниженной цене.

Однако, чтобы делать закупки, потребитель должен иметь «подвязки» — знать кого-нибудь, кто продает наркотики. Дилеры занимаются противозаконной деятельностью, поэтому, чтобы вести с ними дела, нужно знать, где их искать, и они должны идентифицировать тебя как человека, которому можно спокойно продать товар. Людям, имеющим нерегулярные связи с группами, в которых потребляют наркотики, добиться этого не просто. Но по мере того, как индивида начинают ассоциировать с этими группами и считать заслуживающим доверия, он приобретает необходимые знания и заводит знакомства среди дилеров. Когда индивида определяют как члена группы, его также определяют как человека, которому можно безопасно продавать наркотики, поскольку он не будет подвергать опасности других.

Но даже когда возможность имеется, не все ею пользуются. Угроза ареста, сопутствующая данному действию, охлаждает желание купить наркотик:

Если бы траву можно было достать без проблем, думаю, я бы всегда имел при себе. Но... [Ты имеешь в виду, если бы это не было противозаконно?] Да. [То есть ты не хочешь ввязываться...] Я не хочу глубоко ввязываться. Я не хочу общаться с людьми, которые плотно сидят на трафике. У меня никогда не было больших сложностей достать дурь. Я просто... У кого-то обычно есть, и можно достать, когда захочешь. Зачем, просто зачем? Я никогда не выходил на более-менее прямые контакты с барыгами. Наверное, это потому, что мне никогда не нужно было кланчить или искать траву.

Подобные страхи присутствуют лишь до тех пор, пока не будет предпринята попытка купить наркотик, поскольку, как только она увенчается успехом, индивид сможет опереться на свой опыт и пересмотреть оценку предполагаемой угрозы; соображения безопасности не будут больше мешать приобретению. Вместо этого индивид будет относиться к покупке с реалистичной осторожностью, признавая, но не преувеличивая возможность ареста. Покупатель будет чувствовать себя безопасно, пока соблюдает обычные, элементарные меры предосторожности. Хотя многие респонденты покупали марихуану, только несколько из них сообщили о проблемах с законом, которые они связывали с несоблюдением предосторожностей.

У тех, кто наладил связи, регулярное потребление часто прерывается из-за ареста или исчезновения человека, у которого они покупали марихуану. В этих обстоятельствах регулярное потребление продолжится, только если потребитель сможет найти нового поставщика. Этот молодой человек вынужден был временно прекратить употреблять:

Ну, Том попал за решетку, его посадили. Потом Кремер, как-то так вышло... А, да, я типа одолжил ему денег и не видел его какое-то время, а когда попытался встретиться с ним, он переехал и никто не мог мне сказать, куда этот чувак делся. Это была моя подвязка... [Ты просто не знал, где достать траву?] Нет. [Ты бросил?] Да.

Нестабильность источников поставок — важная форма контроля регулярного потребления, которая косвенно отражает применение обществом правовых санкций в виде ареста тех, кто торгует наркотиками. Правоохранительные органы контролируют потребление не напрямую, путем запугивания потребителей, а делая источники поставок ненадежными и тем самым затрудняя доступ.

Таким образом, для каждого уровня потребления — от начального до рутинного — характерен свой способ снабжения, без которого соответствующее потребление невозможно. В этом смысле социальные механизмы, ограничивающие доступность наркотика, ограничивают и его потребление. Однако принадлежность к группам,

участники которых потребляют марихуану, создает условия, при которых механизмы контроля, ограничивающие доступ к ней, перестают быть эффективными. Групповая принадлежность также повышает чувствительность к механизмам контроля со стороны группы, в которой употребляется наркотик, поэтому существуют силы, вынуждающие искать новые источники поставок. Смена способа снабжения, в свою очередь, создает условия для перехода к следующему уровню потребления. Следовательно, можно утверждать, что изменения, затрагивающие связи с группой и членство в ней, приводят к изменению уровня потребления, поскольку в нынешних обстоятельствах, когда наркотик доступен только через незаконные каналы, сказываются на индивидуальном доступе к марихуане.

Скрытность

Потребление марихуаны также ограничивается тем, в какой мере индивиды действительно сталкиваются с неблагоприятностью данного занятия или убеждены, что столкнутся с ней. Это ощущение реальной или предполагаемой неблагоприятности основывается на том факте или убеждении, что, если люди, не употребляющие наркотики, узнают, что индивид их употребляет, будут применены серьезные санкции. Представления потребителя об этих санкциях туманны, поскольку лишь незначительное число потребителей хотя бы раз с ними сталкивалось или знает кого-либо с подобным опытом; большинство потребителей марихуаны — скрытые девианты. Хотя потребитель не знает, каких именно наказаний ожидать, перспектива ясна: он опасается, что люди, в чьем уважении и признании он нуждается как практически, так и эмоционально, отвернутся от него. Иначе говоря, он ожидает, что его отношения с теми, кто не употребляет, будут испорчены и прерваны, если они узнают, и поэтому он сдерживает и контролирует свое поведение в зависимости от того, насколько для него важны его отношения с аутсайдерами.

Этот механизм контроля перестает работать в результате сближения потребителя с другими потребителями и расширения его опыта потребления наркотика, поскольку он приходит к выводу, что, хотя в случае разоблачения санкции могут действительно последовать, о потреблении никто никогда не узнает. С каждым следующим уровнем потребления это убеждение укрепляется, делая возможным переход на новый уровень.

Для начинающего данные соображения крайне важны; он должен их устранить, чтобы продолжить употреблять. Он побеждает свои страхи, наблюдая за другими, более опытными потребителями, которые явно не чувствуют никакой или почти никакой опасности и на первый взгляд безнаказанно осуществляют данную деятельность. Если индивид соглашается «разок попробовать», подобные наблюдения помогают ему избавиться от страха. Таким образом, общение с другими потребителями обеспечивает начинающего рационализациями, сопровождающими первую попытку приема наркотика.

Последующее потребление марихуаны позволяет новичку сделать дальнейший вывод, что данное действие может быть безопасным, сколь бы часто оно ни предпринималось, пока он проявляет осторожность и следит за тем, чтобы лица, не употребляющие марихуану, не присутствовали при этом и не могли его застать. Такое мнение является необходимой предпосылкой нерегулярного потребления, когда наркотик употребляется, только если другие потребители приглашают присоединиться к ним. Хотя это мнение делает возможным уровень нерегулярного потребления, оно не способствует регулярному потреблению, поскольку миры потребителя и непотребителя, хотя и разделены настолько, что допускают нерегулярное потребление, еще не изолированы полностью. Ситуации, в которых эти миры сталкиваются, кажутся нерегулярному потребителю опасными, поэтому он считает необходимым ограничить свое потребление только теми случаями, когда такие столкновения исключены.

Регулярное потребление, напротив, предполагает систематический и рутинный прием наркотика, при котором эти возможности не учитываются и периоды курения не планируются исходя из них. Данный способ потребления предполагает иное отношение к возможности того, что некурящие обо всем узнают, — отношение, позволяющее курить у них под носом, — либо такой образ жизни, при котором социальные контакты с ними сводятся практически к нулю. Без подобного регулирования своего отношения, участия или того и другого потребитель вынужден будет оставаться на уровне нерегулярного потребления. Это регулирование осуществляется с учетом двух видов возможного риска: во-первых, риска, что непотребители обнаружат у индивида марихуану, и, во-вторых, риска, что курящий не сможет скрыть наркотический эффект, когда будет под кайфом в присутствии тех, кто не курит.

Проблемы, которые создает владение марихуаной для индивида, желающего стать регулярным потребителем, можно проиллюстрировать рассказом молодого человека, который безуспешно пытался регулярно потреблять, пока жил с родителями:

Мне типа никогда не нравилось держать траву дома. [Почему?] Ну, я думал, что мать может найти или типа того. [Как думаешь, что бы она сказала?] О, ну, типа... ну, они никогда про это не говорят, про наркоманов или типа того, но в моем случае это был бы и правда отстой, ну, из-за того, что у меня большая семья. Сестры и братья начали бы меня гнობить... [А ты бы не хотел этого?] Нет, боюсь, нет.

В подобных случаях предвосхищение последствий раскрытия тайны не позволяет индивиду поддерживать объем закупок, необходимый для регулярного потребления. Потребление остается спорадическим, поскольку оно продолжает зависеть от встреч с другими потребителями и не может происходить по желанию индивида.

Если индивид не придумает метод решения этой проблемы, он сможет перейти к регулярному потреблению, только если будут разорваны отношения, препятствующие потреблению. Как правило, люди не уходят из дома

и семьи, чтобы регулярно курить марихуану. Но, если они идут на это — какова бы ни была причина, — регулярное потребление, ранее запретное, становится возможным. Заядлые потребители нередко всерьез оценивают, насколько завязывание новых отношений с непотребителями повлияет на потребление ими наркотика:

Я бы не стал жениться на женщине, которая будет наезжать на меня, когда я буду это делать [курить марихуану]. То есть я бы не женился на женщине, которая мне настолько не доверяет, что будет думать, будто я способен на какие-то выходки... Ну, типа пораниться или наброситься на кого-нибудь.

Если же такая привязанность возникает, потребление часто возвращается на нерегулярный уровень:

[Мужчина курил марихуану довольно интенсивно, но его жена была против.] Конечно, во многом я бросил из-за жены. Несколько раз мне хотелось... на самом деле, не так уж сильно, но мне хотелось чуть-чуть. [Он не смог далее потреблять наркотик регулярно; он мог это делать лишь время от времени, когда рядом не было жены, которая его контролировала.]

Если человек полностью присоединяется к группе потребителей, проблема во многом исчезает и становится возможным регулярное потребление — кроме случаев, когда возникает новая связь с конвенциональным миром.

Если человек потребляет марихуану регулярно и рутинно, он почти неизбежно — поскольку даже в городском сообществе эти роли нельзя полностью изолировать друг от друга — однажды окажется под кайфом в компании не употребляющих, от которых он хотел бы скрыть факт потребления марихуаны. Учитывая разнообразие симптомов, которые может вызывать наркотик, потребитель, естественно, будет опасаться, что своим поведением выдаст свое состояние, что не сможет контролировать симптомы и тем самым раскроет свою тайну. Такие явления, как неспособность сосредоточиться и поддерживать нормальный разговор, вызывают боязнь, что все догадаются, почему индивид ведет себя подобным образом, то

есть что его поведение будет автоматически проинтерпретировано как свидетельство употребления наркотиков.

Тем, кто переходит к регулярному потреблению, удастся избежать этой дилеммы. Как я отмечал ранее, они могут почти полностью влиться в субкультурную группу, в которой распространена практика курения, так что у них просто будет минимальный объем контактов с непотребителями, чьим мнением они дорожат. Поскольку такая изоляция от конвенционального общества редко достижима, потребитель должен овладеть иным методом избегания дилеммы — важнейшим методом для тех, кто не может полностью сегрегировать свою вовлеченность. Этот метод заключается в выработке умения контролировать действие наркотика в присутствии непотребителей, что позволяет обходить их вокруг пальца и успешно сохранять потребление в тайне, при этом продолжая с ними общаться. Если такой навык отсутствует, индивид не решается курить в определенных ситуациях и регулярное потребление становится невозможным:

Слушай, чувак, я тебе скажу, что меня просто убивает, то есть это реальная жесьть. У тебя когда-нибудь было так, что ты курнул, а потом тебе надо встречаться с родными? Мне реально стремно. Типа, нужно говорить с отцом, или с матерью, или с сестрами. Чувак, это слишком. Я просто не могу. Я прям чувствую, как они сидят, пялятся на меня и знают, что я под кайфом. Жуткое чувство. Ненавижу его.

Подобные чувства испытывает большинство потребителей, которые переходят к регулярному потреблению, только если с ними происходит следующая вещь, меняющая их представление о вероятности разоблачения:

[Ты много курил тогда, поначалу?] Не, не очень. Говорю, было немного страшно. Но в конце концов где-то в 1948-м я начал сильно этим увлекаться. [Чего ты боялся?] Ну, я боялся, что курну и не смогу ничего делать, врубаешься? То есть боялся расслабиться и наблюдать за происходящим. Особенно во время работы. Я не доверял себе под кайфом. Я боялся, что я слишком обкурюсь и полностью вырублюсь или буду делать глупости. Я не хотел слишком подсаживаться.

[Как ты с этим справился?] Ну, как-то так, чувак. Однажды ночью я курнул, и неожиданно мне стало реально круто, полный расслабон, типа я реально заценил. С того раза я могу курить сколько влезет и не боюсь встрять во что-нибудь. Я всегда могу это контролировать.

Типичный опыт — когда потребитель, находящийся под кайфом, сталкивается с необходимостью делать вещи, которые, по его глубокому убеждению, он в этом состоянии делать не способен. К своему удивлению он обнаруживает, что у него получается и при этом ему удается скрывать от других тот факт, что он находится под воздействием наркотика. Один или несколько таких случаев позволяют потребителю сделать вывод, что он может оставаться скрытым девиантом, то есть что его опасения были беспочвенными и основывались на ложном допущении. Если он хочет принимать наркотик регулярно, он больше не позволяет своему страху останавливать себя, так как подобный опыт оправдывает его убеждение в том, что непотребители никогда ничего не узнают:

[Я сказал, что многим потребителям сложно выполнять свои рабочие обязанности, когда они под кайфом. Респондент — станочник — поделился в ответ историей о том, как он преодолел этот барьер.]

Меня это не беспокоит. Был один случай, который доказал мне, что бояться нечего. Вечером накануне я был на отвязной вечеринке. Я сильно обдолбался. Дурью и бухлом. Я так обдолбался, что, когда пришел на работу на следующий день, все еще был не в себе. А мне нужно было сделать очень важную работу. Ее надо было сделать практически идеально — нужна была точность. Начальник натаскивал меня днями, объясняя, как надо делать и все такое.

[Он пришел на работу под кайфом и, насколько помнит, выполнил задание, хотя у него остались смутные воспоминания, так как он все еще был нетрезв.]

Где-то без четверти четыре я наконец пришел в себя и подумал: «Господи! Что я творю?» Я тут же свернулся и пошел домой. Я почти не спал в ту ночь, переживал, не заporол ли я работу. Когда я пришел следующим утром, начальник обмерил штукловину старым микрометром, и оказалось, что я сделал все очень круто. После этого я больше ни о чем не переживаю. Иногда я прихожу на работу утром реально невменяемым. Никаких проблем не возникает.

Данная проблема по-разному важна для разных потребителей, поскольку некоторые состоят в социальных отношениях, в которых она не возникает; они полностью интегрированы в девиантную группу. Все их знакомые знают, что они потребляют марихуану, и никто из них не проявляет беспокойство, пока их конвенциональные контакты редки и несерьезны. Кроме этого, некоторые находят идиосинкразические решения, которые позволяют им действовать под кайфом, оставаясь незамеченными:

Они [соседские парни] никогда не могут сказать, под кайфом я или нет. Обычно я под кайфом, но они не в курсе. В старшей школе у меня всегда была репутация тупого, так что, что бы я ни делал, никто не обращает внимания. Поэтому я могу быть под кайфом практически где угодно, и меня не спалют.

Словом, люди ограничивают свое потребление марихуаны пропорционально степени своего страха, обоснованного или нет, что непотребители, которые значимы для них, узнают, что они употребляют наркотики, и каким-то образом накажут их. Этот тип контроля становится неэффективным, когда потребитель понимает, что его страхи преувеличены и нереалистичны, то есть когда он начинает воспринимать данную практику как то, что можно относительно легко скрывать. Переход на каждый новый уровень потребления происходит, только когда человек пересматривает свое представление о потенциальных опасностях таким образом, что переход становится возможным.

Мораль

Общепринятые моральные представления — еще одно средство контроля потребления марихуаны. Действующие в данном случае базовые моральные императивы требуют, чтобы индивид нес ответственность за свое благополучие и был способен рационально контролировать свое поведение. Стереотипный образ торчка — образ человека, не следующего этим императивам. Недавно опубликованное

описание потребителя марихуаны иллюстрирует ключевые особенности данного стереотипа:

На ранних стадиях интоксикации разрушается сила воли и снимаются любые запреты и ограничения; моральные преграды исчезают, что часто приводит к разврату и распутству. Если имеется врожденная психическая неустойчивость, поведение обычно становится буйным. Эгоистичный индивид будет упиваться иллюзией своего величия, скромный будет испытывать тревогу, а агрессивный часто будет совершать насильственные действия и преступления. Дремлющие тенденции пробуждаются, и хотя субъект может осознать это, он не в силах им воспрепятствовать. Постоянное потребление ведет к утрате трудоспособности и целеполагания¹.

К этому необходимо добавить, конечно же, что потребитель превращается в раба наркотика, добровольно покоряется привычке, от которой нельзя избавиться. Индивид, воспринимающий данный стереотип всерьез, сталкивается с препятствием на пути к потреблению наркотика. Он не начнет, не станет продолжать или не будет увеличивать потребление марихуаны до тех пор, пока не сможет нейтрализовать свою восприимчивость к этому стереотипу, сформировав альтернативный взгляд на данную практику. В противном случае он, подобно большинству членов общества, будет осуждать себя, считая себя девиантом и аутсайдером.

Начинающий какое-то время придерживается общепринятой точки зрения. Однако в процессе участия в неконвенциональном сегменте общества у него скорее всего будет формироваться более «раскрепощенный» взгляд на моральные стандарты, лежащие в основе распространенного способа описания потребителя наркотиков, — по крайней мере он не будет сходу отвергать эту деятельность, потому что ее принято осуждать. Дальнейшие наблюдения за другими потребителями наркотика могут подтолкнуть его к отказу от общепринятых стандартов, связанных с потреблением марихуаны. Таким образом,

¹ *Harry J. Anslinger, William F. Tompkins. The Traffic in Narcotics (New York: Funk and Wagnalls, 1953). P. 21–22.*

круг его общения создает условия, позволяющие нейтрализовать механизмы контроля настолько, чтобы впервые попробовать наркотик.

По мере расширения своего опыта участия в группах потребителей наркотика новичок овладевает рядом рационализаций и оправданий, дающих ему ответы на аргументы против нерегулярного потребления, когда он решится к нему перейти. Если он начнет возражать сам себе с точки зрения общепринятой морали, у него будут готовые ответы, содержащиеся в фольклоре групп потребителей марихуаны.

Одна из самых распространенных рационализаций состоит в том, что обычные люди практикуют куда более вредные вещи и что такой сравнительно мелкий грех, как курение марихуаны, на самом деле не так уж страшен, если уж никто не видит ничего дурного, например, в употреблении алкоголя:

[Значит, алкоголь это не твое?] Нет, вообще его не люблю. [Почему?] Не знаю. Просто не люблю. Дело вот в чем. К тому возрасту, когда молодняк обычно начинает бухать, я уже подсел [на марихуану] и распробовал это дело, ну, то есть нет похмелья и гораздо дешевле. Это одна из первых вещей, которую я усвоил, чувак. Зачем бухать? Бухать тупо. Торчать намного дешевле, у тебя нет похмелья, все чисто и быстро. То, что надо, короче. Я начал курить раньше, чем бухать...

[Что значит «одна из первых вещей, которую ты усвоил»?] Ну, то есть, говорю, я начал курить, когда стал работать музыкантом, поэтому я мог еще и бухать на работе. А ребята просто сказали мне, что бухать глупо. Они тоже не бухали.

Дополнительные рационализации подталкивают потребителя к мысли, что воздействие наркотиков приносит скорее пользу, нежели вред:

Иногда я чувствовал себя... очень бодрым, а кроме того появляется очень сильный аппетит. Очень хочется есть. Наверное, это неплохо для людей с недостатком веса.

Наконец, потребитель на этом этапе не принимает наркотик постоянно. Его потребление распланировано;

в одно время он считает его уместным, в другое — нет. Такой распорядок позволяет ему убедить себя в том, что он контролирует наркотик, и становится символом безвредности практики. Он не считает себя рабом наркотика, потому что может подчиниться и подчиняется своему распорядку, сколь бы редко тот ни предусматривал потребление. С точки зрения потребителя существование периодов времени, когда он в принципе не курит, может служить доказательством его свободы от наркотика.

Я люблю курить и чаще всего курю, когда отдыхаю и делаю то, что мне нравится, типа слушаю очень хорошую классическую пластинку, или, может, смотрю фильм или что-то вроде того, или слушаю радио. То, что мне нравится делать, но не слишком активно, типа... Летом я играю в гольф, короче, и один раз пара ребят, с которыми я играю, курнули, пока играли, а я не заметил, потому что, не знаю, когда ты чем-то занят, тебе нужно думать об этом и ни о чем другом, а если ты... потому что, думаю, я знаю, это расслабляет и... я не думаю, что получится так же хорошо.

Индивид, соглашающийся с этим мнением, может употреблять нерегулярно, поскольку он реорганизует свои моральные представления так, чтобы они позволяли это делать, главным образом — при помощи идеи, что общепринятые моральные представления о наркотиках неприменимы к данному наркотику и что в любом случае он потребляет его не слишком много.

Если потребление становится регулярным и систематическим, перед потребителем могут опять вставать моральные вопросы, так как он начинает воспринимать себя и других в качестве неуправляемых «торчков» из народной мифологии. Чтобы регулярное потребление продолжилось, он должен вновь убедить себя в том, что не перешел эту черту. Данная проблема и одно из возможных ее решений обсуждаются регулярным потребителем следующим образом:

Я знаю, что это не вызывает привыкания, но я немного беспокоился, легко ли будет бросить, поэтому я попробовал это сделать. Я курил постоянно, а потом просто прекратил на неделю, чтобы

посмотреть, что будет. Ничего не было. Так я понял, что все круто. С тех пор я курил столько, сколько хочу. Конечно, мне бы не хотелось становиться рабом этого или что-то вроде, но я не думаю, что это случится, разве что я невротик или типа того, но я не думаю, что я невротик, не до такой степени.

Предшествующая рационализация, согласно которой наркотик оказывает полезное воздействие, остается неизменной и может даже существенно укрепиться. Но вопрос, поднятый в последней цитате, оказывается более проблемным. В силу своего возросшего и более регулярного потребления наркотика потребитель не уверен, что он в действительности способен контролировать его, что он не стал рабом порочной привычки. Потребитель проводит тесты — прекращает употребление и ждет последствий, и, когда ничего нежелательного не происходит, это позволяет ему сделать вывод, что бояться нечего.

Однако некоторым менее наивным потребителям, которые выводят свои моральные представления не из общепринятых идей, а из народной психиатрической «теории», решить данную проблему оказывается сложнее. Их потребление беспокоит их не по обычным причинам, а потому, что оно может свидетельствовать об их психическом нездоровье. Соглашаясь с существующими представлениями о причинах потребления наркотиков, они полагают, что никто не станет потреблять наркотики в больших количествах, пока с ним «все в порядке», пока какое-то невротическое расстройство не делает наркотики необходимыми. Курение марихуаны становится символом психической и, в конечном счете, моральной слабости. Это настраивает человека против дальнейшего регулярного потребления и заставляет вернуться к нерегулярному потреблению до тех пор, пока не будет найдено новое обоснование.

Ну, в целом любопытно, может, лучше вообще ни на чем не торчать. Так говорят. Хотя я слышал от психиатров: «Дурь кури столько влезет, но не прикасайся к хмуруму [героину]».

[Звучит разумно.] Да, но многим ли это удастся? Немногим... Думаю, семьдесят пять или даже больше процентов курящих ведут себя так, что начинают курить все больше дури, чтобы все больше забыться. По-моему, у меня то же самое. Но, думаю, я понимаю это и могу с этим справиться.

В приведенном примере идея о том, что осознать проблему значит ее решить, становится способом самооправдания. В случае, если оправдания не находятся, потребление продолжается на нерегулярной основе и потребитель объясняет свои причины с точки зрения имеющейся у него психиатрической теории:

Ну, мне кажется, люди, злоупотребляющие наркотиками, алкоголем, выпивкой, любыми подобными стимуляторами в таких масштабах, наверное, пытаются убежать от более серьезных проблем, чем те, кто употребляет время от времени. Мне не кажется, что я от чего-то бегу. Тем не менее, думаю, я понимаю, что мне еще есть над чем работать... Так что не могу сказать, что у меня какое-то серьезное невротическое расстройство или неприспособленность, с которой я пытаюсь справиться. Но у некоторых знакомых — хронических алкоголиков, или джанки [опиумных наркоманов], или заядлых курильщиков — я заметил еще и некоторые сопутствующие нарушения личности.

Следовательно, на потребителя марихуаны влияют определенные морально окрашенные представления о природе потребления наркотика и наркоманах. Если индивид не сможет опровергнуть или проигнорировать эти представления, он вообще не станет потреблять; уровень потребления, судя по всему, соотносится со степенью, в которой данные представления перестают быть эффективными и замещаются рационализациями и обоснованиями, распространенными среди потребителей.

Словом, человек не будет стесняться потреблять марихуану в той мере, в какой он будет считать общепринятыми представления об этой практике мнением несведущих аутсайдеров и заменять эти представления точкой зрения «инсайдера», которую он усвоил в результате опыта потребления наркотика в компании других потребителей.

Культура девиантной группы: джазовый музыкант

Хотя часто закон запрещает девиантное поведение — поведение, на которое наклеивают ярлык преступного, если его осуществляют взрослые, или делинквентного, если его осуществляют несовершеннолетние, — это происходит не всегда. К таким исключениям относятся джазовые музыканты, чью культуру мы исследуем в этой и следующей главах. Хотя формально их деятельность осуществляется в рамках закона, их культура и образ жизни достаточно необычны и неконвенциональны, чтобы более конвенциональные члены общества наклеивали на них ярлык аутсайдеров.

Многие девиантные группы, в том числе джазовые музыканты, стабильны и долговечны. Как и все стабильные группы, они вырабатывают особый образ жизни. Чтобы понять поведение члена такой группы, необходимо понять этот образ жизни.

Роберт Рэдфилд сформулировал антропологический взгляд на культуру следующим образом:

Говоря о «культуре», мы имеем в виду общепринятые представления, проявляющиеся в действиях и артефактах, которые характеризуют то или иное общество. «Представления» являются значениями, придаваемыми действиям и объектам. Значения конвенциональны, а значит, являются культурными в той степени, в какой они стали обыденными для членов данного общества вследствие взаимной коммуникации между ними. Культура, таким образом, — это абстракция, то есть образец, которому подчиняются значения, придаваемые одному и тому же действию или объекту разными членами общества. Значения выражаются в действии и в результатах действия, из которых мы их извлекаем, поэтому мы

можем также отождествить «культуру» со степенью единства конвенционализованного поведения членов общества¹.

Хьюз отмечал, что антропологический взгляд на культуру лучше всего подходит для гомогенного или простого общества, которое изучают антропологи, но сам термин «культура», отсылающий к организации общих представлений, принятых в группе, равно применим и к более мелким группам, которые составляют сложное современное общество. Можно показать, что этнические, религиозные, региональные, профессиональные группы обладают некоторыми общими представлениями и, следовательно, культурой.

Когда у группы людей есть минимальная совместная жизнь, хоть чуть-чуть изолированная от других людей, когда у них есть общий уголок в обществе, общие проблемы и, возможно, пара общих врагов, возникает культура. Это может быть воображаемая культура бедолаг, которые, пристрастившись к героину, разделяют опыт запретного удовольствия, трагедии и борьбы с конвенциональным миром. Это может быть культура пары детей, которые, столкнувшись с властными и деспотичными родителями, изобретают язык и набор привычек, которые остаются, даже когда они становятся такими же большими и могущественными, как их родители. Это может быть культура группы студентов, которые, горя желанием стать врачами, вынуждены иметь дело с одними и теми же трупами, тестами, трудными пациентами, преподавателями и деканами².

Многие исследователи придерживаются мнения, что культура группы возникает по сути в ответ на проблему, общую для группы людей, если у них есть возможность эффективно взаимодействовать и коммуницировать друг с другом³. Люди, осуществляющие деятельность, которую

- 1 *Robert Redfield. The Folk Culture of Yucatan* (Chicago: University of Chicago Press, 1941). P. 132.
- 2 *Everett C. Hughes. Students' Culture and Perspectives: Lectures on Medical and General Education* (Lawrence: University of Kansas Law School, 1961). P. 28–29.
- 3 См.: *Albert K. Cohen. Delinquent Boys: The Culture of the Gang* (New York: The Free Press of Glencoe, 1955); *Richard A. Cloward, Lloyd E. Ohlin. Delinquency and Opportunity: A Theory of Delinquent Gangs*

принято считать девиантной, обычно сталкиваются с тем, что другие члены общества не разделяют их взгляд на то, что они делают. Гомосексуал считает свою половую жизнь правильной, но остальные полагают иначе. Вор думает, что красть можно, но никто так больше не считает. Если люди, осуществляющие девиантную деятельность, имеют возможность взаимодействовать друг с другом, они скорее всего выработают культуру, которая будет строиться вокруг проблем, обусловленных различиями между их определением того, что они делают, и определением, которого придерживаются остальные члены общества. Они будут формировать представления о себе, своей девиантной деятельности и отношениях с другими членами общества. (Некоторые девиантные действия, разумеется, совершаются в одиночку, и у индивидов, которые их совершают, нет возможности создать соответствующую культуру. В качестве примера можно привести компульсивных пироманов или клептоманов⁴.) Поскольку эти культуры одновременно включены в культуру окружающего общества и отличаются от нее, их часто называют субкультурами.

Джазового музыканта, чьей культуре или субкультуре посвящена данная глава, можно определить просто как человека, исполняющего популярную музыку за деньги. Его профессия относится к сфере услуг, и культура, участником которой он является, складывается под влиянием проблем, общих для этой сферы. Профессии, относящиеся к сфере услуг, в целом отличаются тем, что работник вступает в более или менее прямой и личный контакт с конечным потребителем продукта своего труда, то есть

(New York: The Free Press of Glencoe, 1960); *Howard S. Becker, Blanche Geer, Everett C. Hughes, Anselm L. Strauss. Boys in White: Student Culture in Medical School* (Chicago: University of Chicago Press, 1961).

4 *Donald R. Cressey. Role Theory, Differential Association, and Compulsive Crimes // Arnold M. Rose (ed.). Human Behavior and Social Process: An Interactionist Approach* (Boston: Houghton Mifflin, 1962). P. 444-467.

с клиентом, которому он оказывает услугу. Следовательно, клиент может диктовать или пытаться диктовать работнику, как тот должен решать свою задачу, и применять различные санкции: от неформального давления до прекращения клиентских отношений с ним и вступления в клиентские отношения с кем-то из множества других работников, оказывающих данную услугу.

Профессии сферы услуг сводят вместе человека, главной обязанностью которого является профессиональная деятельность и Я которого в определенном отношении глубоко связано с ней, и человека, чье отношение к профессии носит гораздо более случайный характер. Эти двое будут почти неизбежно иметь разные представления о том, как необходимо оказывать профессиональные услуги. Представители профессии обычно полагают, что их клиент не в состоянии правильно оценить ценность услуги, и глубоко возмущаются попытками клиента контролировать их работу. В результате между ними возникают конфликт и враждебность, представители профессии начинают придумывать методы защиты от вмешательства, и вокруг этих проблем складывается субкультура.

Музыканты считают достойной исполнения только музыку, которую они называют «джазом». Данный термин можно частично определить как разновидность музыки, создаваемой без оглядки на требования аутсайдеров. Тем не менее музыканты вынуждены терпеть постоянное вмешательство в их исполнение со стороны работодателей и публики. Как мы увидим позже, самой большой проблемой в карьере обычного музыканта является необходимость выбора между признанием публики и его художественными идеалами. Для достижения успеха, по его мнению, нужно «идти в коммерцию», то есть играть в соответствии с желаниями немусыкантов, для которых он работает; выбирая этот путь, он жертвует репутацией среди других музыкантов и в результате чаще всего теряет самоуважение. Если он остается верен своим идеалам, его, как правило, ждет провал в обществе. Музыканты класси-

фицируют себя в соответствии с тем, насколько они пасуют перед аутсайдерами, в диапазоне от чистого «джазмена» до «коммерческого» исполнителя.

Ниже я остановлюсь на следующих моментах: 1) представления музыкантов о себе и о немусыкантах, для которых они работают, а также конфликт, который они считают неотъемлемой частью этих отношений; 2) базовый консенсус, лежащий в основе реакций коммерческих музыкантов и джазменов на этот конфликт; 3) чувство изоляции от окружающего общества у музыкантов и их способы обособления от аудитории и остальных людей. Проблемы, возникающие вследствие несовпадения определений работы музыканта им самим и теми, для кого он работает, можно считать прообразом проблем, с которыми сталкиваются девианты во взаимоотношениях с аутсайдерами, имеющими иную точку зрения на их девиантную деятельность⁵.

Исследование

Материалы для настоящего исследования я собирал путем включенного наблюдения, участвуя вместе с музыкантами в разнообразных ситуациях, которые составляли их трудовую и досуговую жизнь. Во время проведения исследования я в течение нескольких лет профессионально играл на фортепиано и вращался в музыкальных кругах Чикаго. Это было в 1948–1949 годах — в период, когда многие музыканты пользовались льготами, предусмотренными Солдатским биллем о правах*, поэтому учеба в колледже не особенно выделяла меня среди остальных в музыкальном бизнесе. В то время я играл со множеством

5 Другие похожие исследования джазовых музыкантов: *Carlo L. Lastrucci*. The Professional Dance Musician // *Journal of Musicology*. 1941. Vol. 3. № 3. P. 168–172; *William Bruce Cameron*. Sociological Notes on the Jam Session // *Social Forces*. 1954. Vol. 33. № 2. P. 177–182; *Alan P. Meriam, Raymond W. Mack*. The Jazz Community // *Social Forces*. 1960. Vol. 38. № 3. P. 211–222.

оркестров самого разного типа и вел подробные заметки о событиях, происходивших, когда я находился среди музыкантов. Большинство людей, которых я наблюдал, не знали, что я провожу исследование музыкантов. Я редко брал формальные интервью, предпочитая вместо этого слушать и записывать обычные разговоры, которые вели между собой музыканты. Большую часть своих наблюдений я собирал во время работы, в том числе — во время исполнения на сцене. Важные для моих целей разговоры часто происходили также на традиционных «биржах труда» в местных отделениях профсоюза, где по понедельникам и субботам после полудня собирались музыканты, искавшие работу, и бэнд-лидеры, желавшие нанять людей.

Мир джазового музыканта высоко дифференцирован. Одни работают в основном в барах и закусочных, расположенных в отдаленных районах или в центре города. Другие играют с большими бэндами в танцевальных залах и ночных клубах. Третьи не работают в одном месте постоянно, а играют с оркестрами, которые исполняют музыку на частных вечеринках, а также на вечеринках в отелях и загородных клубах. Четвертые играют с бэндами, известными на всю страну, или выступают на радио и телевидении. Проблемы и установки людей, работающих в одной из перечисленных трудовых обстановок, являются отчасти элементом этих обстановок. Я в основном играл в барах, закусочных и иногда с бэндами, игравшими по договоренности. Но благодаря случайным подработкам и участию в профсоюзных встречах у меня было достаточно много контактов с членами других групп, чтобы судить также об их установках и деятельности.

После окончания исследования я работал музыкантом в двух других местах: в маленьком университетском городе (Урбана-Шампейн, штат Иллинойс) и в крупном городе, хотя и не настолько большом, как Чикаго (Канзас-Сити, штат Миссури). Различия в размере этих городов накладывают отпечаток на организацию музыкального бизнеса. В Чикаго у музыканта гораздо больше возможно-

стей для специализации. Он может играть в танцевальных залах или работать только в закусовых и ночных клубах (как я). В городах поменьше разнообразной работы не так много, а доля музыкантов среди населения меньше. Поэтому музыкант может быть вынужден играть во всех описанных мной обстановках либо потому, что у него почти нет выбора, где играть, либо потому, что у бэнд-лидера, ищущего музыканта себе в группу, ограниченный выбор исполнителей. Хотя я не вел формальных заметок о своей работе в этих обстановках, ничто из полученных данных не требовало пересмотра тех выводов, к которым я пришел на основе чикагских материалов.

Музыкант и «жлоб»

Система представлений о том, кто такие музыканты и кто составляет аудиторию, суммируется словом, которое многие музыканты используют для обозначения аутсайдеров, — «жлоб». Оно употребляется и как существительное, и как прилагательное («жлобский») для описания как типажа человека, так и свойства поведения и объектов. Данный термин обозначает человека, который является противоположностью всего, что представляет или должен представлять собой музыкант, а также образ мышления, восприятия и поведения (выражающийся в материальных объектах), который противоположен тому, что ценится музыкантами.

Музыкант считается художником, наделенным загадочным творческим даром, отличающим его от всех прочих людей. В силу наличия этого дара он должен быть свободен от контроля со стороны аутсайдеров, которые его лишены. Этот дар нельзя приобрести в результате обучения; следовательно, аутсайдер никогда не сможет стать членом данной группы. Один тромбонист как-то сказал: «Нельзя научить парня держать бит. Либо он его держит, либо нет. Если нет, его нельзя этому научить».

Музыкант считает, что ни одному аутсайдеру ни при каких обстоятельствах не позволено указывать ему, что или как играть. В сущности, наиболее незыблемым элементом профессионального кодекса музыкантов является запрет на критику или иные способы давления на другого музыканта в реальной ситуации исполнения. Если вмешиваться в работу запрещено даже коллеге, аутсайдеру это тем более не позволено.

Эта установка обобщается и выражается в мнении, что музыканты не такие, как все, что они лучше остальных и, соответственно, аутсайдеры не должны контролировать их ни в одной из сфер их жизни, особенно — в художественной деятельности. Как видно из следующих реплик, ощущение принадлежности к особым людям, которые ведут особый образ жизни, укоренено чрезвычайно глубоко:

Говорю тебе, музыканты не такие, как все. Они говорят по-другому, ведут себя по-другому, выглядят по-другому. Они просто не такие, как все, вот и всё... Знаешь, сложно бросить музыку, потому что ты чувствуешь себя совсем непохожим на остальных.

У музыкантов экзотическая жизнь, будто в джунглях или типа того. Сначала они просто обычные ребята из маленьких городов, но, как только они втягиваются в эту жизнь, они меняются. Это как джунгли, разве что их джунгли — душные, битком набитые автобусы. Если живешь так довольно долго, просто становишься совершенно другим.

Было круто быть музыкантом, я никогда не жалел об этом. Я принимаю вещи, которые жлобы никогда не поймут.

Предельным выражением такой точки зрения является убеждение, что только музыканты достаточно чувствительны и неконвенциональны, чтобы доставить настоящее сексуальное удовлетворение женщине.

Ощущая свою исключительность, музыканты верят в то, что они не обязаны подражать общепринятому поведению жлобов. Из идеи, что никто не смеет указывать музыканту, как играть, логически следует, что никто не смеет указывать музыканту, как вообще что-либо делать. Соответственно, поведение, попирающее общепринятые социальные нормы, вызывает всеобщее одобрение.

Рассказываемые в среде музыкантов истории отражают восхищение крайне своеобразными, импульсивными, наплевательскими поступками; у многих прославленных джазовых музыкантов сложилась репутация «чудиков», и рассказы об их подвигах передаются из уст в уста. Например, один известный музыкант прославился тем, что вскочил на лошадь полицейского, стоящую перед ночным клубом, в котором он играл, и ускакал на ней. Обычный музыкант любит рассказывать истории о неконвенциональных поступках, которые он совершил:

Мы играли на танцах и, когда закончили, погрузились в старый автобус и поехали обратно в Детройт. Когда мы немного отъехали от города, автобус отказался ехать дальше. Бензина было полно, но он просто не трогался с места. Парни повыползали и стояли вокруг злые. Вдруг кто-то сказал: «А давайте спалим его!» Кто-то слил немного бензина из бака, облил автобус, кинул спичку, и вжух — он весь в огне. Просто невероятно! Машина полыхает, а вокруг стоят люди, орут и хлопают. Это было нечто.

Это больше, чем идиосинкразия; это основополагающая профессиональная ценность, как указывает следующая реплика молодого музыканта: «Ну, главные имена в музыке — самые большие чудики. Чем безумнее парень себя ведет, тем он круче, тем больше все его любят».

Поскольку музыканты не хотят, чтобы их заставляли жить в рамках социальных конвенций, они не пытаются навязывать их другим. Например, один музыкант сказал, что этническая дискриминация — зло, поскольку каждый человек вправе вести себя и думать так, как он пожелает:

Черт, я не верю ни в какую такую дискриминацию. Люди есть люди, будь они итальяшки, евреи, ирландцы, поляки или кто-то еще. Только конченые жлобы пекутся о своей религии. Для меня это ни черта не значит. Каждый вправе верить во что ему хочется, я так считаю. Конечно, сам я в церковь никогда не пойду, но я не против тех, кто ходит. Это нормально, если тебе нравятся такие штуки.

Тот же музыкант классифицирует сексуальное поведение своего друга как неправильное, при этом защищая право индивида самостоятельно решать, что для него хорошо,

а что плохо: «Эдди много трахается; он себя угробит или его прибьет какая-нибудь баба. При этом у него есть хорошая жена. Ему не стоит так с ней обращаться. Но, черт подери, это его дело. Если он хочет так жить, если он счастлив, пусть». Музыканты терпимы к странному поведению своих коллег; они не пытаются их наказывать или ограничивать. В следующем эпизоде оркестр теряет работу из-за несдержанного поведения барабанщика, однако разозленные музыканты одалживают ему денег и не прибегают к наказанию. Если бы кто-нибудь что-нибудь ему высказал, это было бы нарушением общепринятого способа поведения:

Джерри: Когда мы там объявились, первое, что произошло, — не приехали его барабаны. И пока хозяин объезжал всю округу, пытаюсь достать ему барабаны, он помял крыло своей машины. Я сразу понял, что ничего хорошего не выйдет. Но Джек! Чувак, блин, босс — старый итальяшка, не шути с ним, у него игорный дом, он не потерпит никакого дерьма. Он говорит Джеку: «Что ты будешь делать без барабанов?» Джек отвечает: «Остынь, папаша, все будет клево». Я думал, старик ему голову проломит. Нельзя так говорить с боссом. Блин, когда он повернулся, в его глазах было бешенство. Я знал, что после такого мы тут надолго не задержимся. Он говорит мне: «У этого барабанщика все дома?» Я говорю: «Не знаю, я никогда его раньше не видел». В конце концов мы ему сказали, что другие играют вместе уже шесть месяцев. Это тоже помогло. Конечно, когда Джек начал играть, все кончилось. Было очень громко! И он не попадал в ритм вообще. Он использовал бас-барабан только для акцентов. Кто так играет? А вообще было неплохое местечко... Хорошая была бы работенка. Мы могли бы там остаться навсегда... В общем, мы отыграли парочку сетов, и босс сказал убираться.

Беккер: Что произошло после того, как вас уволили?

Джерри: Босс дал каждому по двадцатке и сказал разъезжаться по домам. Мы потратили семнадцать долларов на поездку туда и обратно, так что каждый заработал три бакса. Конечно, мы и не в таких передрыгах бывали. Три бакса, черт, мы даже этого не заработали. Мы одолжили Джеку семь или восемь.

Таким образом, музыкант воспринимает себя и своих коллег как людей, наделенных особым даром, который делает их непохожими на немусыкантов и неподвластными

их контролю — и в области исполнения музыки, и в области повседневного социального поведения.

Жлоб, напротив, лишен этого особого дара и какого-либо понимания музыки и не способен жить, как те, кто им обладает. Жлоб считается невеждой, нетерпимым человеком, которого стоит опасаться, поскольку он оказывает давление на музыкантов, вынуждая их играть безвкусно. Проблема музыканта в том, что жлоб вправе требовать свое: если ему не нравится исполняемая музыка, в следующий раз он не заплатит, чтобы ее услышать.

Не разбираясь в музыке, жлоб судит о ней, опираясь на критерии, чуждые музыкантам и не уважаемые ими. Коммерческий саксофонист отметил с сарказмом:

Без разницы, что мы играем, как мы это делаем. Это настолько просто, что любой, кто играет больше месяца, сможет справиться. Джек играет припев на фортепиано, потом на саксе, все в унисон. Легче легкого. Но людям наплевать. Пока они слышат барабаны, все в порядке. Они слышат барабаны и начинают выставлять правую ногу вперед левой и левую вперед правой. А если они слышат мелодию, которую можно насвистывать, они счастливы. Больше им ничего не надо.

Ту же самую установку демонстрирует следующий разговор:

Джо: Ты спускаешься со сцены, идешь по проходу, и кто-нибудь говорит: «Молодой человек, мне очень нравится ваш оркестр». Просто потому, что ты играл мягко или тенорист подменил скрипача или что-нибудь в этом духе. Жлобам такое нравится...

Дик: Что-то похожее было, когда я работал в клубе «М—». Все ребята, с которыми я ходил в старшую школу, обычно приходили и играли в бэнде... Это был один из худших бэндов, с которыми я работал, а они все думали, что чудесно играют.

Джо: О да, просто кучка жлобов.

Считается, что «жлобство» пронизывает каждый аспект поведения жлоба точно так же, как ее противоположность, «стильность», видна во всем, что делает музыкант. В глазах музыканта жлоб делает все неправильно и поэтому выглядит смешным и нелепым. Музыканты

развлекаются тем, что сидят и наблюдают за жлобами. У каждого из них припасены смешные истории про выходы жлобов. Один даже предложил, чтобы музыканты поменялись местами с людьми из бара, где он работал; он сказал, что они более забавны и заняты, чем он. Каждая деталь одежды, речи и поведения, отличающая жлоба от музыканта, рассматривается как еще одно доказательство невосприимчивости и невежества жлоба. Поскольку музыканты обладают эзотерической культурой, подобных доказательств множество; они служат исключительно для укрепления их веры в то, что музыканты и жлобы — люди разного сорта.

Но жлоб также вызывает опасения, поскольку воспринимается в качестве основного источника коммерческого давления. Невежество жлоба в музыке заставляет музыканта исполнять музыку, которую он считает плохой, но которая приносит ему успех:

Беккер: Что ты думаешь о людях, для которых играешь, о публике?

Дейв: Они отстой.

Беккер: Почему ты так считаешь?

Дейв: Ну, если ты работаешь в коммерческом бэнде, им это нравится, и ты должен играть больше пошлятины. Если ты играешь в хорошем бэнде, они недовольны, и это отстой. Если ты играешь в хорошей группе и им это нравится, это тоже отстой. Ты ненавидишь их при любом раскладе, потому что ты знаешь, что они в этом не шарят. Они просто полнейший отстой.

Последняя реплика показывает, что даже те, кто пытаются не быть жлобами, по-прежнему считаются таковыми, потому что у них все еще нет правильного понимания, которое доступно только музыканту, — «они в этом не шарят». Любитель джаза, таким образом, заслуживает не больше уважения, чем остальные жлобы. Его любовь к джазу не подкреплена пониманием, и он ведет себя так же, как другие жлобы: как и они, он заказывает песни и вмешивается в игру музыканта.

В итоге музыкант воспринимает себя художником-творцом, который должен быть свободен от внешнего

контроля, человеком, отличающимся в лучшую сторону от аутсайдеров, которых он называет жлобами, — не понимающих ни его музыки, ни его образа жизни, но при этом вынуждающих его играть так, что его игра противоречит его профессиональным идеалам.

Реакции на конфликт

Джазмены и коммерческие музыканты относятся к своей аудитории по сути одинаково, хотя то, как они формулируют этот консенсус, различается. В основе общего для них отношения лежат две конфликтующие темы: 1) желание свободного самовыражения в соответствии с убеждениями группы музыкантов и 2) признание того, что внешнее давление может вынуждать музыканта отказаться от исполнения этого желания. Джазмен склонен делать акцент на первом моменте, а коммерческий музыкант — на втором, но оба признают и чувствуют силу каждого из этих направляющих принципов. Общим для установок обоих типов музыкантов является глубокое презрение и неприязнь к жлобской аудитории, которая виновата в том, что музыканты вынуждены «идти в коммерцию», чтобы иметь возможность состояться.

Несмотря на то что коммерческий музыкант считает аудиторию жлобской, он предпочитает пожертвовать самоуважением и уважением со стороны других музыкантов (то есть вознаграждениями, которые приносит деятельность художника) ради более существенных наград: стабильной работы, более высокого дохода и престижа, сопутствующего коммерческой работе. Один коммерческий музыкант сказал:

Здесь тоже неплохие люди. Конечно, они жлобы. Я этого не отрицаю. Конечно, это сраные жлобы, но кто, блин, платит за все? Они и платят, поэтому ты должен играть то, что они хотят. Черт возьми, хочешь зарабатывать — играй для жлобов. Сколько среди сраных людей не жлобов? В лучшем случае пятнадцать процентов из сотни. Например, профессионалы — врачи, юристы, типа

того — они могут и не быть жлобами, но обычный человек — это просто огромный сраный жлоб. Конечно, ребята на сцене не такие. Но все остальные, кто не на сцене и не профессионал, — все они сраные жлобы⁶. Они ни в чем не секут.

Скажу тебе вот что. До меня это дошло где-то три года назад. Хочешь зарабатывать деньги — нужно ублажать жлобов. Они платят за все, так что нужно играть для них. Хороший музыкант не найдет сраную работу. Приходится играть для дебилов. Но какого черта, согласишься. Я хочу хорошо жить. Я хочу иметь машину. Как долго можно этому сопротивляться?..

Пойми меня правильно. Если можешь зарабатывать джазом, отлично. Но многим ли это удается?.. Если можешь играть джаз, круто, говорю же. Но если у тебя дрянная работа, нет смысла сопротивляться, надо идти в коммерцию. Ну, то есть, жлобы платят тебе зарплату, так что ты к этому привыкаешь, ты должен их ублажать.

Заметьте: говорящий признает, что быть независимым от жлобов «достойно уважения», и выражает презрение к аудитории, чья жлобность виновата во всей ситуации.

Проблема описывается преимущественно в экономических терминах: «То есть, блин, если ты играешь для жлобов, значит, ты играешь для жлобов. Что, черт подери, с этим поделать? Ты не сможешь затолкать это им в глотку. Ну, хорошо, ты можешь заставить их сожрать это, но в конце концов это *они* тебе платят».

Джазмен не менее четко сознает необходимость угождать аудитории, хотя полагает, что не нужно поддаваться этому соблазну. Как и другие люди, джазмены ценят стабильную и хорошую работу и понимают, что должны для этого потакать аудитории. Об этом свидетельствует разговор между двумя молодыми джазменами:

Чарли: Ни на одной работе нельзя давать джаз. Приходится играть румбы и попсу. Ты ничего не добьешься, давая джаз. Чувак. Я не хочу бороться с этим всю жизнь.

Эдди: Хочешь получать удовольствие, да? Коммерция не сделает тебя счастливым. Ты же знаешь.

Чарли: Думаю, нормальный музыкант ни за что не будет счастлив. Потому что, конечно, играть коммерцию отстой, но полнейший отстой вообще ничего не делать и не играть джаз.

6 Большинство музыкантов не допустили бы подобные оговорки.

Эдди: Блин, почему нельзя зарабатывать, играя джаз?.. То есть можно было бы иметь отличный небольшой бэнд и играть на заказ, но хорошую музыку.

Чарли: У такого бэнда никогда не будет работы.

Эдди: Ну, ты можешь поставить впереди сексуальную телку, чтобы она пела и трясла жопой перед недоумками. Тогда работа будет. А пока она не поет, можно играть крутые вещи.

Чарли: Бэнд К— вроде ж это и делал. Тебе нравилось? Тебе нравилось, как она поет?

Эдди: Нет, чувак, но мы играли джаз.

Чарли: Тебе нравился тот джаз, который ты играл? Это же была типа коммерция, нет?

Эдди: Да, но могло быть круто.

Чарли: Да, если бы это было круто, тебе не нужно было бы искать другую работу. Думаю, мы всегда будем несчастны. Просто так устроена жизнь. Придется всегда разрываться... Музыканту не найти реально крутую работу.

Кроме необходимости угождать аудитории в силу желаний максимизировать зарплату и доход существует и более непосредственное давление. Быть независимым зачастую очень сложно. К примеру:

Прошлым вечером я работал на итальянской свадьбе в Саут-вест-Сайде с Джонни Понци. Мы поиграли полчаса, разные композиции, которые у них там играют, довольно некоммерческие. А потом один старый итальянец (тесть жениха, как потом выяснилось) начал вопить: «Сыграйте польку, сыграйте итальянскую музыку, вы, вонючие паршивцы!» Джонни всегда старается оттягивать до последнего неизбежное на свадебных работах, как можно дольше не играет народную музыку. Я сказал: «Чувак, почему бы нам не сыграть немного этого дерьма, чтоб он отвязался?» Том сказал: «Боюсь, если мы начнем это играть, мы будем играть это весь вечер». Джонни сказал: «Говард, жених, — отличный парень. Он сказал нам, что мы можем играть все что вздумается и не обращать внимания, что говорят люди, поэтому не парься...»

Старик продолжал вопить, поэтому довольно скоро подошел жених и сказал: «Ребят, слушайте, я знаю, вы не любите играть подобное дерьмо, и я не хочу, чтобы вы его играли, но это мой тесть, понимаете. Я не хочу заставлять мою жену краснеть из-за него, поэтому сыграйте немного итальянской музыки, чтобы он успокоился, хорошо?» Джонни окинул нас взглядом и жестом показал, чтобы мы подчинились.

Он сказал: «Ладно, сыграем „Розамунду“*». Том сказал: «Вот дерьмо! Ну, начинается». Мы сыграли ее, а потом сыграли итальянский танец, гарантеллу*.

Иногда работодатель оказывает давление, которое вынуждает уступить даже самых бескомпромиссных джазменов, по крайней мере — на время работы:

Однажды вечером я играл один в «И—» на —рд-стрит. Такой отстой! Во второй части я сыграл «Санни сайд», затем сыграл мелодию к одному припеву, а потом поиграл немного джаза. Тут ни с того ни с сего босс перегнулся через стойку бара и заорал: «Я поцелую тебя в зад, если кто-нибудь тут знает мелодию, которую ты играешь!» И все его отлично слышали. Чертов жлоб! Что мне оставалось делать? Я ничего не сказал, просто продолжил играть. Полнейший отстой.

Музыканты в некоторой степени непоследовательны, так как хотят чувствовать, что их музыка доходит до аудитории и что слушатели получают удовольствие от их работы, вследствие чего им приходится уступать запросам публики. По словам одного музыканта:

Когда есть для кого играть, мне хочется играть. Когда никто тебя не слушает, тебе как будто незачем играть. Ну, в конце концов, для этого музыка и нужна — чтобы люди слушали и получали удовольствие от нее. Поэтому я не прочь играть заезженные вещи. Если кому-то нравится, то и мне по душе. Наверное, я плохой музыкант. Но я люблю доставлять людям удовольствие.

Это довольно радикальное высказывание, однако большинство музыкантов испытывают сильное желание избегать активного недовольства аудитории: «Поэтому я люблю работать с Томми. По крайней мере, когда уходишь со сцены, никто тебя не ненавидит. Тяжело работать, когда собравшиеся ненавидят весь бэнд».

Изоляция и самосегрегация

Музыканты враждебны по отношению к своей публике и боятся, что им придется принести в жертву жлобам свои художественные идеалы. Они демонстрируют убеждения

и шаблоны поведения, которые можно рассматривать в качестве способов приспособления к данной ситуации. Эти способы изоляции и самосегрегации проявляются как в ситуациях исполнения музыки, так и в процессе социального общения с другими членами общества. Главная функция такого поведения — защитить музыканта от вмешательства жлобской публики, а следовательно, и конвенционального общества. Ключевое последствие этого поведения состоит в том, что цикл усугубляющейся девиантности еще сильнее закрепляет за музыкантом статус аутсайдера. Проблемы со жлобами приводят к большей изоляции, которая, в свою очередь, повышает вероятность возникновения новых проблем.

Как правило, музыкант пространственно изолирован от публики. Он работает на площадке, которая создает физическую преграду для прямого общения. Эта изоляция приветствуется, поскольку публика, состоящая из жлобов, считается потенциальной угрозой. Музыканты опасаются, что прямой контакт с аудиторией приведет лишь к вмешательству в исполнение музыки. Поэтому безопаснее находиться в изоляции и не общаться с ними. Один музыкант описал ситуацию, когда однажды такая физическая изоляция не была обеспечена:

Со свадьбами такая штука, чувак. Ты прямо на полу, прямо посреди людей. Ты не можешь уйти от них. Это не так, как когда играешь на танцах или в баре. В танцзале ты на сцене, где тебя не могут достать. То же самое в коктейль-барах, где ты за стойкой. Но свадьбы — чувак, ты прямо посреди них.

В отсутствие обычно существующих физических барьеров музыканты часто создают свои собственные и успешно отгораживаются от публики:

У меня была работа на еврейской свадьбе вечером в воскресенье... Когда я приехал, остальные ребята уже были на месте. Свадьба началась поздно, поэтому люди только приступили к еде. Я переговорил с женихом, и мы решили играть во время ужина. Мы расположились в дальнем углу зала. Джерри поставил фортепиано так, что оно огородило небольшое пространство, которое было отделено от присутствующих. Тони поставил там свои барабаны, а Джерри

и Джонни стояли там, пока мы играли. Я хотел подвинуть фортепиано, чтобы ребята могли стоять перед ним и рядом с публикой, но Джерри сказал полушутя: «Не, чувак. Мне нужна защита от жлобов». Мы и не стали ничего менять...

Джерри стал немного впереди фортепиано, но, опять в полушутку, поставил пару стульев перед собой, чтобы они отделяли его от публики. Когда какая-то парочка взяла стулья, чтобы сесть, Джерри поставил на их место еще два. Джонни сказал: «Чувак, почему бы нам не сесть на эти стулья?» Джерри ответил: «Не, чувак, не трогай их. Это мои баррикады от жлобов».

Многие музыканты почти рефлекторно избегают контакта с людьми из публики. Они привыкли, проходя среди них, не смотреть им в глаза из опасения установить отношения, на базе которых жлоб затем будет просить исполнять песни или каким-либо еще образом вмешиваться в музыкальное исполнение. Некоторые музыканты ведут себя подобным образом и в обычной социальной жизни, за пределами профессиональных ситуаций. В некоторой степени это неизбежно, поскольку условия работы — поздние часы, значительная географическая мобильность и так далее — затрудняют социальное общение за пределами профессиональной группы. Тому, кто работает, пока остальные спят, сложно иметь с ними обычные социальные взаимоотношения. Один музыкант, который ушел из профессии, частично объяснял причины своего ухода именно этим: «Кроме того, круто работать в нормальное рабочее время: можешь видеться с людьми, вместе того чтобы каждый вечер идти на работу». Некоторые молодые музыканты жалуются, что часы работы мешают им знакомиться с «хорошими» девушками, поскольку такой график исключает обычные свидания.

Но в значительной мере самосегрегация обуславливается враждебным отношением к жлобам. В своей крайней форме это отношение проявляется в деятельности «Х— Авеню Бойз» — группы радикальных джазменов, отрицающих американскую культуру *in toto*. Сущность их отношения к внешнему миру отражается в названии, которое дал своей заглавной песне один из музыкантов:

«Если тебе не нравятся мои эксцентричные привычки, можешь поцеловать меня в чертов зад». Этнический состав группы тоже говорил о том, что радикальная художественная и социальная позиция была частью общего отрицания конвенционального американского общества. За некоторым исключением участники были представителями традиционных полностью ассимилировавшихся этнических групп: ирландцев, скандинавов, немцев или англичан. Кроме того, у многих из них была репутация выходцев из богатых семей и высших социальных классов. Словом, отрицание ими коммерческого подхода в музыке и жлобов в социальной жизни было элементом отказа от всей американской культуры в целом, практиковавшегося людьми, которые занимали привилегированное положение, но не были готовы смириться с ним.

Все интересы этой группы подчеркивали их изоляцию от идеалов или интересов конвенционального общества. Они общались почти исключительно с другими музыкантами и девушками, которые пели или танцевали в ночных клубах в районе Норт-кларк-стрит в Чикаго, и мало или вообще не контактировали с конвенциональным миром. Их политические взгляды описывались следующим образом: «Они ненавидят существующий строй и считают его никчемным». Они всегда были настроены как против бизнеса, так и против рабочих, были разочарованы в экономической структуре и относились с цинизмом к политическому процессу и современным политическим партиям. Они полностью отвергали религию и брак, как и американскую популярную и высокую культуру, а в чтении ограничивались эзотерическими авангардными писателями и философами. В искусстве и симфонической музыке они предпочитали только наиболее эзотерические направления. При каждом поводе они спешили подчеркнуть, что их интересы не совпадают с интересами конвенционального общества и что тем самым они не составляют его часть. Скорее всего, основная функция этих интересов

состояла в том, чтобы сделать их обособленность максимально очевидной.

Хотя в случае «Х— Авеню Бойз» изоляция и самосегрегация достигают предельной степени, их можно встретить и у менее девиантных музыкантов, которые часто чувствуют себя довольно сильно изолированными от остального общества. Следующий разговор между двумя молодыми джазменами иллюстрирует два типа реакции на чувство изоляции:

Эдди: Знаешь, чувак, я ненавижу людей. Не могу находиться среди жлобов. Они меня так достают. Не выношу их.

Чарли: Не нужно, чувак. Не позволяй им себя доставать. Смейся над ними. Я так делаю. Просто смейся над всем, что они делают. Это единственный способ не сломаться.

Молодой музыкант-еврей, который явно идентифицировал себя с еврейской общиной, тем не менее чувствовал эту профессиональную изоляцию довольно сильно, чтобы сказать:

Стремно, когда мало знаешь. Со мной так было, когда я только начинал играть. Мне казалось, я слишком много знаю. Я типа видел или чувствовал, что все мои приятели с района тупые жлобы...

Забавно, что, когда сидишь на сцене, чувствуешь себя таким непохожим на других. Я типа даже начинаю понимать, что неевреи чувствуют к евреям. Приходят люди, похожие на евреев, ну, у них есть небольшой акцент или типа того, и просят румбу или другое подобное говно, а я думаю: «До чего же сраные жлобы эти евреи», будто я сам гой. Вот что я имею в виду, когда говорю, что, работая музыкантом, узнаешь слишком много. Много чего видишь и смотришь на жизнь шире, чем обычный человек.

По другому поводу тот же музыкант заметил:

Понимаешь, когда я перестал работать, я на самом деле немного освоился и могу болтать с некоторыми ребятами с района.

[То есть до этого ты не мог с ними разговаривать?]

Ну, раньше я просто стоял и не знал, что им сказать. Разговоры с ними меня и сейчас отрезвляют. Все, что они говорят, кажется реально глупым и неинтересным.

Процесс самосегрегации наглядно проявляется в некоторых символических формах выражения, в особенно-

сти — в профессиональном сленге, позволяющем легко идентифицировать человека, правильно его использующего, как нежлоба, а того, кто использует его некорректно или не использует вообще, — как аутсайдера. Некоторые слова появились для обозначения уникальных профессиональных проблем и установок музыкантов. Типичный пример — «жлоб». Такие слова позволяют музыкантам обсуждать проблемы и виды деятельности, для которых в обычном языке нет адекватной терминологии. Существует, однако, много слов, которые просто заменяют более привычные выражения, не добавляя нового смысла. Например, синонимами денег служат «бабло», «лаве», «лабуха» и «капуста». Работу называют «халтурой». Существуют бесчисленные синонимы марихуаны, наиболее популярные из которых — «план», «трава», «дурь», «чай» и «дерьмо».

Молодой музыкант, решивший бросить профессию музыканта, так объясняет функцию подобного поведения:

Но я рад, что ухожу. Меня тошнит от музыкантов. Сплошная ритуально-церемониальная дрянь. Им нужно говорить на особом языке, одеваться не как все, носить странные очки. И это ни хрена не значит, кроме одного — «мы особенные».

*Карьеры в девиантной
профессиональной группе:
джазовый музыкант*

Выше я уже рассматривал *девиантную карьеру* (то есть формирование шаблона девиантного поведения), в частности, когда обсуждал возникновение привычки курить марихуану. Теперь я хотел бы обратиться к карьерам в среде джазовых музыкантов — в группе «аутсайдеров», которые воспринимают себя и воспринимаются окружающими в качестве «не таких, как все». Но вместо генезиса девиантных форм поведения я сконцентрируюсь на последствиях, которые для профессиональной карьеры индивида имеет тот факт, что профессиональная группа, в которой он делает карьеру, является девиантной.

Хьюз, применявший понятие карьеры для изучения судьбы индивида внутри профессиональных организаций, определял ее следующим образом:

В объективном плане... [это] ряд статусов и четко определенных должностей... типовая последовательность позиций, достижений, полномочий и даже авантур... В субъективном плане карьера — это меняющаяся перспектива, из которой человек смотрит на всю свою жизнь в целом и трактует смысл различных атрибутов, действий и происходящих с ним событий¹.

Холл, обсуждая стадии медицинской карьеры, рассматривает карьеру более конкретно — как серию приспособлений к «сети институтов, формальных организаций и не-

¹ *Everett C. Hughes. Institutional Office and the Person // American Journal of Sociology. 1937. Vol. 43. № 3. P. 409–410.*

формальных отношений», внутри которой практикуется профессия².

Типичные карьерные траектории в рамках профессии обуславливаются ее специфическими проблемами, которые в свою очередь являются функцией места, занимаемого представителями этой профессии среди других групп в обществе. Основные проблемы музыкантов, как мы видели, связаны со стремлением сохранить свободу от контроля за художественным поведением. Контроль осуществляется аутсайдерами, для которых играют музыканты и которые обычно оценивают исполнение музыканта и реагируют на это исполнение в соответствии со стандартами, отличающимися от его стандартов. Антагонистические отношения между музыкантами и аутсайдерами придают культуре музыканта специфическую форму, а также являются главным источником непредвиденных обстоятельств и кризисных моментов в его карьере.

В исследованиях более традиционных профессий, например медицинских, было показано, что профессиональный успех (как его определяют сами представители профессии) зависит от того, найдет ли индивид для себя позицию в той влиятельной группе или группах, которые контролируют вознаграждения внутри профессии, и что действия и жесты коллег могут играть существенную роль в определении перспектив карьеры индивида³. Музыканты — не исключение, поэтому я начну с анализа их определений профессионального успеха и рассмотрения того,

2 *Oswald Hall*. The Stages of a Medical Career // *American Journal of Sociology*. 1948. Vol. 53. № 5. P. 327.

3 Обсуждение влияния коллегальных групп на карьеры в промышленных организациях см. в: *Everett C. Hughes*. *French Canada in Transition* (Chicago: University of Chicago Press, 1943). P. 52–53, и в: *Melville Dalton*. *Informal Factors in Career Achievement* // *American Journal of Sociology*. 1951. Vol. 56. № 5. P. 407–415; похожий анализ коллегального влияния в медицинской профессии см. в: *Hall*. *Op. cit.* Понятие «внутреннего братства», предложенное Холлом, обозначает группу, способную оказывать наибольшее влияние.

как развитие музыкальных карьер зависит от успешной интеграции в организацию музыкального бизнеса.

Но карьера музыканта включает и кое-что еще. Проблема свободы от внешнего контроля привносит дополнительные непредвиденные обстоятельства в карьеры и приводит к усложнению структуры профессии. Это станет следующим предметом моего анализа.

Наконец, огромное влияние на карьеру музыканта оказывает его семья (как та, в которой он родился, так и та, которую он создает, заключая брак)⁴. Обычно родители и жены не являются музыкантами и, будучи аутсайдерами, зачастую неспособны понять привязанность музыканта к его работе. Возникающие недопонимания и разногласия с ними часто меняют направление карьеры музыканта и в некоторых случаях приводят к ее завершению.

Компании и успех

Музыкант трактует успех как продвижение по иерархии доступных работ. В отличие от заводского рабочего или клерка, он не связывает свою карьеру с единственным работодателем; он готов к частой смене работ. Неформальный рейтинг таких работ — учитывающий предполагаемый доход, часы работы и степень ощущаемого признания достижений со стороны сообщества — составляет шкалу, которая позволяет музыканту измерять свою успешность исходя из обычного для себя типа работы.

В самом низу этой шкалы находится музыкант, который время от времени играет на маленьких танцплощадках, свадебных торжествах и подобных мероприятиях и в лучшем случае получает зарплату по профсоюзным ставкам.

4 См. обсуждение в: *Howard S. Becker. The Implications of Research on Occupational Careers for a Model of Household Decision-Making // Nelson N. Foote (ed.). Household Decision Making (New York: New York University Press, 1961). P. 239–254; Howard S. Becker, Anselm L. Strauss. Careers, Personality, and Adult Socialization // American Journal of Sociology. 1956. Vol. 62. № 3. P. 253–263.*

На следующей ступени располагаются музыканты, имеющие постоянную работу на «точках» — в простых закусочных и ночных клубах, небольших стрип-клубах и т. п., где платят мало, а уровень признания сообществом низок. Следующую ступень занимают те, кто постоянно играет с местными бэндами в окрестных танцевальных залах и небольших «приличных» ночных клубах и коктейль-барах в более благополучных районах города. Такая работа оплачивается лучше, чем работа на точках, и имеющие эту работу музыканты могут рассчитывать на то, что сообщество будет считать их успешными. Примерно на том же уровне находятся те, кто работает в оркестрах так называемого «класса Б» — во втором ранге танцевальных оркестров, известных на всю страну. На следующем уровне находятся музыканты, которые играют в бэндах «класса А» и в местных оркестрах, работающих в лучших ночных клубах и отелях, на больших мероприятиях и т. д. У них хорошие зарплаты и удобные часы работы, и они могут ожидать, что их будут считать успешными как внутри, так и за пределами профессии. Самые верхние позиции в этой шкале занимают музыканты, работающие штатными сотрудниками радио, телевидения и драматических театров. У них высокие зарплаты и короткий рабочий день, и такая работа считается вершиной успеха в местном музыкальном мире и высоко ценится аутсайдерами.

Вакансии, доступные в тот или иной момент времени, распределяются сетью неформальных и связанных друг с другом компаний. Получение работы на любом из уровней или переход на более высокий уровень в значительной степени зависит от позиции в этой сети. Члены компаний связаны друг с другом взаимными обязательствами; они обеспечивают друг друга работой, либо нанимая друг друга, если обладают достаточной властью, либо рекомендуя друг друга тем, кто нанимает людей для игры в оркестре. Рекомендации играют важную роль, поскольку именно благодаря им нанимающие узнают о доступных музыкантах; человека, о котором никому не известно, не возьмут

на работу, а принадлежность к компании обеспечивает индивида большим количеством друзей, которые будут рекомендовать его нужным людям.

Принадлежность к компании, таким образом, гарантирует индивиду постоянное трудоустройство. Один музыкант объяснил это так:

Смотри, вот как это работает. Моя правая рука — это пять музыкантов. Моя левая — еще пять. Один из вот этих ребят получает работу. Он набирает для нее парней среди вот этих ребят в этой группе. Когда кто-то из них получает работу, естественно, он нанимает этого парня. Вот как это устроено. Они никогда не нанимают того, кто не в компании. Если один из них работает, работают все.

Музыкант выстраивает и цементирует эти отношения, трудоустраивая других, что обязывает их оказать ответную услугу:

В том бэнде была пара ребят, которым я нашел хорошую работенку, и с тех пор они там. Один тромбонист. Я нашел ему хороший бэнд. И одному трубачу... Ну, ты знаешь, как это работает. Главный спрашивает тебя, есть ли кто на примете. Если чувак, которого ты предложил, ему понравится, то каждый раз, как ему кто-нибудь понадобится, он будет обращаться к тебе. Так можно пристроить всех своих друзей.

Гарантия трудоустройства обуславливается количеством и качеством подобных отношений. Чтобы сделать карьеру, нужно работать; чтобы иметь гарантированную постоянную работу, нужно иметь много «связей»:

Надо заводить связи типа по всему городу, пока не станет так, что, когда кому-нибудь будет нужен музыкант, позвонят тебе. Тогда ты всегда будешь при деле.

Бросается в глаза определенное сходство с неформальной организацией в медицинской практике. Музыканты кооперируются посредством рекомендаций почти так же, как члены медицинского «внутреннего братства» кооперируются, снабжая друг друга пациентами⁵. Од-

⁵ Hall. Op. cit. P. 332.

нако эти два институциональных комплекса отличаются тем, что медицинская практика (кроме разве что больших городов) концентрируется вокруг нескольких крупных больниц, которые находятся под контролем одного или нескольких братств. В музыке количество возможных центров — и соответствующее организационное разнообразие — гораздо больше, и поэтому у индивида больше возможностей установить нужные ему связи, а власть каждой отдельной компании слабее.

Компании не только в той или иной мере обеспечивают своих членов работой, но и предоставляют возможности для продвижения вверх по иерархии работ. В некоторых наблюдавшихся мной компаниях члены рекрутировались с нескольких уровней иерархии, благодаря чему люди на более низкой позиции могли вступать в контакты с людьми более высокого ранга. Когда появлялась работа выше по шкале, индивид на более низком уровне мог получить рекомендацию от более высокопоставленного музыканта, который ручался за него или нанимал его, беря на себя ответственность за качество его игры. Музыкант, работающий на радиостанции, описывает этот процесс следующим образом:

Еще один способ добиться успеха — иметь много друзей. Нужно играть хорошо, но у тебя должны быть друзья в разных бэндах, и, когда кто-нибудь уйдет из бэнда, они постараются взять тебя. Это занимает кучу времени. Я потратил десять лет, чтобы получить мою нынешнюю работу.

Если индивид, за которого поручились, успешно играет, у него появляется шанс завести больше неформальных отношений на новом уровне и, таким образом, получать больше предложений о работе на этом уровне. Чтобы полностью зарекомендовать себя на новом уровне, музыкант должен успешно выступать, поэтому поручители всерьез обеспокоены игрой своих протеже. Следующий эпизод, описанный в моем полевом дневнике, иллюстрирует эту обеспокоенность, которая в данном случае была связана

с чередой поручительств и с обязательствами, взятыми на себя коллегами:

Мой друг спросил, работаю ли я вечером. Когда я ответил: «Нет», он подвел меня к другому парню, который в свою очередь отвел меня к старику с сильным итальянским акцентом. Тот сказал: «Играешь на фортепиано?» Я сказал: «Да». Он сказал: «Хорошо играешь?» Я сказал: «Да». Он сказал: «Играешь хорошо? Прямо круто?» Я сказал: «Неплохо. Что за работа?» Он сказал: «Клуб, здесь, в Лупе. С девяти до четырех тридцати, платят два пятьдесят за час. Ты уверен, что справишься?» Я сказал: «А то!» Он похлопал меня по плечу и сказал: «Ладно, я просто должен был задать тебе все эти вопросы. Ну, я не знаю тебя, я не знаю, как ты играешь, я должен спросить, понимаешь?» Я сказал: «Нет проблем!» Он сказал: «Ну, я типа должен быть уверен, место все-таки в центре. Так, ладно. Позвони по этому номеру и скажи, что Мантуно сказал тебе позвонить, — Мантуно. Понимаешь, я должен быть уверен, что ты хорошо отработаешь, а то я получу по шее. Давай, набери их сейчас. Запомни: тебя просил позвонить Мантуно».

Он дал мне номер. Я позвонил и получил работу. Когда я вышел из кабинки, мой друг, с которого все началось, подошел и спросил: «Все хорошо? Получил работу?» Я ответил: «Да, спасибо огромное!» Он ответил: «Нет проблем. Слушай, отработай на совесть. Ну, то есть, если это коммерция, играй коммерцию. Черт! Если ты облажаешься, моей заднице несдобровать. И не только моей, а еще Тони и того парня. Рискуют примерно четыре задницы, сечешь?»

Словом, чтобы получить первоклассную работу, нужны как музыкальные способности, так и неформальные взаимные обязательства с людьми, которые могут дать рекомендацию для трудоустройства. Без необходимого минимума способностей успешная игра на следующем уровне невозможна, но эти способности открывают доступ к соответствующей работе, только если музыкант завел нужные знакомства. Как показывает приведенная выше цитата, для поручителей система работает так, что доступные музыканты попадают в поле внимания людей, у которых есть вакансии и которые получают возможность нанимать новичков, способных играть на должном уровне.

Успешную карьеру можно рассматривать как ряд шагов, каждый из которых представляет собой последователь-

ность, включающую поручительство, успешное исполнение и выстраивание отношений на каждом следующем уровне.

Я уже отметил сходство карьер в музыке с карьерами в медицине и промышленности, которое состоит в том, что успешная деятельность и профессиональная мобильность являются функциями связей индивида с сетью неформальных организаций, в которые входят его коллеги. Теперь я рассмотрю вариацию этой типичной социальной формы, обусловленную тем, что музыканты чрезвычайно дорожат свободой играть без вмешательства немусыкантов, которые, по мнению музыкантов, неспособны понять и оценить загадочный творческий дар исполнителя. Поскольку достичь этой желанной свободы сложно (или даже невозможно), большинству музыкантов приходится до некоторой степени жертвовать стандартами своей профессии, чтобы соответствовать запросам публики и тех, кто контролирует возможности трудоустройства. В результате возникает еще одно измерение профессионального престижа, основывающееся на том, в какой мере музыкант отказывается менять свое исполнение под давлением запросов аутсайдеров, — измерение, простирающееся от «играть что хочешь» до «играть что хотят услышать». Джазмен играет то, что хочет, а коммерческий музыкант потакает вкусам публики; коммерческий подход лучше всего резюмирует утверждение, приписываемое одному очень успешному коммерческому музыканту: «За доллар я сделаю что угодно».

Как я уже указывал, музыканты полагают, что ситуация неизбежно чревата конфликтом, что нельзя доставлять удовольствие публике и при этом придерживаться своих художественных принципов. Следующая цитата из интервью с музыкантом, работающим на радиостанции, иллюстрирует давление, служащее причиной этого конфликта на лучших рабочих местах:

Главное в студии — не лажать. Понимаешь, им все равно, как ты играешь — плохо или хорошо, пока ты попадаешь в ноты и не делаешь ошибок. Конечно, ты стараешься, чтобы все звучало хорошо, но им это неинтересно... Им плевать, как ты звучишь, когда проходишь через микрофон, их волнуют только продажи. Ты можешь иметь какую-то личную гордость, но им все равно... Приходится этим заниматься. Давать ему то, что ему наверняка понравится.

Наиболее престижная работа, таким образом, заставляет музыканта пожертвовать своей художественной независимостью и сопутствующим профессиональным престижем. Один очень успешный коммерческий музыкант высоко оценил художественную независимость, но подчеркнул ее отрицательное воздействие на карьеру:

Знаю, тебе, наверно, нравится играть джаз. Конечно, я понимаю. Когда-то меня интересовал джаз, но оказалось, что на этом не заработаешь, люди не любят джаз. Им нравится румба. В конце концов, это же бизнес, разве нет? Ты либо играешь, чтобы заработать на жизнь, либо нет, вот и все. Если хочешь зарабатывать себе на жизнь, нельзя все время вываливать джаз на людей, они не примут его. Нужно играть то, что они хотят, это они оплачивают твои счета. Пойми меня правильно. Если парень может жить за счет джаза — отлично. Но хотел бы я хоть одного такого повидать. Если хочешь чего-то добиться, нужно играть коммерцию.

Джазмены, напротив, жалуются на то, что им доступны лишь низкооплачиваемые позиции, не приносящие ничего, кроме художественного престижа.

Соответственно, компании, к которым музыканту необходимо получить доступ, чтобы добиться успеха и гарантированного трудоустройства, состоят из людей, которые явно ориентируются на коммерческую музыку. Важнейшие формы профессионального вознаграждения контролируются людьми, которые пожертвовали некоторыми базовыми профессиональными идеалами, и музыканту приходится приносить аналогичную жертву, чтобы получить шанс попасть на желаемую позицию:

Понимаешь, если играешь коммерческую музыку, можешь сойтись с компаниями, у которых всегда хорошие варианты, и реально преуспеть. У меня была одна из самых лучших работ в городе — в клубе «Кью—» и подобных местах, — вот так и нужно себя

вести. Играй, что следует, водись с ребятами и не будешь ни о чем беспокоиться. Можешь рассчитывать на бабло каждую неделю, а что еще надо.

Компании джазменов предлагают своим членам лишь престиж художественной принципиальности; коммерческие компании предоставляют гарантии трудоустройства, мобильность, доход и общественный престиж.

Данный конфликт является центральной проблемой в карьере отдельного музыканта, и развитие его карьеры зависит от того, как он с ним справится. Хотя я не собирал данные по этому вопросу, скорее всего большинство музыкантов вначале испытывают огромное уважение к джазу и художественной свободе. В определенный момент карьеры (у каждого индивида он наступает в разное время) конфликт становится явным и музыкант понимает, что нельзя добиться успеха, к которому он стремится, оберегая независимость музыкального исполнения. Когда несовместимость этих целей становится очевидной, перед музыкантом встает необходимость сделать выбор, пусть даже неосознанный, который предопределит дальнейшее направление его карьеры.

Одна из реакций на эту дилемму состоит в избегании ее путем ухода из профессии. Будучи не в силах найти удовлетворительное решение проблемы, индивид прерывает свою карьеру. Один музыкант, решивший оставить карьеру, описывает свой мотив следующим образом:

Лучше найти работу, которая наверняка будет отстойной [депрессивной], и ты знаешь, что она будет отстойной, чем заниматься музыкой, где могло бы быть круто, но не круто. Ты устраиваешься на работу, ты ничего о ней не знаешь. Ты понимаешь, что будет отстой, и ты к этому готов. Но музыка может быть настолько крутой, что, когда это не так, это полнейший отстой. Так что лучше иметь какую-то другую работу, которая будет менее отстойной.

Мы наблюдали разную реакцию на эту дилемму у тех, кто остается в профессии. Джазмен пренебрегает запросами аудитории ради художественных идеалов, в то время как коммерческий музыкант поступает противополож-

ным образом, однако оба чувствуют давление этих двух сил. Я хочу обсудить, как эти реакции соотносятся с карьерными судьбами.

Индивид, решающий игнорировать коммерческое давление, сталкивается с тем, что ему оказывается недоступна работа, приносящая больший престиж и доход, а также членство в тех компаниях, которые гарантировали бы ему занятость и возможность подобной мобильности. Лишь немногие готовы или способны занять такую радикальную позицию; большинство в той или иной мере идет на уступки. Предполагаемый этими уступками шаблон продвижения является распространенным карьерным явлением, хорошо известным среди музыкантов и считающимся практически неизбежным:

Я заметил К—И—. Я спросил: «Можешь подкинуть работенку?» Он ответил, подражая старперам⁶: «Сынок, теперь, когда ты обрел разум и согласен на коммерцию, я смогу тебе помочь, но не в данный момент!» И добавил нормальным голосом: «Чего ты тормозишь? Блин, да все уже, кажется, двинули за мной в коммерцию. Я там уже по уши, сечешь?»

В этот ключевой момент своей карьеры индивид обнаруживает, что ему необходимо радикально изменить свое представление о себе; он должен научиться думать о себе иначе, считать себя иным человеком:

Думаю, коммерческий бизнес съел меня. Знаешь, даже когда я иду на работу, где надо давать джаз, где можно просто расслабиться и играть все что угодно, я думаю о том, чтобы играть что-то коммерческое, что-то, что люди там захотят услышать. Когда-то я ходил на работу с желанием полностью выложиться и все, просто выдать лучшее, на что я способен. А теперь я иду на работу и автоматически думаю: «Что эти люди хотят услышать? Может, что-нибудь в стиле Кентона*, или в духе Диззи Гиллеспи* [джазовые оркестры], или в духе Гая Ломбардо* [коммерческий оркестр], или что-то другое?» Не могу перестать думать про это. Кажется, я попался, они сломили мой дух.

6 «Старпер» — выражение, которое молодые музыканты употребляли для описания членов компаний, контролирующих самые востребованные работы.

На более серьезное изменение в представлении о себе, соотносящееся с этой карьерной дилеммой, указывает следующее высказывание:

Скажу тебе так: я решил, что буду играть только коммерческую музыку — играть то, что хотят слышать люди. Думаю, кто-то должен давать им то, что они хотят. Мелодия, не больше. Никакой импровизации, никакой техники — только простая мелодия. Слушай, а почему мне нельзя так играть? В конце концов, давай перестанем себя обманывать. Большинство из нас никакие не музыканты, мы простые инструменталисты. Я считаю себя обыкновенным работягой. Нет смысла себе врать. Большинство ребят просто инструменталисты, они вовсе не музыканты, пусть честно себе признаются.

Такое решение и такая смена представления о себе позволяют переходить на более высокие уровни в иерархии работы и создают условия для полноценного успеха, который будет возможен, если музыкант установит и сохранит нужные связи.

Один из способов адаптации к реалиям работы без урона для самоуважения — принятие установки ремесленника. Музыкант, которому это удастся, больше не беспокоится о *типе* исполняемой им музыки. Вместо этого его интересует только *правильность* ее исполнения, наличие у него навыков, необходимых, чтобы исполнять ее так, как надо. Его гордость и самоуважение основываются на способности «препарировать» любую музыку, всегда хорошо выступить.

Навыки, необходимые для сохранения подобного подхода, различаются в зависимости от обстановки, в которой играет музыкант. Музыкант, играющий в барах с небольшими группами, будет гордиться знанием сотен (и даже тысяч) песен и способностью сыграть их в любой тональности. Музыкант, играющий в большом бэнде, будет гордиться умением интонировать и своей технической виртуозностью. Музыкант, выступающий в ночном клубе или на радио, гордится своей способностью точно и безошибочно читать любого рода музыку прямо с листа. Поскольку подобная установка позволяет дать заказчику то,

что ему нужно, причем в наилучшем виде, скорее всего она будет вести к профессиональному успеху.

Ремесленнический подход легче практиковать в главных музыкальных центрах страны: Чикаго, Нью-Йорке, Лос-Анджелесе. В этих городах количество свободных вакансий достаточно велико, чтобы существовала специализация и музыкант мог заниматься совершенствованием одного конкретного набора навыков. В этих центрах встречаются настоящие виртуозы. В менее крупных городах, напротив, разнообразной работы не настолько много, чтобы возникла специализация, поэтому музыканты вынуждены заниматься всем понемногу. Хотя необходимые навыки пересекаются — умение интонировать, например, важно всегда, — у каждого музыканта есть области, в которых он компетентен лишь чуть-чуть. Трубач может прекрасно играть джаз и хорошо справляться с небольшой джазовой работой, но при этом слабо читать с листа и значительно хуже играть в большом бэнде. Сложно гордиться своими ремесленными навыками, когда постоянно сталкиваешься с работой, для которой у тебя есть лишь минимальные необходимые умения.

Подводя итог, можно сказать, что ценность, придаваемая музыкантами свободе от вмешательства, с которым они неминуемо сталкиваются в своей работе, создает новое измерение профессионального престижа, которое вступает в конфликт с обсуждавшимся ранее рабочим престижем, поскольку невозможно достичь высоких позиций и там, и там. Самые ценные награды находятся в руках тех, кто пожертвовал своей художественной независимостью и требует аналогичной жертвы от тех, кого они нанимают на эти более высокие позиции. В результате отдельный музыкант сталкивается с дилеммой, и его реакция предопределяет будущее направление его карьеры. Отказ подчиниться означает необходимость оставить какие-либо надежды найти высокопрестижную и доходную работу, в то время как подчинение коммерческому давлению открывает путь к успеху. (В исследованиях других профес-

сий можно уделять внимание карьерным обстоятельствам, которые тоже являются функцией ключевых трудовых проблем конкретной профессии, связанных с отношениями с клиентами или заказчиками.)

Родители и жены

Я уже отмечал, что желание музыкантов сохранить свободу от внешнего вмешательства в их работу превращается в обобщенное чувство, что они не должны быть ограничены общепринятыми правилами общества. Профессиональный этос поощряет восхищение спонтанным и индивидуалистическим поведением и пренебрежением правилами окружающего общества. Можно ожидать, что при контактах с обществом представители профессии с подобным этосом будут сталкиваться с проблемами и конфликтами. Одна из точек контакта — работа, на которой источником проблем является публика. Я рассматривал влияние данной области проблем на карьеру музыканта выше.

Другая точка контакта — семья. Наличие семьи связывает музыканта с людьми, которые являются жлобами и аутсайдерами и следуют общепринятым нормам, власть которых музыканты не признают. Такие отношения чреватые потенциальным конфликтом, который может завершиться катастрофическими последствиями для карьеры и/или семейных связей. В настоящем разделе я рассмотрю природу этих конфликтов и их влияние на карьеру.

Семья индивида существенно влияет на его профессиональный выбор, поскольку способна поддержать новичка и помочь ему с выбранной карьерой. Обсуждая ранние стадии медицинской карьеры, Холл отмечает:

В большинстве случаев семьи или друзья играли серьезную роль, предопределяя карьерную траекторию и стимулируя к поиску работы. В последнем случае они подбадривают, способствуют формированию надлежащих привычек, обеспечивают необходимую при-

ватность, предотвращают ненормальное поведение и определяют каждодневные вознаграждения⁷.

Родители музыканта обычно не содействуют развитию его карьеры подобным образом. Напротив, как заметил один музыкант, «блин, большинство ребят страшно поссорились с предками из-за музыки». Причина очевидна: независимо от социального класса, к которому принадлежит музыкант, семья потенциального музыканта, как правило, убеждена, что он выбрал профессию, которая поощряет разрыв с образцами поведения, принятыми в социальной среде его семьи. Семьи из низших классов больше всего обеспокоены нестабильным музыкальным заработком, хотя есть данные, что некоторые из таких семей поддерживают подобные карьеры, рассматривая их как инструмент мобильности. В семьях из среднего класса выбор профессии джазового музыканта считается шагом к божемному образу жизни, чреватому потерей престижа как для индивида, так и для семьи, чему семья активно сопротивляется. На такого человека оказывают значительное давление, вынуждая отказаться от своего выбора:

Знаешь, когда я решил стать музыкантом, все считали это безумием... Помню, я закончил школу в четверг, а в понедельник уехал из города на заработки. Мои родители со мной ругались, как и все мои родственники, они реально достали меня... Мой дядя сильно наехал на меня, мол, это неустроенная жизнь, как я вообще смогу жениться и так далее.

Чаще всего этот конфликт влияет на карьеру двумя способами. Во-первых, будущий музыкант может под семейным давлением оставить профессию музыканта. Такое приспособительное поведение довольно характерно на ранних стадиях карьеры. С другой стороны, молодой музыкант может проигнорировать желания семьи и продолжить карьеру, и тогда он нередко лишается семейной

7 *Hall*. Op. cit. P. 328. См. также: *Becker*. The Implications; *James W. Carper*, *Howard S. Becker*. Adjustments to Conflicting Expectations in the Development of Identification with an Occupation // *Social Forces*. 1957. Vol. 36. № 1. P. 51–56.

поддержки в более раннем возрасте, чем это было бы в противном случае, и должен начинать самостоятельную жизнь без семейной поддержки и финансовой помощи, которые иначе были бы ему предоставлены. Таким образом, музыкальная карьера начинается (если вообще начинается) обычно без семейной помощи и поддержки, характерной для карьер во многих других профессиях.

Как только музыкант женится и обзаводится своей семьей, он вступает в отношения, в которых он сталкивается с общественными конвенциями в непосредственной и принудительной форме. Жена, которая, как правило, не является музыкантом, ожидает, что он, как муж, будет партнером и кормильцем. В некоторых профессиях не существует конфликта между требованиями профессии и семьи. В других (например, в медицинской практике) такой конфликт есть, но существуют социально санкционированные способы его разрешения, признаваемые обоими партнерами. В девиантных профессиях вроде музыки профессиональные ожидания совершенно не согласуются с житейскими ожиданиями, в результате чего музыкант сталкивается с трудностями.

Музыкантам кажется, что приоритет необходимо отдавать требованиям музыки, а не семьи, и они ведут себя соответствующим образом:

Чувак, моя жена — клевая чика, но мы не можем быть вместе, пока я в музыкальном бизнесе. Ни при каких условиях, вообще. Когда мы только поженились, было круто. Я работал в городе, неплохо зарабатывал, все были счастливы. Но, когда работа закончилась, я остался ни с чем. Потом я получил предложение проехаться с бэндом. Черт, мне нужны были деньги, я согласился. Салли сказала: «Нет, ты нужен мне здесь, в городе, со мной». Она скорее отправила бы меня работать на завод! Вот дерьмо. Поэтому я просто укатил с бэндом. Блин, я так люблю музыку, я не брошу ее ради жены или какой-нибудь бабы.

Брак обычно оборачивается соответствующей постоянной борьбой, результат которой предопределяет, прервется ли музыкальная карьера или продолжится. В качестве

иллюстрации приведу следующий эпизод из своих полевых записей:

Ребята из клуба «3—» пытаются уговорить Джея Марлоу вернуться и постоянно играть с ними. Сейчас он частично занят в другом месте. Днем он работает в одном офисе с женой, ведет бухгалтер или делает какую-то мелкую административную работу. Ребята пытаются уговорить его бросить. По-видимому, жена резко против.

Джей был музыкантом всю свою жизнь, насколько я знаю; возможно, он первый раз в жизни имеет постоянную работу. Джин, барабанщик в «3—», сказал мне: «Ему глупо работать на постоянной. Сколько он может там заработать? Скорее всего, не больше тридцати — тридцати пяти в неделю. Столько же он получит за три вечера тут. Конечно, его жена хотела, чтобы он ушел из музыки. Ей не нравятся все эти поздние часы и чики, которые вертятся у бара, вот это все. Но в конце концов, когда чувак может делать что-то и зарабатывать деньги, почему он должен заниматься унылой работой и горбатиться за копейки? В этом нет смысла. Кроме того, почему он должен мучиться? Лучше бы он пошел играть. Чертова постоянная работа для него — мука, почему он должен держаться за нее?» Джонни, саксофонист, сказал: «Знаешь почему? Потому что его жена заставляет держаться за нее». Джин сказал: «Он не должен позволять ей помыкать собой. Черт подери, моя старуха не говорит мне, что делать. Он не должен мириться с этим дерьмом».

Они начали кое-что предпринимать. Стали звать Джея на скачки по будням, так что ему пришлось пропускать работу. После одного из таких дней Джин сказал: «Его жена взбесилась! Она не хотела, чтобы он облажался и потерял работу, и она знает, что это мы. Она уверена, что мы плохо на него влияем. Ну, думаю, она по-своему права».

[Несколько недель спустя Марлоу уволился и вернулся к музыке.]

Для других музыкантов, которые чувствуют семейную ответственность сильнее, ситуация не настолько проста. Экономическая уязвимость музыкальной профессии препятствует тому, чтобы индивид был надежным кормильцем, и может заставить его бросить профессию, что представляет собой одну из типичных реакций на данную ситуацию:

Нет, я не работаю много. Думаю, я устроюсь на проклятую постоянную работу. Знаешь, когда ты женат, все немного иначе. Прежде

было по-другому. Работал, не работал — все одно. Если нужны были деньги, я занимал пятерку у матери. Теперь счета ждать не будут. Когда женат, нужно все время работать, иначе просто не выживешь.

Даже если карьера не прерывается подобным образом, потребности брака оказывают очень сильное давление, которое побуждает музыканта уходить в коммерцию:

Если хочешь продолжать работать, нужно терпеть дерьмо время от времени... Мне все равно. У меня жена, и я хочу работать. Если какой-нибудь жлоб подходит и просит меня сыграть «Розамунду», я просто улыбаюсь и играю.

Таким образом, женитьба может ускорять достижение успеха, подталкивая к решению, которое делает возможным, хотя и не гарантирует, попадание в компании, которые в силу своей коммерческой ориентации лучше справляются с трудоустройством своих членов на постоянную работу.

Как институт, который требует, чтобы музыкант вел себя в соответствии с общепринятыми нормами, семья создает для него сложности, становясь причиной конфликта между несовместимыми запросами, формами лояльности и представлениями о себе. Реакция музыканта на эти проблемы имеет решающее значение для продолжительности и направления его карьеры.

Правила и принуждение к их соблюдению

Мы рассмотрели некоторые общие характеристики девиантов и процессы, в ходе которых на них наклеивают ярлык аутсайдеров и они начинают воспринимать себя таковыми. Мы описали культуры и типичные карьерные траектории двух аутсайдерских групп: потребителей марихуаны и джазовых музыкантов. Теперь пришло время рассмотреть другую часть уравнения — людей, создающих правила, которым аутсайдеры не следуют, и принуждающих к соблюдению этих правил.

Перед нами стоит простой вопрос: когда создаются правила и осуществляется принуждение? Ранее я отмечал, что существование правила не означает автоматически, что к его соблюдению будут принуждать. Есть множество разных способов принуждения к соблюдению правила. Мы не можем объяснить принуждение, указав абстрактную группу, которая всегда стоит на страже; мы не можем утверждать, что любое нарушение наносит вред «обществу» и что «общество» предпринимает действия, чтобы восстановить равновесие. Мы можем представить себе крайний случай — группу, в которой дела обстоят именно так, в которой абсолютно и автоматически принуждают соблюдать все правила. Но этот мысленный эксперимент лишь подтверждает, что социальные группы чаще всего устроены иначе. Обычно принуждение к соблюдению правил происходит, если что-нибудь провоцирует принуждение. Принуждение, таким образом, требует объяснения.

У этого объяснения есть несколько предпосылок. Во-первых, принуждение к соблюдению правила — это инициативное действие. Некто — инициативное лицо — должен проявить решимость наказать виновника. Во-вторых, принуждение происходит, когда желающие осуществить публичное принуждение к соблюдению правила привлекают внимание остальных к нарушению; после того, как нарушение становится публичным, его нельзя игнорировать. Иначе говоря, принуждение происходит, когда кто-нибудь бьет тревогу. В-третьих, люди бьют тревогу, делая принуждение необходимым, когда они видят в этом определенную выгоду. Личная заинтересованность побуждает их взять инициативу в свои руки. Наконец, личный интерес, толкающий к принуждению, различается в зависимости от сложности ситуации, в которой происходит принуждение. Рассмотрим несколько случаев, обращая внимание на то, как личная заинтересованность, инициатива и публичность соотносятся со сложностью ситуации, приводя в итоге либо к принуждению к соблюдению правила, либо к невозможности принудить к его соблюдению.

Вспомним описанный Малиновским случай жителя Тробрианских островов, который совершил клановый инцест. Все знали, что он делает, но никто ничего не предпринял. Тогда бывший возлюбленный девушки, который собирался на ней жениться и поэтому чувствовал себя лично оскорбленным тем, что она выбрала другого мужчину, взял дело в свои руки и публично обвинил Кима'и в инцесте. Своими действиями он изменил ситуацию таким образом, что у Кима'и не осталось иного выхода, кроме самоубийства. В данном случае в относительно просто структурированном обществе в связи с правилом не возникает конфликта; все согласны с тем, что клановый инцест — это плохо. Когда личный интерес заставляет кого-либо проявить инициативу, он может гарантировать принуждение, сделав нарушение публичным.

Аналогичное отсутствие конфликта в связи с принуждением к соблюдению правила наблюдается и в менее ор-

ганизованных ситуациях анонимной городской жизни. Однако последствия при этом иные, так как люди здесь придерживаются договоренности, согласно которой они не будут обращать внимание или вмешиваться даже в случае грубейших нарушений закона. Горожанин занимается своими делами и не предпринимает никаких действий в связи с нарушениями правил, пока это его не касается. Зиммель называл эту типичную городскую установку «замкнутостью»:

Если бы непрерывным внешним сношениям с бесчисленным множеством людей должно было бы соответствовать так же много внутренних реакций, как в маленьком городе, где знаешь почти каждого встречного и к каждому имеешь непосредственное отношение, — если бы это было так, внутренний мир распался бы на атомы и душевное состояние стало бы прямо невозможным. Отчасти это психологическое обстоятельство, отчасти право на недоверие, которое мы питаем к быстро проходящим мимо нас, едва задевая наше внимание, элементам жизни большого города, вынуждают нас к той замкнутости, вследствие которой мы часто не знаем даже с виду своих многолетних соседей, замкнутости, которая нередко заставляет жителя маленького города считать нас холодными и бесчувственными. И действительно, если я не ошибаюсь, в глубине этой внешней замкнутости лежит не только безразличие, но и — гораздо чаще, чем мы это сознаем, — некоторое отвращение, взаимная отчужденность и отдаленность, которые при первом более близком соприкосновении тотчас переходят в ненависть и борьбу...

Но эта замкнутость с господствующим в ней скрытым отвращением есть опять-таки лишь форма или внешность гораздо более всеобщей духовной сущности большого города. Дело в том, что он доставляет индивиду такую личную свободу и в таких больших размахах, что к этому нельзя привести никакой аналогии из другой области¹.

Несколько лет назад один общенациональный журнал опубликовал серию фотоснимков, иллюстрирующих городскую замкнутость. Человек лежит без сознания на людной улице города. Снимок за снимком показывает прохожих, которые либо игнорируют его существование,

1 *Георг Зиммель. Большие города и духовная жизнь / Пер. с нем. Андрия Кричевского // Логос. 2002. № 3. С. 6–7.*

либо замечают его, но затем отворачиваются и идут по своим делам.

Замкнутость, хотя она типична для больших городов, характерна не для всех форм городской жизни. Многие городские районы — некоторые трущобы и кварталы с однородным этническим населением — напоминают малые города; их жители воспринимают все происходящее в округе как свое дело. Горожанин проявляет свою замкнутость в наибольшей мере в анонимных публичных местах — на таймс-скверах и стейт-стритах, где он может считать, что не несет ответственности ни за какие происходящие там события и что там присутствуют профессиональные правоохранители, в чьи обязанности входит разбираться с любыми необычными происшествиями. Договоренность игнорировать нарушения правил основывается частично на знании того, что принуждение можно доверить этим профессионалам.

В более сложно структурированных ситуациях существует бóльшая вероятность расхождения интерпретаций ситуации и возникновения конфликта в связи с принуждением к соблюдению правил. Когда в организации есть две группы, конкурирующие за власть, — например, на промышленных предприятиях, где управляющие и рабочие борются за контроль над условиями производства, — конфликт может быть хроническим. Однако именно потому, что конфликт является неотъемлемой частью организации, он может никогда не становиться открытым. Вместо этого две группы, вовлеченные в ситуацию, которая накладывает ограничения на них обеих, находят выгодным позволять друг другу совершать определенные нарушения и не бить тревогу.

Мелвилл Далтон исследовал систематические нарушения правил работниками промышленных организаций, универмагов и аналогичных учреждений. Он указывает, что работники используют оборудование и материалы, принадлежащие организации, в личных интересах, что в обычной жизни было бы расценено как воровство. Ру-

ководство пытается пресечь подобную растрату ресурсов, хотя это редко удается. Однако управляющие обычно не делают эту ситуацию предметом публичного внимания. В качестве примеров незаконного присвоения ресурсов компании Далтон приводит следующие случаи:

Мастер устроил токарную мастерскую у себя дома, оснастив ее дорогостоящим оборудованием, взятым из цеха, в котором он работает. Награбленное включало перфоратор, фрезерный, токарный и режущий станки, дрели, монтажный стол и шлифовальную машину.

Мастер столярного цеха на крупной фабрике, квалифицированный рабочий европейского происхождения, потратил большую часть своего рабочего дня на изготовление предметов домашнего обихода — детских кроваток, оконных рам, столов и аналогичной мебели по спецзаказу — для управляющих высшего звена. В обмен он получил вино и свежее мясо птицы.

Сотрудница офиса вела всю личную переписку на рабочем месте, используя канцелярские принадлежности и марки компании.

Лаборант-рентгенолог воровал ветчину и консервированную еду в больничной столовой, считая, что у него есть на это право в силу низкой зарплаты.

У вышедшего на пенсию управляющего завода оказался вольер из одиннадцати секций, сделанный в заводских цехах и установленный в доме сотрудниками завода. Каждую весну заводские плотники чинили и приводили в порядок птичьи домики.

Пристройки к зданию местного яхт-клуба, многие члены которого работали на близлежащих заводах, были построены рабочими этих заводов в рабочее время с использованием заводских материалов.

Руководители отделов одежды в универмагах помечали как «брак» те предметы, которые они хотели получить в личное пользование, соответствующим образом снижая их цену. Они также продавали товары со скидкой по более высоким ценам, чтобы собрать деньги для компенсации трат, связанных с присвоением вещей для личного пользования².

Далтон утверждает, что называть эти действия воровством значит упускать суть. На самом деле, подчеркивает он, хотя руководство официально осуждает внутреннее

² *Melville Dalton. Men Who Manage: Fusions of Feeling and Theory in Administration* (New York: John Wiley and Sons, 1959). P. 199–205.

воровство, оно ему способствует; это вовсе не система воровства, это система вознаграждения. Люди, которые присваивают услуги и материалы, принадлежащие организации, на самом деле получают неофициальное вознаграждение за особый вклад, который они вносят в функционирование организации и для которого не существует легитимной системы вознаграждений. Мастер, который оборудовал свою домашнюю мастерскую за счет завода, на самом деле был вознагражден за то, что ушел из католичества и стал масоном, чтобы продемонстрировать свое соответствие позиции руководителя низшего звена. Лаборанту-рентгенологу позволяли воровать еду из больницы, поскольку администрация знала, что она платила ему недостаточно, чтобы завоевать его лояльность и пробудить в нем трудолюбие³. Принуждение к соблюдению правил не осуществляется, потому что две конкурирующие властные группы — управляющие и работники — видят взаимную выгоду в игнорировании нарушений.

Дональд Рой описал похожие способы уклонения от соблюдения правил в токарной мастерской, еще раз показав, что одна группа не станет бить тревогу по поводу другой, если обе являются партнерами в системе, в которой установился баланс власти и интересов. Станочники, которых изучал Рой, получали сдельную оплату, и нарушение правил происходило, когда они пытались «подзаработать» — получить гораздо больше денег, чем позволяла их часовая ставка на сдельной работе. Зачастую они могли подзаработать, только действуя в обход правил компании (игнорируя требования безопасности или используя инструменты и технику, не разрешенную в рабочих заданиях)⁴. Рой описывает «цеховые синдикаты», которые кооперируются со станочниками в обход формально

3 Ibid. P. 194–215.

4 *Donald Roy. Quota Restriction and Goldbricking in a Machine Shop // American Journal of Sociology. 1952. Vol. 57. № 5. P. 427–442.*

предписанных рабочих практик⁵. Инспекторы, заведующие инструментальным складом, табельщики, складские рабочие и монтажники — все участвовали в том, чтобы помочь токарям подзаработать.

Например, станочники не должны были хранить инструменты, не нужные им для текущей работы, у станка. Рой показывает, что, когда это новое правило было введено, в первое время заведующие инструментальными складами соблюдали его. Но они быстро поняли, что это приводит к постоянному столпотворению у окна выдачи, возле которого скапливались недовольные мужчины, осложнявшие рабочий день заведующего. В результате вскоре после обнародования правила заведующие стали его нарушать, разрешив рабочим хранить инструменты у станков или свободно заходить на склад. Разрешив токарям нарушать правило, заведующие инструментальными складами облегчили свою ситуацию; им больше не докучали жалобы недовольных станочников.

Проблема принуждения к соблюдению правила усложняется, если в ситуации присутствуют несколько конкурирующих групп. Приспосабливаться и достигать компромисса оказывается труднее, поскольку необходимо учитывать большее число интересов, и повышается вероятность того, что конфликт будет открытым и непреодолимым. В подобных обстоятельствах важной переменной становится доступ к публичным каналам, и те, чьи интересы требуют избегания принуждения к соблюдению правил, стараются предотвратить разглашение информации о нарушениях.

Пример — роль государственного обвинителя. Одна из его задач состоит в надзоре за жюри присяжных. Жюри присяжных должно заслушать показания и решить, нужно ли вынести обвинительный приговор в отношении инди-

5 *Donald Roy. Efficiency and «The Fix»: Informal Intergroup Relations in a Piecework Machine Shop // American Journal of Sociology. 1954. Vol. 60. № 3. P. 255–266.*

видов, подозреваемых в нарушении закона. Хотя обычно присяжные ограничиваются доказательствами, которые им представляет обвинитель, они имеют право проводить самостоятельные расследования и выдвигать обвинения, которые не выдвигались обвинителем. Считая своей задачей защиту интересов общества, жюри присяжных может прийти к выводу, что обвинитель что-то скрывает от них.

Обвинитель действительно может что-то скрывать. Он может быть соучастником сговора между политиками, полицейскими и преступниками, покрывающими разврат, азартные игры и другие формы преступности; даже если он непосредственно в этом не участвует, он может иметь политические обязательства перед одной из сторон сговора. Интересы преступников и коррумпированных политиков и интересы присяжных, намеренных выполнить свою работу, сложно примирить между собой — сложнее даже, чем добиться удовлетворительного компромисса между двумя властными группами на одном заводе.

Коррумпированный обвинитель, столкнувшийся с такой дилеммой, старается использовать неосведомленность членов жюри о юридической процедуре. Но время от времени можно услышать о присяжных, которые «вышли из-под контроля», преодолели сопротивление обвинителя и начали расследовать вещи, от которых тот предпочел бы держать присяжных подальше. Проявляя инициативу и выставляя на всеобщее обозрение неудобные факты, неподконтрольные присяжные выявляют нарушения, скрытые прежде от публичного взора, и часто провоцируют волну возмущения любыми формами коррупции. Существование жюри, вышедшего из-под контроля, напоминает о том, что функция коррумпированного обвинителя состоит как раз в том, чтобы не дать этому случиться.

Таким образом, инициатива, вызванная личной заинтересованностью, дополненная публичностью и обусловленная характером организации, является ключевой переменной в принуждении к соблюдению правил.

В ситуации, когда существует фундаментальное согласие относительно правил, к соблюдению которых необходимо принудить, инициатива проявляется почти сразу. Индивид, имеющий на то личный интерес, делает нарушение публичным, в результате чего предпринимаются определенные действия; если инициативный человек не появится, не будет и действий. Когда в одной организации существуют две конкурирующие властные группы, принуждение осуществляется только в том случае, если системы компромиссов, которые определяют их отношения, разрушаются; в противном случае каждому удобно закрывать глаза на продолжающиеся нарушения. В ситуациях, где есть множество конкурирующих заинтересованных групп, результат переменчив и зависит от относительной власти вовлеченных групп и их доступа к публичным каналам. Мы увидим взаимосвязь этих факторов в сложной ситуации, когда будем рассматривать историю закона о налоге на марихуану*.

Стадии принуждения

Но, прежде чем мы обратимся к этой истории, взглянем на проблему принуждения к соблюдению правил под другим углом. Мы видели, что процесс принуждения различается в зависимости от типа социальной структуры. Теперь необходимо добавить временное измерение и коротко проанализировать различные стадии, через которые проходит принуждение к соблюдению правил, — его естественную историю.

Естественная история отличается от истории тем, что ее интересуют родовые характеристики класса явлений, а не уникальность каждого отдельного случая. Она стремится установить то, что типично для класса событий, а не то, что отличает их друг от друга, — регулярность, а не идиосинкразию. Таким образом, меня здесь будут интересовать те особенности процесса создания правил и принуждения к их соблюдению, которые являются ро-

довыми для данного процесса и составляют его отличительные признаки.

При анализе стадий развития правила и принуждения к его соблюдению я буду пользоваться юридической моделью. Это не значит, что мои рассуждения применимы исключительно к законодательству. Аналогичные процессы протекают и при формировании и принуждении к соблюдению менее формализованных правил.

Конкретные правила имеют своим истоком смутные и обобщенные формулировки предпочтений, которые в среде социальных ученых часто называются ценностями. Ученые предложили множество различных определений ценности, но здесь нет необходимости с ними разбираться. Определение Талкотта Парсонса подойдет не хуже любого другого: «Ценностью может быть назван элемент общепринятой символической системы, выступающий критерием или стандартом при выборе из имеющихся альтернатив ориентации, которые принципиально доступны в ситуации»⁶. Например, американской ценностью является равенство. Мы предпочитаем по возможности считать людей равными безотносительно различий между ними. Еще одна американская ценность — индивидуальная свобода. Мы предпочитаем позволять людям делать все, что они пожелают, до тех пор, пока не возникнут серьезные возражения против этого.

Однако ценности — плохие руководства к действию. Стандарты выбора, которые они воплощают, являются слишком общими — они сообщают нам, какие из нескольких альтернативных направлений действия предпочтительны при прочих равных условиях. Но в конкретных ситуациях повседневной жизни прочие условия редко бывают равны. Соотнести обобщения ценностных суждений со сложными специфическими деталями повседневных ситуаций сложно. Смутную идею равенства нелегко од-

6 *Talcott Parsons. The Social System* (New York: The Free Press of Glencoe, 1951). P. 12.

нозначно сопоставить с конкретной реальностью, поэтому трудно сказать, какую именно линию поведения рекомендует в данной ситуации ценность.

Еще одна проблема в связи с использованием ценностей в качестве руководства к действию состоит в том, что, поскольку они так расплывчаты и общи, мы можем придерживаться конфликтующих ценностей, не замечая конфликта между ними. Мы осознаём их неадекватность в качестве основания деятельности, когда в момент кризиса понимаем, что не в состоянии решить, какому из конфликтующих направлений действия, рекомендованных нам, мы должны следовать. Так, если взять конкретный пример, мы придерживаемся ценности равенства, и это приводит к тому, что мы запрещаем расовую сегрегацию. Но при этом мы также придерживаемся ценности индивидуальной свободы, которая запрещает нам что-либо делать в отношении людей, которые осуществляют сегрегацию в личной жизни. Когда чернокожий, владеющий лодкой, говорит, как произошло недавно, что ни один яхт-клуб вокруг Нью-Йорка не примет его в свои члены, мы обнаруживаем, что наши ценности не помогают нам решить, какие действия нужно предпринять в связи с этим. (Конфликт может возникать и между конкретными правилами, например когда закон штата запрещает расовую сегрегацию в государственных школах, а федеральный закон ее предписывает. Но здесь есть определенные юридические процедуры разрешения конфликта.)

Поскольку ценности могут указывать лишь общее направление действия и не помогают определить направление действия в конкретных ситуациях, люди вырабатывают конкретные правила, более близкие к реалиям повседневной жизни. Ценности обеспечивают ключевые предпосылки, из которых выводятся конкретные правила.

Люди придают ценностям форму конкретных правил в проблемных ситуациях. Некоторая область их существования вызывает у них беспокойство или трудности,

кажется им требующей действий⁷. Обозрев разные ценности, которых они придерживаются, индивиды выбирают затем одну или несколько из них в качестве наиболее подходящих к их трудностям и выводят из них конкретное правило. Правило, создающееся таким образом, чтобы согласовываться с ценностью, указывает с относительной точностью, какие действия одобряются, а какие — запрещаются, к каким ситуациям применимо данное правило и каковы санкции за его нарушение.

Идеальный тип конкретного правила — тщательно прописанный закон, сопровождаемый подробными юридическими толкованиями. Подобное правило лишено двусмысленности. Напротив, его положения точны; все знают совершенно четко, что им можно и что им нельзя делать и что последует в случае проступка. (Это идеальный тип. Большинство правил не настолько точны и прозрачны; хотя они гораздо менее неоднозначны, чем ценности, они тоже могут создавать для нас трудности при выборе направления действия.)

Поскольку ценности носят неоднозначный и обобщенный характер, мы можем толковать их по-разному и выводить из них множество различных правил. Правило может соответствовать ценности, но из нее могут быть выведены и совершенно иные правила. Кроме того, правила не выводятся из ценностей, пока проблемная ситуация не заставляет кого-нибудь это сделать. Мы можем обнаружить, что определенные правила, которые, как нам кажется, логически вытекают из общепринятой ценности, даже не приходили в голову людям, придерживающимся этих ценностей, потому что отсутствуют ситуации и проблемы, требующие таких правил, или потому что они не осознают наличие проблемы. Опять же, конкретное правило, выведенное из обобщенной ценности, может

7 Обсуждение анализа социальных проблем с точки зрения естественной истории см. в: *Richard C. Fuller, Richard R. Myers. Some Aspects of a Theory of Social Problems // American Sociological Review. 1941. Vol. 6. № 1. P. 24–32.*

противоречить другим правилам, выведенным из других ценностей. Открыто осознаваемый или лишь имплицитно признаваемый, этот конфликт может препятствовать созданию правила. Правила не вытекают из ценностей автоматически.

Поскольку правило может удовлетворять один интерес и при этом конфликтовать с другими интересами создающей его группы, обычно правилу стараются придать такую форму, чтобы оно служило лишь тому, для чего предназначено, и ничему более. Конкретные правила окружают уточнениями и исключениями, чтобы они не оспаривали ценности, считающиеся важными. Пример — законы по борьбе с непристойностями. Общий посыл этих законов состоит в том, что вещи, противоречащие морали, нельзя распространять публично. Но это идет вразрез с другой важной ценностью — ценностью свободы слова. Кроме того, возникает конфликт с коммерческим и карьерным интересами писателей, драматургов, издателей, книготорговцев и театральных продюсеров. Поэтому были добавлены различные уточнения и пояснения, так что данный закон в его нынешней формулировке лишен той широты, которой хотят те, кто искренне считает, что непристойность опасна.

Конкретные правила могут воплощаться в законах. Они также могут признаваться лишь в определенной группе и предполагать исключительно неформальные санкции. Обычно юридические правила, естественно, точны и однозначны; неформальные и традиционные правила чаще всего расплывчаты и во многих случаях допускают различные толкования.

Но естественная история правила не завершается после выведения конкретного правила из обобщенной ценности. Конкретное правило еще нужно применить в конкретных обстоятельствах к конкретным людям. В конечном счете оно должно воплотиться в конкретных актах принуждения.

В одной из предыдущих глав мы видели, что акты принуждения не следуют автоматически за нарушением правила. Принуждение избирательно, и его избирательность зависит от людей, в отношении которых оно осуществляется, от времени осуществления и от ситуации осуществления.

Можно усомниться в том, что все правила проходят через последовательность: обобщенная ценность — конкретное правило — акт принуждения. Ценности могут содержать нереализованный потенциал — еще не выведенные из них правила, которые могут при соответствующих обстоятельствах вырасти в полноценные конкретные правила. Точно так же к соблюдению многих конкретных правил никто никогда не принуждает. С другой стороны, есть ли правила, которые не восходят к некоторой обобщенной ценности? Или акты принуждения, которые не оправданы некоторым конкретным правилом? Конечно, многие правила являются чисто техническими, и можно вполне справедливо сказать, что в их основе лежит не обобщенная ценность, а попытка примирить между собой другие, более ранние правила. Например, таковы, по всей видимости, конкретные правила, регулирующие сделки с ценными бумагами. Они представляют собой не столько попытку воплотить обобщенную ценность, сколько попытку урегулировать функционирование сложного института. Также мы можем столкнуться с индивидуальными актами принуждения, основывающимися на правилах, изобретенных только ради того, чтобы оправдать данный акт. К этой категории относятся некоторые неформальные и внеправовые действия полицейских.

Если мы будем считать эти случаи отклонением от модели естественной истории, то к скольким интересующим нас явлениям эта модель применима? Это вопрос о фактах, на который следует отвечать, исследуя разные типы правил в разных ситуациях. Как минимум, мы знаем, что множество правил проходят через эту последовательность. Более того, если они не подчиняются этой после-

довательности первоначально, они зачастую подгоняются к ней ретроспективно. Иначе говоря, правило может создаваться лишь для удовлетворения чьего-то частного интереса и обосновываться позже посредством обобщенной ценности. Аналогично, спонтанный акт принуждения может легитимироваться путем создания правила, с которым его можно соотнести. В этих случаях формальная связь обобщенного и конкретного сохраняется даже несмотря на то, что временная последовательность была искажена.

Если многие правила приобретают форму по мере продвижения от обобщенной ценности к конкретному акту принуждения, но это продвижение происходит не автоматически или не является обязательным, для описания ступеней этой последовательности нам необходимо сосредоточиться на инициативном лице, которое следит за тем, чтобы это продвижение происходило. Если обобщенные ценности составляют основу выводимых из них конкретных правил, необходимо найти человека, который посчитал своим долгом проследить, чтобы эти правила были выведены. А если конкретные правила применяются к конкретным индивидам в конкретных обстоятельствах, необходимо выяснить, кто посчитал своим долгом проследить, чтобы правила были применены и принуждение к их соблюдению состоялось. Следовательно, нас будет интересовать инициативное лицо, обстоятельства, в которых оно появляется, и то, как оно реализует свои инициаторские инстинкты.

Иллюстрация: закон о налоге на марихуану

Принято считать, что практика курения марихуаны пришла в США из Мексики через юго-западные штаты: Аризону, Нью-Мексико и Техас, — в которых проживает значительное число испаноговорящего населения. Впервые на курение марихуаны обратили внимание в 1920-е годы, но, поскольку это было новое явление, на первый взгляд

ограничивавшееся иммигрантами из Мексики, никто не придавал ему особого значения. (Уже существовал медицинский препарат на основе марихуаны, но терапевты в США его редко прописывали.) К 1930 году законы, запрещающие употребление марихуаны, были приняты лишь в шестнадцати штатах.

Однако в 1937 году Конгресс США принял закон о налоге на марихуану, призванный искоренить употребление наркотика. В соответствии с изложенной выше теорией мы должны найти в истории этого закона инициативное лицо, чья активность и инициатива преодолели публичную апатию и равнодушие и завершились принятием федерального закона. Но, прежде чем обратиться к истории закона, необходимо посмотреть, что американские законы говорили об аналогичных веществах, чтобы понимать контекст, в котором была предпринята попытка запретить марихуану.

Потребление алкоголя и опиума в США имеет долгую историю, перемежающуюся попытками их запретить⁸. Попытки ограничить употребление крепких напитков и наркотиков легитимировались тремя ценностями. Первая легитимирующая ценность, составляющая элемент того, что получило название протестантской этики, гласит, что индивид должен нести полную ответственность за свои поступки и за то, что с ним происходит; он никогда не должен делать то, что может повлечь утрату самоконтроля. Алкоголь и опиатные наркотики в той или иной степени и тем или иным образом приводят к утрате самоконтроля; следовательно, их употребление — зло. Индивид в состоянии алкогольного опьянения зачастую

8 См.: *John Krout. The Origins of Prohibition* (New York: Columbia University Press, 1928); *Charles Terry, Mildred Pellens. The Opium Problem* (New York: The Committee on Drug Addiction with the Bureau of Social Hygiene, 1928), а также: *Drug Addiction: Crime or Disease? Interim and Final Reports of the Joint Committee of the American Bar Association and the American Medical Association on Narcotic Drugs* (Bloomington: Indiana University Press, 1961).

перестает контролировать свою физическую активность; кроме того, поражаются центры мозга, отвечающие за принятие решений. Потребители опиатов оказываются в более заторможенном состоянии и поэтому в меньшей степени склонны к опрометчивым поступкам. Однако они попадают в зависимость от наркотика, поскольку тот позволяет им справляться с абстинентным синдромом, и в этом смысле теряют контроль над своими действиями; так как достать наркотик трудно, они вынуждены подчинять все свои прочие интересы его поискам.

Другая американская ценность, которая легитимировала попытки запретить употребление алкоголя и опиатов, — осуждение действий, совершаемых исключительно с целью получения удовольствия. Возможно, в силу большого культурного значения прагматизма и утилитаризма американцы обычно испытывают тревогу и противоречивые чувства по отношению к любым формам экстазического опыта. Но мы не осуждаем подобный опыт, если он является побочным результатом или вознаграждением за действия, которые мы считаем достойными, например за тяжелый труд или набожность. Только если индивиды ищут удовольствие ради удовольствия, мы осуждаем их действия за стремление к «незаконным удовольствиям» (данное словосочетание наполнено для нас большим смыслом).

Третьей ценностью, на которой основывались попытки запретить употребление марихуаны, был гуманизм. Реформаторы верили, что законы помогут людям, оказавшимся в рабстве у алкоголя и опиума, поскольку закроют для них возможность потворствовать своей слабости. Это также принесет пользу семьям алкоголиков и наркоманов.

Все эти ценности легли в основу конкретных правил. Восемнадцатая поправка* и закон Волстеда* запретили ввоз и производство алкогольных напитков в США. Закон Харрисона* по сути запретил употребление опиатов в каких-либо целях, кроме медицинских.

При подготовке этих законов были приняты специальные меры, чтобы не пострадали интересы других общественных групп, считавшиеся легитимными. Например, закон Харрисона был составлен так, что позволял медицинским работникам продолжать использовать морфий и другие производные опиума с целью облегчения боли и в аналогичных медицинских целях, которые представлялись им необходимыми. Кроме того, закон был тщательно составлен таким образом, чтобы не входить в противоречие с конституционным положением, согласно которому полицейские силы приписывались к отдельным штатам. Учитывая эти ограничения, закон был представлен как таможенная мера, облагающая чрезмерно высоким налогом нелегализованных поставщиков опиатных наркотиков, но при этом позволяющая лицензированным поставщикам (прежде всего врачам, стоматологам, ветеринарам и фармацевтам) платить номинальный налог. Несмотря на то что конституционно он выглядел как таможенная мера, закон Харрисона по сути был полицейской мерой и именно таким образом толковался теми, на кого возлагалось принуждение к его соблюдению. Одним из следствий принятия этого закона было создание в 1930 году в структуре министерства финансов Федерального бюро по делам наркотиков*.

Те же ценности, которые привели к запрету на употребление алкоголя и опиатов, можно было, разумеется, применить и в отношении марихуаны, что было бы вполне логично. Однако то, что мне довелось слышать про употребление марихуаны в конце 1920-х — начале 1930-х от людей, заставших этот период, побуждает меня думать, что осуществлялось относительно мягкое принуждение к соблюдению уже существующих местных законов. В конце концов, это была эпоха сухого закона, и у полиции были более насущные заботы. Ни общественность, ни правоохранительные органы, по-видимому, не считали употребление марихуаны серьезной проблемой. Когда они все-таки обращали на нее внимание, они, по всей видимости, не

считали нужным прибегать к полномасштабному принуждению. Один из признаков того, насколько вяло применялись законы, — то, что до принятия федерального закона цена на марихуану, говорят, была значительно ниже. Это свидетельствует о том, что в продаже марихуаны не видели большой опасности и что принуждение осуществлялось не очень серьезно.

Даже министерство финансов в своем отчете за 1931 год сводило важность проблемы к минимуму:

Большое внимание общественности привлекали появлявшиеся время от времени газетные статьи о вреде злоупотребления марихуаной, или индийской коноплей. Отдельным случаям, подтверждающим вред наркотика, уделялось гораздо больше внимания, чем они того заслуживают. Общественная шумиха преувеличивает масштаб бедствия и заставляет делать вывод, что злоупотребление наркотиком растет с пугающей быстротой, тогда как реальное увеличение потребления не было сверхординарным⁹.

Бюро по делам наркотиков при министерстве финансов инициировало большую часть мер, которые привели к принятию закона о налоге на марихуану. Поскольку установить мотивы сотрудников Бюро, конечно же, сложно, мы вынуждены предположить, что они как минимум считали соответствующие нарушения областью своей юрисдикции и стремились установить контроль над ней. Сотрудники Бюро имели общий личный интерес, который они удовлетворяли, стимулируя принятие закона о марихуане: интерес к успешному выполнению задачи, которая стояла перед ними, и к получению наиболее подходящих инструментов для этого. Усилия Бюро принимали две формы: содействие в разработке в отдельных штатах законов, связанных с употреблением марихуаны, и предоставление фактов и цифр журналистам, освещающим проблему. Эти две важные формы деятельности доступны для любых инициативных лиц, добывающихся принятия

9 *US Treasury Department. Traffic in Opium and Other Dangerous Drugs for the Year Ended December 31, 1931* (Washington: Government Printing Office, 1932). P. 51.

правил: они могут склонять на свою сторону другие заинтересованные организации и при помощи прессы и прочих средств коммуникации формировать одобрительное отношение общественности к предлагаемому правилу. Если усилия приводят к успеху, общественности становится известно об определенной проблеме, а надлежащие организации начинают совместно выработать желаемое правило.

Федеральное бюро по делам наркотиков активно сотрудничало с Национальным собранием уполномоченных по унификации законов штатов для создания типовых законов о наркотиках, обращая внимание, среди прочих мер, на необходимость контроля за употреблением марихуаны¹⁰. В 1932 году Собрание утвердило проект закона. Бюро прокомментировало это следующим образом:

Представленные конституционные ограничения требовали осуществления контролирующих мер, направленных против торговли индийской коноплей внутри штатов, со стороны правительств отдельных штатов, а не со стороны федерального правительства, поэтому были предприняты усилия, чтобы побудить власти штатов принять необходимые законы, а также начать осуществлять соответствующие правоохранительные действия, призванные пресечь торговлю наркотиком с какими-либо целями, кроме медицинских. Предлагаемый унифицированный закон штата о наркотиках... с опциональным пунктом, касающимся ограничения торговли индийской коноплей, был рекомендован в качестве закона, подходящего для достижения желаемых целей¹¹.

В отчете за 1936 год Бюро настоятельно рекомендовало своим партнерам по совместной работе действовать активнее и намекало, что может потребоваться федеральное вмешательство:

В отсутствие дополнительного федерального закона Бюро по делам наркотиков не может продолжать самостоятельную борьбу с торговлей... наркотик распространился повсеместно, и злоупотре-

¹⁰ Ibid. P. 16–17.

¹¹ *Bureau of Narcotics, US Treasury Department. Traffic in Opium and Other Dangerous Drugs for the Year Ended December 31, 1932* (Washington: Government Printing Office, 1933). P. 13.

требление им во многих штатах выросло, поэтому Бюро по делам наркотиков постаралось донести до отдельных штатов насущную необходимость решительно применять местные законы против каннабиса [марихуаны]¹².

Второе направление атаки, которую предприняло Бюро против проблемы марихуаны, заключалось в попытке поставить общественность в известность о нависшей угрозе при помощи «просветительской кампании, информирующей о наркотике, его признаках и пагубных последствиях»¹³. Надеясь, по-видимому, что обеспокоенная общественность подтолкнет штаты и муниципалитеты к более серьезным усилиям, Бюро сообщало:

В отсутствие федерального законодательства по этому вопросу штаты и муниципалитеты имеют право самостоятельно принимать решительные меры по ликвидации смертельно опасного растения, поэтому мы надеемся, что все неравнодушные граждане присоединятся вслед за министерством финансов к движению за усиление контроля над применением законов о марихуане¹⁴.

Бюро не ограничивалось призывами в министерских отчетах. Его методы стимулирования необходимых законов описываются в разделе, посвященном кампании за унифицированный закон штата о наркотиках:

По запросу ряда организаций, работающих в данной области [унификации законов штатов], Федеральное бюро по делам наркотиков подготовило несколько статей для публикации от лица этих организаций в журналах и газетах. Это позволило привлечь и удержать просвещенное и сочувственное внимание общественности, которое содействовало принятию законов о наркотиках¹⁵.

12 *Bureau of Narcotics, US Treasury Department. Traffic in Opium and Other Dangerous Drugs for the Year Ended December 31, 1936* (Washington: Government Printing Office, 1937). P. 59.

13 *Ibid.*

14 *Bureau of Narcotics, US Treasury Department. Traffic in Opium and Other Dangerous Drugs for the Year Ended December 31, 1935* (Washington: Government Printing Office, 1936). P. 30.

15 *Bureau of Narcotics, US Treasury Department. Traffic in Opium and Other Dangerous Drugs for the Year Ended December 31, 1933* (Washington: Government Printing Office, 1934). P. 61.

Пока кампания за федеральный закон против марихуаны шла к своему успешному завершению, усилия Бюро по донесению до общественности мысли о насущности проблемы давали обильные плоды. Как показывают данные «Читательского справочника по периодической литературе»*, количество статей о марихуане в популярных журналах достигло рекордных показателей. За два года появилось семнадцать статей — гораздо больше, чем за какой-либо аналогичный период до или после:

Статьи о марихуане, индексируемые
в «Читательском справочнике
по периодической литературе»

<i>Период</i>	<i>Количество статей</i>
Январь 1925 — декабрь 1928	0
Январь 1929 — июнь 1932	0
Июль 1932 — июнь 1935	0
Июль 1935 — июнь 1937	4
Июль 1937 — июнь 1939	17
Июль 1939 — июнь 1941	4
Июль 1941 — июнь 1943	1
Июль 1943 — апрель 1945	4
Май 1945 — апрель 1947	6
Май 1947 — апрель 1949	0
Май 1949 — март 1951	1

В десяти из семнадцати статей либо открыто признается, что Бюро предоставило факты и цифры, либо имеются следы неявной помощи, которая заключалась в использовании фактов и цифр, обнародованных ранее в публикациях Бюро или в показаниях в Конгрессе на слушаниях, посвященных закону о налоге на марихуану. (Мы вскоре обратимся к этим слушаниям.)

Наглядным свидетельством влияния Бюро на подготовку журналистских материалов является перепечатка ряда ужасающих историй, о которых впервые сообщило Бюро. Например, в статье, опубликованной в «Америкэн мэгэзин», глава Бюро рассказал следующую историю:

Во Флориде юный наркоман [потребитель марихуаны] вырезал всю свою семью. Когда полицейские вошли в дом, они обнаружили юношу, бродящего среди ошметков человеческих тел. Он зарубил топором своего отца, мать, двух братьев и сестру. Он был словно в ступоре... Он ничего не помнил о содеянном. Полицейские знали его как вменяемого, довольно спокойного молодого человека; теперь он, к сожалению, сошел с ума. Они пытались выяснить причину. Юноша сказал, что он пристрастился курить то, что его друзья называют «травкой», — это детское название для марихуаны¹⁶.

Эта история воспроизводится в пяти из семнадцати статей, напечатанных в указанный период, что показывает степень влияния Бюро.

В статьях, призванных рассказать общественности об опасности марихуаны, употребление наркотика описывалось как пограние ценности самоконтроля и запрета на стремление к «незаконным удовольствиям», что легитимировало борьбу с марихуаной в глазах общественности. Это те же самые ценности, к которым апеллировали при обосновании необходимости принятия законов, запрещающих незаконное потребление алкоголя и опиатов.

Таким образом, Федеральное бюро по делам наркотиков было автором большинства инициатив, которые привлекали внимание общественности к проблеме, и координировало действия других правоприменительных организаций. Вооруженные результатами этих инициатив, представители министерства финансов направили в Конгресс проект закона о налоге на марихуану и попросили его принять. Слушания в постоянной бюджетной комиссии Палаты представителей, которая рассматривала закон в течение пяти дней в апреле и мае 1937 года, представляют собой хороший пример того, как работает инициатива и как ей приходится приспосабливаться к интересам других сторон.

Помощник генерального советника министерства финансов представил законопроект конгрессменам со

¹⁶ *Harry J. Anslinger, Courtney Ryley Cooper. Marijuana: Assassin of Youth // American Magazine. 1937. Vol. 124. P. 19, 150.*

словами: «Ведущие газеты Соединенных Штатов признали серьезность данной проблемы, и многие из них высказались за необходимость принятия федерального закона, который обеспечит контроль за торговлей марихуаной»¹⁷. После объяснения конституционных оснований закона — как и закон Харрисона, он был представлен в качестве налоговой меры — помощник генерального советника успокоил конгрессменов, сообщив о возможном воздействии закона на легальный бизнес следующее:

Закон сформулирован, однако, таким образом, чтобы не создавать экономических помех для промышленного, медицинского или научного использования данной растительной культуры. Поскольку конопляное волокно и изготовленные из него товары [шпагат и веревочные изделия] производятся из безвредного зрелого стебля растения, все соответствующие продукты были полностью выведены из сферы действия закона путем определения в законе термина «марихуана» таким образом, чтобы исключить зрелые стебли и их производные или производителей. Существует также торговый оборот семян марихуаны в растениеводстве и в производстве масла, которое используется при изготовлении краски и лака. Поскольку семена, в отличие от зрелых стеблей, содержат наркотик, полное исключение в данном случае применено быть не может¹⁸.

Далее он заверил их, что наркотик редко применяют в медицине, поэтому его запрет не создаст трудностей ни для представителей профессии, ни для фармацевтической промышленности.

Члены комитета были готовы сделать необходимый шаг и даже поинтересовались у главы Бюро, почему закон предлагается только сейчас. Он пояснил: «Десять лет назад мы слышали про это только на Юго-Западе. Лишь в последние годы это стало общенациональной угрозой... Мы активно работали над тем, чтобы отдельные штаты приняли унифицированные законы, и только в прошлом месяце законодательное собрание последнего штата при-

17 Taxation of Marihuana: Hearings before the Committee on Ways and Means of the House of Representatives, 75th Congress, 1st Session, on H.R. 6385 (April 27–30 and May 4, 1937). P. 7.

18 Ibid. P. 8.

нял соответствующий закон»¹⁹. Глава Бюро сообщил, что многие преступления совершаются под воздействием марихуаны, и привел примеры, в том числе историю массового убийства во Флориде. Он отметил, что низкие цены на наркотик сделали его вдвойне опасным, потому что он доступен каждому, у кого есть десять центов.

Производители конопляного масла высказали некоторые замечания по поводу текста закона, который был быстро изменен в соответствии с их пожеланиями. Но более серьезные возражения прозвучали со стороны производителей кормов для птиц, которые тогда использовали около четырех миллионов фунтов конопляных семян в год. Их представитель извинился перед конгрессменами за то, что появился в последний момент, сказав, что он и его коллеги только сейчас поняли, что растение марихуана, о котором говорится в законе, — это то же самое растение, из которого они получают важный ингредиент своего продукта. Свидетели со стороны правительства настаивали на том, что нужно запретить не только цветочные головки, которые обычно используют курильщики, но и семена растения, потому что они содержат небольшое количество активного наркотического вещества и могут использоваться для курения. Производители кормов для птиц утверждали, что включение семян в закон нанесет урон их бизнесу.

Чтобы обосновать просьбу исключить семена, представитель производителей отметил полезное воздействие конопляных семян на голубей: «[Это] необходимый ингредиент в рационе голубей, потому что он содержит масляные вещества, которые являются ценной частью голубиного рациона; нам не удалось найти ни одного вида семян, способного его заменить. Если вы уберете коноплю, это потом скажется на птенцах»²⁰. Конгрессмен Роберт Л. Дотон* из Северной Каролины спросил: «Влияют ли

¹⁹ Ibid. P. 20.

²⁰ Ibid. P. 73–74.

семена на голубей так же, как наркотик влияет на человека?» Представитель производителей ответил: «Я никогда этого не замечал. Они помогают восстанавливать оперение и делают птиц здоровее»²¹.

Столкнувшись с серьезным сопротивлением, правительство ослабило свое упорное стремление запретить семена, указав, что стерилизация семян может сделать их безвредными: «Мы считаем, что в ситуации, когда мы можем навредить законопослушной отрасли, бремя доказательства ложится на правительство»²².

Как только затруднения были устранены, закон беспрепятственно пошел по инстанциям. Курильщики марихуаны — безвластные, неорганизованные и не имевшие общественно приемлемых оснований для борьбы — не отправили своих представителей на слушания, и их точка зрения не прозвучала. Закон без помех прошел Палату и Сенат в июле того же года. Инициативы Бюро привели к появлению нового правила, последующее принуждение к соблюдению которого создало новую группу аутсайдеров — потребителей марихуаны.

Я подробно проанализировал пример из сферы федерального законодательства, но базовые параметры данного случая равно применимы не только к законодательству в целом, но и к выработке более неформальных правил. Везде, где создаются и применяются правила, необходимо быть внимательным к возможному наличию инициативного индивида или группы. Их действия следует называть *моральной инициативой*, поскольку они иницииируют создание нового фрагмента морального каркаса общества, то есть общественного кодекса правильного и неправильного.

Везде, где создаются и применяются правила, следует ожидать наличия людей, которые пытаются заручиться поддержкой связанных с ними групп и используют до-

²¹ Ibid.

²² Ibid. P. 85.

ступные средства коммуникации, чтобы сформировать благоприятный климат общественного мнения. Если им не удастся добиться подобной поддержки, можно ожидать, что их инициатива потерпит крах²³.

Наконец, везде, где создаются и применяются правила, следует ожидать, что на форму, которую принимают процессы принуждения, будет влиять сложность организации: в более простых группах принуждение будет опираться на общепринятые представления, а в более сложных структурах оно будет осуществляться путем политических маневров и переговоров.

23 Гоулднер описал подходящий случай из области промышленности, когда попытка нового менеджера заставить соблюдать правила, к следованию которым не принуждали длительное время (то есть по сути создать новое правило), быстро привела к стихийной забастовке; ему не удалось добиться поддержки путем манипулирования другими группами на заводе и создания благоприятного климата общественного мнения. См.: *Alvin W. Gouldner. Wildcat Strike* (Yellow Springs: Antioch Press, 1954).

Блюстители морали

Правила появляются в результате чьей-то инициативы; тех, кто выступает с такой инициативой, можно считать *блюстителями морали*. В центре нашего внимания будут два взаимосвязанных вида блюстителей — создатели правил и правилоприменители.

Создатели правил

Прототипом создателя правил — хотя, как мы увидим, не единственным — является воинствующий реформатор. Его интересует содержание правил. Существующие правила его не устраивают, поскольку есть некий порок, который его всерьез беспокоит. Ему кажется, что в мире будет изъян, пока не появятся правила, способные его исправить. Его этика абсолютна; он видит подлинное и абсолютное зло безо всяких оговорок. Чтобы покончить с ним, хороши любые средства. Борец за нравственность одержим и благочестив, нередко — лицемерен.

Реформаторов вполне допустимо рассматривать в качестве участников крестовых походов за нравственность, потому что они, как правило, верят в святость своей миссии. Прекрасный пример — сторонник сухого закона, или человек, желающий избавить мир от разврата и сексуальной распущенности, или же люди, которые хотят покончить с азартными играми.

Как показывают эти примеры, борец за нравственность — охотник до чужих дел, желающий навязать окружающим свои нравственные идеалы. Но это только одна сторона медали. Зачастую борьба за нравственность носит

выраженный гуманистический характер. Борец не просто хочет, чтобы другие делали то, что ему кажется правильным. Он также верит, что, если другие будут поступать правильно, это будет хорошо для них. Или же он может полагать, что его преобразования помешают определенным видам эксплуатации одного человека другим. Сторонники сухого закона думали, что они не просто навязывают свою мораль другим, но и пытаются дать шанс на лучшую жизнь тем, кому алкоголь мешал вести поистине хорошую жизнь. Сторонники отмены рабства не просто пытались помешать рабовладельцам делать дурные вещи; они стремились помочь рабам жить лучше. В силу важности гуманистических мотивов борцы за нравственность (несмотря на относительно непоколебимую приверженность одной конкретной проблеме) часто оказывают поддержку другим борцам за счастье людей. Джозеф Гасфилд отмечал:

В течение XIX века движение за трезвость в Америке было частью общих усилий по улучшению условий человеческого существования путем совершенствования как нравственности, так и экономических условий. Заметной особенностью морального реформизма многих движений была смесь религиозного, эгалитарного и гуманистического мотивов. Сторонники трезвости составляли значительный сегмент таких движений, как субботничество*, аболиционизм*, движение за права женщин, аграрианизм* и борьба с бедностью...

К области дополнительных интересов Женского христианского союза за трезвость* относилась забота об улучшении благосостояния низших классов. Союз принимал активное участие в кампаниях за реформу уголовной системы, сокращение рабочих часов, повышение зарплаты рабочим и запрет детского труда и в ряде других гуманитарных и эгалитарных движений. В 1880-х годах ЖХСТ участвовал в разработке закона, защищающего работающих девушек от мужской эксплуатации¹.

1 *Joseph R. Gusfield. Social Structure and Moral Reform: A Study of the Woman's Christian Temperance Union // American Journal of Sociology. 1955. Vol. 61. № 3. P. 223.*

По словам Гасфилда², «в такого рода моральном реформизме находит выражение отношение господствующего класса к людям, занимающим менее привилегированное положение в экономической и социальной структуре». Борцы за нравственность обычно хотят помочь тем, кто находится ниже них, занять более выгодную позицию. Другое дело, что находящимся ниже не всегда нравятся предлагаемые методы их спасения. Но тот факт, что борьбу за нравственность, как правило, возглавляют те, кто находится на верхушке социальной структуры, означает, что господствующие классы усиливают власть, которую им дает легитимность их моральной позиции, властью, которой они обладают в силу того, что занимают более высокую позицию в обществе.

Естественно, многие кампании в защиту нравственности привлекают на свою сторону людей, чьи мотивы не столь чисты, как у самих борцов. Так, многие промышленники поддержали сухой закон, поскольку считали, что рабочие станут более управляемыми³. Аналогично, ходят слухи, что владельцы игровых заведений Невады поддерживают выступления против попыток легализации азартных игр в Калифорнии, поскольку это серьезно ударит по их бизнесу, который в значительной мере зависит от жителей южной Калифорнии⁴.

Однако борца за нравственность больше беспокоят цели, а не средства. Когда дело доходит до создания конкретных правил (обычно в форме законов, которые будут представлены законодательному собранию штата или федеральному Конгрессу), он часто прибегает к советам экспертов. Часто эту роль исполняют юристы, специализирующиеся на разработке законов. Необходи-

2 Ibid.

3 См.: *Raymond G. McCarthy* (ed.). *Drinking and Intoxication* (New York: The Free Press of Glencoe, 1959). P. 395–396.

4 Об этом сообщается в: *Oscar Lewis*. *Sagebrush Casinos: The Story of Legal Gambling in Nevada* (New York: Doubleday and Co., 1953). P. 233–234.

мой экспертностью могут обладать и правительственные бюро, в чьей юрисдикции находится проблема, например, в случае с марихуаной, — Федеральное бюро по делам наркотиков.

Но по мере признания психиатрической идеологии появляется новый эксперт — психиатр. Обсуждая естественную историю законов по борьбе с сексуальной психопатией*, Сазерленд отмечает значительное влияние психиатров⁵. Он пишет, что закон по борьбе с сексуальной психопатией, позволяющий «поместить человека с диагнозом сексуальной психопатии в государственную психиатрическую больницу на неопределенный период»⁶, будет принят при следующих условиях:

В первую очередь эти законы принимаются вследствие страха, испытанного сообществом в результате нескольких серьезных сексуальных преступлений, совершенных за короткий промежуток времени. Примером служит штат Индиана, где закон был принят после трех-четырёх сексуальных нападений в Индианаполисе, в двух случаях закончившихся убийством. Главы семей начали закупать ружья и сторожевых собак; с полок хозяйственных магазинов города исчезли замки и цепи...

Второй элемент процесса разработки законов против сексуальной психопатии — возбужденные действия жителей, вызванные страхом. Внимание сообщества приковано к сексуальным преступлениям, и люди начинают видеть угрозу в самых разных обстоятельствах, считая необходимым и возможным самостоятельно контролировать ситуацию...

Третья фаза при разработке законов по борьбе с сексуальной психопатией — создание комитета. Комитет собирает множество противоречащих друг другу пожеланий людей и групп, пытается установить «факты», изучает процедуры в других штатах и составляет рекомендации, которые обычно включают законопроект. Хотя всеобщий страх обычно спадает за несколько дней, комитет формально обязан продолжать работу, пока не будут предприняты необходимые шаги. Ужас, который не приводит к созданию комитета, гораздо реже приводит к принятию закона⁷.

5 *Edwin H. Sutherland. The Diffusion of Sexual Psychopath Laws // American Journal of Sociology. 1950. Vol. 56. № 2. P. 141–148.*

6 *Ibid. P. 142.*

7 *Ibid. P. 143–145.*

В случае законов по борьбе с сексуальной психопатией обычно нет государственного органа, специально отвечающего за контроль сексуальных отклонений. Поэтому, когда при разработке закона возникает необходимость в экспертном мнении, люди часто обращаются к профессиональной группе, теснее всего связанной с соответствующими проблемами:

В некоторых штатах при разработке закона по борьбе с сексуальной психопатией психиатры играли важную роль в деятельности комитетов. Они были заинтересованы в этих законах больше всех. В Чикаго комитет, состоящий из психиатров и неврологов, подготовил закон, который стал законом по борьбе с сексуальной психопатией штата Иллинойс. Закон был поддержан Адвокатской коллегией Чикаго и прокурором штата из округа Кук и был принят почти без возражений на следующей сессии законодательного собрания штата. В Миннесоте все члены комитета при губернаторе, за исключением одного, были психиатрами. В Висконсине закон продавили Нейропсихиатрическое общество Милуоки вместе с Комитетом по борьбе с преступностью. В Индиане комитет при генеральном прокуроре получил от Американской психиатрической ассоциации копии всех законов по борьбе с сексуальной психопатией, которые были приняты в других штатах⁸.

В последние годы психиатры начали оказывать значительное влияние и в других областях уголовного права.

В любом случае, в этом примере важно не то, что психиатры становятся все более влиятельными, а то, что в определенный момент своего крестового похода борец за нравственность нередко испытывает потребность в услугах профессионала, который способен сформулировать нужные правила в нужной форме. Сам борец зачастую не занимается такими мелочами. Ему достаточно того, что достигнута главная цель; реализацию он оставляет другим.

Оставляя другим право формулировать конкретное правило, борец за нравственность создает возможность для непредвиденного вмешательства, так как у людей, пи-

8 Ibid. P. 145-146.

шущих законы для борцов за нравственность, есть свои интересы, которые могут влиять на разрабатываемый ими закон. Скорее всего, законы по борьбе с сексуальной психопатией, подготовленные психиатрами, содержат много такого, чего никогда не предполагали граждане, громче всех призывавшие «разобраться с сексуальными преступлениями», но что, однако, отражает профессиональные интересы организованной психиатрии.

Судьба кампаний в защиту нравственности

Кампания в защиту нравственности может иметь ошеломительный успех, как было, например, в случае движения за сухой закон, завершившегося принятием восемнадцатой поправки. Она может полностью провалиться, как, например, борьба с употреблением табака или движение против вивисекции. Она может достичь внушительных успехов, но ее достижения будут сведены на нет изменившейся общественной моралью и массой ограничений, наложенных на нее юридическими толкованиями, как произошло в случае борьбы с непристойной литературой.

Безусловно, главный результат успешной кампании — учреждение нового правила или набора правил, обычно вводимых вместе с соответствующими механизмами принуждения. Я рассмотрю этот результат подробнее позже. Есть еще один результат успешной кампании, который заслуживает внимания.

Когда инициатива по учреждению нового правила достигает успеха — когда инициативное лицо, так сказать, обретает Грааль, — инициатор оказывается без работы. Кампания, отнимавшая у него столько времени, сил и эмоций, завершена. Скорее всего, когда он только начинал кампанию, он был любителем, который втянулся в борьбу из-за интереса к проблеме, к содержанию правила, которое он хотел бы ввести. Кеннет Бёрк* как-то сказал, что работа человека может стать его заботой. Но верно

и обратное. Забота человека может стать его работой. То, что начиналось как любительский интерес к моральной проблеме, может стать почти полноценной работой; для многих реформаторов это именно так. Успешное завершение кампании, следовательно, оставляет борца без занятия. Оставшись без дела, такой человек может расширить область своих интересов и найти новый предмет для тревоги — новое зло, с которым нужно разобраться. Он становится профессиональным первооткрывателем изъянов, требующих исправления, ситуаций, нуждающихся в новых правилах.

Если кампания привела к появлению крупной организации, занимающейся соответствующим вопросом, ее сотрудники склонны искать новые поводы для борьбы даже больше, чем борцы-одиночки. Этот процесс принял драматическую форму в области борьбы с проблемами здоровья, когда Национальный фонд помощи больным детским параличом сам оставил себя не у дел, открыв вакцину, покончившую с эпидемическим полиомиелитом. Сменив название организации на менее узкое — «Национальный фонд», сотрудники быстро занялись другими проблемами, связанными со здоровьем, которым организация могла бы посвятить свою энергию и ресурсы.

Безуспешная кампания — кампания, миссия которой перестает привлекать сторонников либо которая достигает своей цели, но потом откатывается назад, — может идти далее двумя путями. С одной стороны, участники кампании могут просто отказаться от изначальной миссии и сконцентрироваться на сохранении того, что осталось от выстроенной организации. Такова была, согласно одному исследованию, судьба движения Таунсенда⁹. Либо же участники проигрывающего движения могут непреклонно придерживаться все менее популярной миссии,

9 *Sheldon L. Messinger. Organizational Transformation: A Case Study of a Declining Social Movement // American Sociological Review. 1955. Vol. 20. № 1. P. 3–10.*

как это было в случае сторонников сухого закона. Гасфилд назвал нынешних членов Женского христианского союза за трезвость «моралистками на пенсии»¹⁰. В то время как в США господствующее мнение все больше склоняется к отказу от трезвости, женщины из Союза не смягчают свое отношение к употреблению алкоголя. Напротив, они озлобились на некогда «уважаемых» людей, переставших поддерживать движение за трезвость. Социальный класс, из которого рекрутируются члены ЖХСТ, понизился с высшего среднего до низшего среднего. Сейчас ЖХСТ выступает против среднего класса, который когда-то их поддерживал, считая эту группу рассадником терпимого отношения к умеренному потреблению алкоголя. Следующие фрагменты из интервью Гасфилда с лидерами ЖХСТ позволяют составить представление о «моралистках на пенсии»:

Когда Союз возник, с нами были самые влиятельные женщины города. Но теперь они полагают, что мы, женщины, выступающие против выпивки, немного странные. С нами жена владельца похоронного бюро и жена священника, но жена адвоката и жена врача нас сторонятся. Они не хотят, чтобы их считали странными.

Больше всего мы опасаемся умеренного потребления. Выпивка стала частью всего на свете — даже церковной жизни и колледжей.

Она проникла в приходские советы. У них всегда есть что-нибудь в холодильниках... Священник считает, что церковь зашла слишком далеко, что она тратит слишком много сил, помогая делу трезвости. Он боится, что перейдет дорогу какому-нибудь влиятельному лицу¹¹.

Таким образом, только некоторые борцы за нравственность преуспевают в достижении своей цели и, установив новое правило, создают новую группу аутсайдеров. Некоторые из тех, кто добился успеха, чувствуют вкус к борьбе и ищут новые проблемы, за которые можно взяться. Другие борцы терпят крах и либо начинают поддерживать организацию, которую создали, отказываясь от первона-

¹⁰ *Gusfield*. Op. cit. P. 227–228.

¹¹ *Ibid.* P. 227, 229–230.

чальной миссии и фокусируясь на задаче сохранения организации, либо сами становятся аутсайдерами, продолжая поддерживать и проповедовать доктрину, которая выглядит все более эксцентричной.

Правилоприменители

Наиболее очевидный результат успешной кампании в защиту нравственности — создание нового набора правил. Появление нового набора правил часто сопровождается возникновением новых органов власти и официальных лиц, принуждающих к соблюдению этих правил. Конечно, иногда претворением нового правила в жизнь занимаются существующие ведомства, но чаще появляются новые правилоприменители. После принятия закона Харрисона было создано Федеральное бюро по делам наркотиков, точно так же как принятие восемнадцатой поправки привело к созданию полицейских подразделений, отвечающих за соблюдение сухого закона.

С учреждением организации правилоприменителей кампания в защиту нравственности институционализируется. То, что начиналось с желания убедить мир в моральной необходимости нового правила, становится организацией, занимающейся принуждением к соблюдению этого правила. Как радикальные политические движения превращаются в организованные политические партии, а фанатичные евангелические секты становятся солидными религиозными деноминациями, так и борьба за нравственность оборачивается в конечном счете полицейской силой. Следовательно, чтобы понять, как правила, создающие новый класс аутсайдеров, применяются к конкретным людям, нужно понять мотивы и интересы полицейских — правилоприменителей.

Хотя некоторые полицейские, несомненно, преследуют высокую моральную цель искоренения зла, судя по всему, они гораздо чаще занимают отстраненную и объективную позицию в отношении своей работы. Полицейского

волнует не столько содержание конкретного правила, сколько то, что его обязанность состоит в принуждении к его соблюдению. Когда правила меняются, он начинает наказывать за то, что раньше считалось приемлемым поведением, и перестает наказывать за действия, которые стали легитимными в результате изменения правил. Таким образом, правилоприменитель может интересоваться не содержанием правила, а только тем, что существование правил обеспечивает его работой, профессией и смыслом существования.

Поскольку принуждение к соблюдению правил оправдывает его образ жизни, у правилоприменителя есть двойной интерес, который обуславливает его принуждающие действия: во-первых, он должен оправдать существование своей позиции и, во-вторых, он должен заслужить уважение тех, с кем имеет дело.

Подобные интересы есть не только у правилоприменителей. Любые профессионалы чувствуют необходимость как-то оправдывать свою работу и завоевывать уважение окружающих. Музыканты, как мы видели, хотят этого, но сталкиваются с трудностями при поиске успешных способов убеждения клиентов в своей важности. Швейцары не способны завоевать уважение жильцов, но придумывают идеологию, которая возлагает на них квазипрофессиональную обязанность держать в тайне личные сведения о жильцах, которые они узнают во время работы¹². Врачи, адвокаты и прочие профессионалы, более успешные в завоевании уважения клиентов, изобретают сложные механизмы для поддержания подобающе уважительного отношения.

При оправдании существования своей позиции правилоприменитель сталкивается с двойной проблемой. С одной стороны, он должен продемонстрировать остальным, что проблема все еще существует: правила, к соблюдению

12 См.: *Ray Gold. Janitors Versus Tenants: A Status-Income Dilemma // American Journal of Sociology. 1952. Vol. 57. № 5. P. 486–493.*

которых он должен принуждать, имеют смысл, поскольку совершаются соответствующие нарушения. С другой стороны, он должен продемонстрировать, что его принуждающие усилия эффективны и целесообразны, что он действительно борется со злом, с которым призван бороться. Поэтому принуждающие организации обычно лавируют между двумя этими утверждениями, особенно когда запрашивают финансирование. Сперва они говорят, что благодаря их усилиям проблема, с которой они имеют дело, вскоре будет решена. Но одновременно они утверждают, что дела обстоят хуже некуда (хотя и не по их вине) и что требуются дополнительные, усиленные меры, чтобы взять ситуацию под контроль. Лица, уполномоченные принуждать к соблюдению правил, могут активнее всех настаивать, что проблема, которую они призваны решать, никуда не исчезла и даже более насущна, чем когда-либо. Делая подобные заявления, они приводят веские доводы в пользу дальнейшего существования позиции, которую они занимают.

Можно также отметить, что лица и ведомства, уполномоченные осуществлять принуждение, склонны придерживаться пессимистического взгляда на человеческую природу. Если они и не верят в первородный грех, то как минимум любят рассуждать о том, насколько трудно заставить людей подчиняться правилам, и об особенностях человеческой натуры, толкающих людей ко злу. К попыткам исправления нарушителей правил они относятся скептически.

Безусловно, скептические и пессимистические взгляды правилоприменителя подкрепляются его повседневным опытом. В ходе своей работы он сталкивается с подтверждением того, что проблема по-прежнему существует. Он видит людей, которые регулярно совершают нарушения и которые для него тем самым делают себя аутсайдерами. Однако не будет большим преувеличением предположить, что одна из подспудных причин пессимизма правилоприменителя в отношении человеческой натуры и возможно-

сти перевоспитания состоит в том, что, если бы человеческую натуру можно было улучшить, а людей — навсегда перевоспитать, его работе пришел бы конец.

Точно так же правилоприменитель склонен считать, что люди, с которыми он сталкивается, должны его уважать. Если они этого не делают, ему будет очень сложно выполнять свою работу; его работа перестанет быть надежной. Поэтому значительная доля принуждающей деятельности заключается не в собственно принуждении к соблюдению правил, а в завоевании уважения людей, с которыми правилоприменитель имеет дело. Это значит, что на человека могут наклеить ярлык девианта не потому, что он действительно нарушил правило, а потому, что он продемонстрировал неуважение к правилоприменителю.

Хороший пример этого феномена можно найти в проведенном Уэстли исследовании полицейских в малом промышленном городе. В своих интервью он спрашивал полицейских: «Как вы думаете, когда полицейский имеет право применять силу?» Он выяснил, что «как минимум 37 % считают, что допустимо применять насилие, чтобы заставить проявить уважение»¹³. Он приводит некоторые красноречивые цитаты из своих интервью:

Ну, всякие ситуации бывают. Например, останавливаешь парня для обычных вопросов, вполне благоразумного парня, а он начинает наезжать на тебя и говорить, что ты такой-сякой и тому подобное. Ты знаешь, что можешь задержать его за нарушение общественного порядка, но это вряд ли прокатит. Поэтому в подобных случаях ты провоцируешь его, пока он не скажет то, за что ты можешь обоснованно приложить его, а если он полезет драться, можно сказать, что он оказал сопротивление при задержании.

Заклученный сам напрашивается, когда пытается поставить тебя ниже себя.

Нужно быть жестким, когда кто-то начинает говорить грубости, чтобы выставить тебя дураком перед остальными. Думаю, большинство полицейских стараются относиться к людям хорошо, но

13 *William A. Westley. Violence and the Police // American Journal of Sociology. 1953. Vol. 59. № 1. P. 39.*

обычно приходится разговаривать жестко. Это единственный способ поставить человека на место и заставить его проявить немного уважения¹⁴.

Уэсли описывает применение незаконных мер принуждения к уважению. Очевидно, когда правилоприменитель имеет возможность выбрать, заставлять соблюдать правило или нет, его действия могут зависеть от отношения нарушителя к нему. Если нарушитель проявляет должное уважение, правилоприменитель может сгладить ситуацию. Если же нарушитель проявляет неуважение, к нему могут быть применены санкции. Уэсли показал, что это различие значимо при нарушении правил дорожного движения, когда полицейский имеет, судя во всему, наибольшую свободу действий¹⁵. Но, вероятно, оно наблюдается и в других случаях.

Обычно правилоприменитель имеет значительную свободу действий во многих областях, поскольку его ресурсов не хватает, чтобы справиться с объемом нарушений, с которыми он должен иметь дело. Это значит, что он не может браться за все сразу и в этом отношении должен занимать выжидательную позицию по отношению ко злу. Он не может мгновенно сделать всю работу и знает это. Он тянет время, предполагая, что проблемы, с которыми он имеет дело, не исчезнут в ближайшее время. Он устанавливает приоритеты, разбираясь с вещами по очереди — сначала с наиболее насущными проблемами, а потом с остальными. Словом, он относится к своей работе как профессионал. У него нет наивной моральной одержимости, присущей создателям правил.

Если правилоприменитель не собирается разбираться со всеми известными ему случаями сразу, у него должны быть основания, позволяющие решать, когда следует принуждать к соблюдению правил и на каких людей за какие

¹⁴ Ibid.

¹⁵ См.: *William A. Westley. The Police: A Sociological Study of Law, Custom, and Morality.* Unpublished PhD dissertation (University of Chicago, Department of Sociology, 1951).

действия следует наклеивать ярлык девиантов. Один из критериев отбора людей — наличие «подмазки». Некоторые люди имеют достаточный политический вес или знают, как уклониться от попыток принуждения их к соблюдению правил если не во время задержания, то на последующем этапе рассмотрения дела. Очень часто данная функция профессионализируется: кто-то на постоянной основе оказывает соответствующие услуги, доступные любому, кто хочет его нанять. Профессиональный вор описывает таких «решальщиков» следующим образом:

В каждом большом городе есть постоянный решальщик, обслуживающий профессиональных воров. У него нет агентов, он не ищет работу и работает почти исключительно с профессиональными ворами, которые тоже редко обращаются к кому-то, кроме него. Эта централизованная и монополизированная система решения проблем профессиональных воров есть практически во всех крупных городах, а также в значительном числе малых¹⁶.

Поскольку о решальщике и его работе знают в основном профессиональные воры, результатом использования этого критерия для отбора людей, к которым будет применяться правило, является то, что любители попадают, отправляются в тюрьму и получают ярлык девианта гораздо чаще, чем профессионалы. Как отмечает профессиональный вор:

По тому, как ведется дело в суде, можно сказать, есть ли подмазка. Если легавый не очень уверен, что поймал нужного человека, или если показания легавого и потерпевшего расходятся, или если обвинитель не сильно давит на обвиняемого, или если судья внаглую принимает решения, будь уверен: там кто-то поработал. В делах по кражам такого немного, потому что один профессионал приходит на двадцать пять — тридцать любителей, ничего не знающих о подмазках. Каждый раз эти любители получают сполна. Легавые орут на них, никто не подтверждает их показания, судьи толкают речи, и все благодарны им за борьбу с преступностью. Если бы профессионал послушал обсуждение дела, которое рассматривали перед ним, он бы подумал: «Этому должны были дать 90 лет. Чер-

16 *Edwin H. Sutherland* (ed.). *The Professional Thief* (Chicago: University of Chicago Press, 1937). P. 87–88.

товы любители, из-за них все магазины начеку». Или: «Позорище, этот легавый сажает парня за пару носков, а через пару минут согласится с небольшим штрафом для меня за кражу меховой шубы!» Но, если легавые не будут сажать любителей, чтобы записать себе нужное количество обвинительных приговоров, они не смогут протаскивать между ними профессионалов, которых они отпускают¹⁷.

Поскольку правилоприменителей не интересует содержание конкретных правил, они часто по-своему оценивают важность разных правил и их нарушений. Их приоритеты могут существенно отличаться от приоритетов общества. Например, потребители наркотиков обычно полагают (и мне это подтвердили несколько полицейских), что полиция не считает потребление марихуаны столь же серьезной проблемой или угрозой, как потребление опиатных наркотиков. В своих выводах полицейские основываются на том, что, как показывает их опыт, потребители опиатов совершают иные преступления (например, воровство или занятие проституцией), чтобы получить наркотик, тогда как среди потребителей марихуаны этого не наблюдается.

Таким образом, правилоприменители принуждают к соблюдению правил и создают аутсайдеров избирательно, реагируя на давление своей рабочей ситуации. Будет ли на индивида, совершившего девиантный поступок, наклеен ярлык девианта, зависит от многих вещей, помимо его поведения: считает ли лицо, уполномоченное осуществлять принуждение, что ему необходимо продемонстрировать, что оно делает свое дело, чтобы оправдать свою позицию; проявляет ли нарушитель достаточное уважение к правилоприменителю; была ли «подмазка»; на каком месте в списке приоритетов правилоприменителя находится совершенное действие.

Отсутствие у профессионального правилоприменителя одержимости и рутинный подход к борьбе со злом могут служить основанием конфликта между ним и создателем

¹⁷ Ibid. P. 91–92.

правил. Создатель правил, как мы отмечали, беспокоится о содержании правил, в которых он заинтересован. Он видит в них средство искоренения зла. Он не понимает неторопливость правилоприменителя в отношении тех же самых проблем и недоумевает, почему очевидное зло нельзя искоренить сразу же.

Когда человек, заинтересованный в содержании правила, осознает или когда его внимание обращают на то, что правилоприменители относятся ко злу, которое его беспокоит, избирательно, это справедливо вызывает у него негодование. Профессионала обвиняют в том, что он слишком легкомысленно относится ко злу, что он не исполняет свои обязанности. Блюститель морали, по просьбе которого появилось правило, вновь выходит на сцену, заявляя, что результат последней кампании был неудовлетворительным или что все достижения были сведены на нет и утрачены.

Девиантность и инициатива: выводы

Девиантность — в том смысле, в котором я понимал ее, то есть как неподобающее поведение, на которое был публично наклеен соответствующий ярлык, — всегда является результатом инициативы. Прежде чем какое-либо действие станут считать девиантным и прежде чем на какую-либо группу людей за совершение этого действия наклеят ярлык аутсайдеров и начнут относиться к ним как к таковым, кто-то должен создать правило, которое определяет данное действие как девиантное. Правила не создаются автоматически. Даже несмотря на то, что практика может наносить объективный вред группе, в которой она осуществляется, этот вред нужно выявить и указать. Нужно заставить людей почувствовать, что следует что-то предпринять. Кто-то должен привлечь внимание общественности к проблеме, создать волну, которая сдвинет дело с мертвой точки, и направить возникшую энергию в нужное русло, чтобы возникло правило. Девиант-

ность — это продукт инициативы в самом широком смысле; без инициативы, необходимой для создания правил, девиантности, которая заключается в нарушении правила, не существовало бы.

Девиантность также является продуктом инициативы в более узком и конкретном смысле. После того, как правило появилось, оно должно быть применено к конкретным людям, которые наполняют абстрактную группу аутсайдеров, созданную правилом. Нарушители должны быть обнаружены, идентифицированы, задержаны и признаны виновными (либо признаны «не такими» и стигматизированы за их нонконформизм, как в случае легальных девиантных групп вроде музыкантов). Эта работа обычно ложится на плечи профессиональных правилоприменителей, которые, принуждая к соблюдению уже существующих правил, создают конкретных девиантов, считающихся обществом аутсайдерами.

Любопытно, что многие научные исследования и рассуждения о девиантности посвящены людям, которые нарушают правила, но не тем, кто их создает и принуждает к их соблюдению. Если мы хотим получить полное представление о девиантном поведении, мы должны восстановить баланс между этими двумя возможными предметами изучения. Мы должны рассматривать девиантность и аутсайдеров, олицетворяющих это абстрактное понятие, в качестве результата процесса взаимодействия между людьми, одни из которых реализуют свои интересы, создавая правила и принуждая к их соблюдению, и ловят других, которые реализуют свои интересы, совершая действия, носящие ярлык девиантных.

Изучение девиантности: проблемы и симпатии

Самая упорная проблема научного исследования девиантного поведения состоит в отсутствии убедительных данных, в скудности фактов и сведений, на которых можно основывать наши теории. Кажется, уже стало общим местом утверждение, что теория, лишенная тесных связей с многообразием фактов о предмете, на объяснение которого она претендует, вряд ли принесет пользу. Однако анализ научной литературы по девиантному поведению показывает, что доля работ по теории существенно выше, чем доля эмпирических исследований. В одном недавнем обзоре исследований преступности среди малолетних было отмечено, что лучшим источником сведений о подростковых бандах по-прежнему остается книга Фредерика Трешера* «Банда», впервые опубликованная в 1927 году¹.

Это не значит, что исследования девиантного поведения вообще отсутствуют. Они есть, но в массе своей, кроме нескольких выдающихся исключений, не подходят для теоретической работы, которую нам нужно проделать. Они не подходят по двум причинам. Во-первых, просто-напросто не хватает исследований, которые сообщали бы нам, как живут девианты. Хотя имеется огромное количество исследований подростковой преступности, они чаще всего основаны на материалах судебных разбирательств, а не непосредственном наблюдении. Во многих

¹ *David J. Bordua. Delinquent Subcultures: Sociological Interpretations of Gang Delinquency // Annals of the American Academy of Political and Social Science. 1961. Vol. 338. P. 119–136.*

исследованиях вероятность подростковой преступности связывают с факторами вроде типа района, типа семьи или типа личности. Лишь в немногих раскрываются подробности того, каковы повседневные занятия малолетнего преступника и что он думает о себе, обществе и своих поступках. Поэтому, когда мы строим теорию подростковой преступности, мы вынуждены делать выводы об образе жизни малолетнего преступника на основе фрагментарных исследований и журналистских статей², вместо того чтобы опираться на адекватное знание о явлении, которое мы пытаемся объяснить. Мы словно пытаемся, как когда-то приходилось делать антропологам, описывать обряд инициации отдаленного африканского племени, пользуясь обрывочными и неполными сообщениями горстки миссионеров. (При этом у нас меньше оснований, чем у антропологов, доверять фрагментарным описаниям любителей. Люди, которых изучали антропологи, жили за тысячи миль, в недоступных джунглях; люди, изучаемые нами, живут по соседству.)

Исследования девиантного поведения не подходят для построения теории также по второй, более простой причине. Их слишком мало. Многие виды девиаций никогда не становились предметом научного описания либо исследования столь немногочисленны, что едва дают лишь первичное представление. Например, сколько существует социологических описаний образа жизни гомосексуалов? Мне известны всего несколько³, и они

2. Две хорошо известные и влиятельные свежие книги о подростковой преступности основаны на таких неполных данных. См.: *Albert K. Cohen. Delinquent Boys: The Culture of the Gang* (New York: The Free Press of Glencoe, 1955); *Richard A. Cloward, Lloyd E. Ohlin. Delinquency and Opportunity: A Theory of Delinquent Gangs* (New York: The Free Press of Glencoe, 1960).

3. *Evelyn Hooker. A Preliminary Analysis of Group Behavior of Homosexuals* // *Journal of Psychology*. 1956. Vol. 42. № 2. P. 217–225; *Maurice Leznoff, William A. Westley. The Homosexual Community* // *Social Problems*. 1956. Vol. 3. № 4. P. 257–263; *H. Laurence Ross. The «Hustler» in Chicago* // *Journal of Student Research*. 1959. Vol. 1. P. 13–19;

лишь делают ясным, что существует множество культур и социальных типов, требующих описания. Еще более радикальный пример — профессиональные проступки, область девиантности, имеющая огромное значение для социологов-теоретиков, но при этом почти не исследованная. Хорошо известно, например, что этические комитеты юридических и медицинских профессиональных ассоциаций не испытывают недостатка в материалах для работы, однако из всего богатства социологических описаний профессионального поведения и культур в лучшем случае лишь несколько исследований посвящены неэтичному поведению профессионалов.

Каковы последствия подобного дефицита данных для изучения девиантности? Я уже отмечал, что одним из следствий является построение ложных или неадекватных теорий. Как нам нужны точные анатомические описания животных, прежде чем мы сможем создавать теории и проводить экспериментальные исследования их физиологических и биохимических процессов, так нам нужны точные и детальные описания социальной анатомии, прежде чем мы узнаем, по поводу каких именно явлений нужно строить теории. Если вернуться к примеру с гомосексуальностью: наши теории скорее всего будут неадекватны, если мы будем полагать, что все гомосексуалы являются более или менее убежденными участниками гомосексуальных субкультур. Недавнее исследование выявило важную группу участников гомосексуальных отношений, которые ни в коей мере не являются убежденными гомосексуалами. Райс показал, что многие малолетние преступники «разводят педиков на секс», так как это относительно безопасный способ заработать денег. Они не считают себя гомосексуалами, и, когда достигают возраста, позволяющего им принимать участие в более агрессивных и прибыльных видах преступлений, они перестают этим

Albert J. Reiss Jr. The Social Integration of Peers and Queers // Social Problems. 1961. Vol. 9. № 2. P. 102–120.

заниматься⁴. Сколько еще разновидностей гомосексуального поведения предстоит открыть и описать? И как эти открытия и описания повлияют на наши теории?

Таким образом, у нас недостаточно исследований девиантного поведения. У нас нет исследований достаточного количества разных форм девиантного поведения. Но, главное, у нас недостаточно исследований, в которых исследователь установил близкий контакт с теми, кого он изучает, и смог понять сложность и многогранность девиантной деятельности.

Некоторые из причин подобного дефицита исследований носят технический характер. Исследовать девиантов нелегко. Так как остальное общество видит в них аутсайдеров и так как они сами обычно считают остальных членов общества аутсайдерами, исследователь, который хочет узнать что-нибудь о той или иной девиации, сталкивается с серьезной преградой, которую ему нужно преодолеть, прежде чем ему позволят увидеть то, что ему нужно. Поскольку девиантная деятельность обычно подвергается наказанию, когда становится известной, ее стараются скрывать и не демонстрировать или хвастаться ею перед аутсайдерами. Исследователь девиантности должен убедить тех, кого изучает, что он не представляет угрозы, что они не пострадают от того, что раскроются ему. Исследователь, таким образом, должен интенсивно и постоянно общаться с девиантами, которых хочет изучить, чтобы они узнали его достаточно хорошо и имели возможность оценить, может ли он навредить им своими действиями.

Индивиды, совершающие девиантные поступки, разными способами защищают себя от любопытных аутсайдеров. В организованных конвенциональных институтах девиацию часто прячут за своего рода защитной ширмой. Так, профессионалы, как правило, не обсуждают публично случаи неэтичного поведения. Профессиональные ассоциации разбираются с такими эпизодами за закрытыми

4 *Reiss. Op. cit.*

дверями, подвергая виновников собственному наказанию, без огласки. Например, врачи, пристрастившиеся к наркотикам, получают относительно мягкое наказание, когда попадают в поле зрения правоохранительных органов⁵. Врача, пойманного на краже наркотических препаратов в больнице, обычно просто просят уволиться; его не сдают полиции. Чтобы проводить исследования в промышленных, образовательных и других крупных организациях, обычно необходимо разрешение людей, управляющих этими организациями. Если руководителям такой организации предоставить свободу действий, то они сузят область исследования таким образом, чтобы скрыть девиацию, которую они хотят оставить невидимой. Описывая свой подход к исследованию промышленных организаций, Мелвилл Далтон пишет:

Я никогда не обращался с формальными запросами к руководителям компаний, чтобы получить разрешение на исследование или поддержку. Я несколько раз видел, как это делали другие исследователи, и всякий раз высшее начальство возводило декорации и ограничивало доступ отдельными областями — помимо собственно управления, — как будто проблема существует в вакууме. В некоторых случаях полученные данные представлялись затем в качестве результатов «контролируемых экспериментов», которые в своей окончательной форме были впечатляющим чтивом. Но радостный и довольный вид, с которым осмотрительные сотрудники встречали исследователей, оценки, которые давались исследователям и полученным ими данным, и тривиальные области, в которые зачастую заводили исследователей осторожные и боязливые должностные лица, — все это ставило вопрос о том, кто на самом деле контролировал эксперименты⁶.

Члены девиантных групп, которые лишены открытой поддержки со стороны организованных профессий или учреждений, используют другие методы сокрытия того, что они делают, от посторонних глаз. Поскольку деятель-

5 *Charles Winick. Physician Narcotic Addicts // Social Problems. 1961. Vol. 9. № 2. P. 177.*

6 *Melville Dalton. Men Who Manage: Fusions of Feeling and Theory in Administration (New York: John Wiley and Sons, 1959). P. 275.*

ность гомосексуалов, наркоманов или преступников осуществляется не за закрытыми дверями или охраняемыми воротами организаций, им приходится изобретать иные способы утаивания своих действий. Обычно они предпринимают значительные усилия, чтобы осуществлять свои действия скрытно, поэтому их публичная активность протекает в относительно контролируемых местах. Например, воры могут собираться в определенном баре. Хотя исследователь, изучающий воров, может, тем самым, застать одновременно многих из них в одном месте, они могут «включить дурака», когда он появится в баре, отказаться разговаривать с ним или притвориться, что ничего не смыслят в тех вещах, которые ему интересны.

Подобная закрытость порождает две исследовательские проблемы. С одной стороны, возникает сложность с поиском нужных людей. Как найти врача, пристрастившегося к наркотикам? Как найти гомосексуалов разных типов? Если я хочу исследовать дележ гонораров между хирургами и врачами общей практики, как мне найти людей, которые заключают подобные сделки, и получить к ним доступ? Найдя нужных людей, исследователь сталкивается с другой проблемой — ему надо убедить их в том, что они могут безопасно обсуждать с ним свою девиантность.

Но исследователь девиантности сталкивается и с другими проблемами. Чтобы получить точное и полное описание действий девиантов, их связей и т. д., он должен хотя бы какое-то время наблюдать за ними *в их естественной обстановке*, пока они занимаются своими обычными делами. Но это значит, что исследователь должен некоторое время придерживаться необычного для себя распорядка дня и проникать в неизвестные ему и потенциально опасные сферы общества. От него может потребоваться бодрствовать по ночам и спать днем, потому что так живут те, кого он изучает, а это может быть затруднительно из-за его семейных и рабочих обязательств. Кроме того, процесс завоевания доверия тех, кого он исследует, может

оказаться долгим, так что он может провести несколько месяцев в относительно бесплодных попытках получить доступ. Это значит, что такого рода исследования занимают больше времени, чем сопоставимые исследования в солидных институциях.

Все это технические проблемы, которые можно решить. Сложнее найти ответ на моральные вопросы, связанные с изучением девиантности.

Это часть более широкой проблемы того, какую позицию необходимо занимать по отношению к предмету своего исследования, как надо оценивать вещи, которые общество признает порочными, к кому испытывать симпатию. Конечно, подобные вопросы возникают при изучении любого социального явления. Но при изучении девиантности они обостряются, поскольку практики и люди, которых мы изучаем, всеми осуждаются⁷.

7 В частной беседе Нед Польски* заметил, что одна из моральных проблем связана с участием ученого в противозаконной деятельности. Хотя я не сталкивался с этим, я всецело согласен с его мыслями на этот счет, которые я воспроизвожу здесь с его разрешения:

«Чтобы успешно изучать девиантов, нарушающих закон, в процессе осуществления ими своей девиантной деятельности в естественной обстановке, то есть вне стен тюрьмы, необходимо быть морально готовым самому в некоторой степени нарушить закон. Исследователь не должен быть „включенным наблюдателем“ и совершать исследуемые им девиантные поступки, но он должен становиться свидетелем таких поступков либо узнавать о них и не доносить. Иначе говоря, исследователь должен решить, что в случае необходимости он будет „препятствовать правосудию“ или выступать „сообщником“ до или после преступления в полном юридическом смысле этих слов. Он не сможет понять некоторые ключевые аспекты преступного девиантного поведения и структуру субкультур тех, кто нарушает закон, пока не примет такое моральное решение, не завоеует доверие девиантов и, более того, не убедит их в том, что он способен строго придерживаться своего решения. Возможно, в случае малолетних преступников последним моментом можно пренебречь, поскольку они знают, что изучающий их профессионал почти всегда сможет уклониться от требования полиции раскрыть информацию, но у взрослых преступников таких гарантий нет, и поэтому их интересуют не только мотивы

Какую позицию мы должны занимать при описании социальной организации или социального процесса, в особенности — организаций и процессов, связанных с девиантностью? Поскольку в любой социальной организации или процессе обычно есть несколько категорий участников, мы должны выбирать между точкой зрения той или иной из этих групп и позицией внешнего наблюдателя. Герберт Блумер утверждал, что люди действуют, интерпретируя ситуации, в которых они оказываются, и затем приспособившая свое поведение так, чтобы справиться с ситуацией. Таким образом, продолжает он, мы должны принять точку зрения человека или группы («действующей единицы»), чье поведение нас интересует, и:

...схват[ить] процесс интерпретации, посредством которого они конструируют свои действия... Чтобы схватить этот процесс, исследователь должен принять роль действующей единицы, поведение которой он изучает. Поскольку интерпретация осуществляется действующей единицей исходя из обозначаемых и оцениваемых объектов, придаваемых значений и принимаемых решений, данный процесс следует рассматривать с точки зрения действующей единицы... Пытаться схватить интерпретативный процесс, оставаясь отстраненным, так называемым «объективным» наблюдателем

исследователя, но и его реальная способность „не расколоться“ на полицейском допросе.

Социологи редко выполняли эти требования. Поэтому, хотя в Америке только примерно шесть из ста тяжких преступлений, известных полиции, заканчиваются тюремным сроком, значительная часть наших социологических знаний о преступности основана на исследовании людей, попавших в тюрьму. Социолог, который не может или не хочет сделать так, чтобы преступники доверяли ему и позволяли наблюдать за тем, как они обычно работают и отдыхают, как правило, получает сведения от девиантов, которые находятся в тюрьме или имеют иные проблемы с законом. Это смещенная выборка, в которой сверхпредставлены непрофессионалы и неумелые преступники, находящиеся в искусственной обстановке и не изучаемые систематически в процессе нормальной жизни в естественной среде. Поэтому социолог часто знает о действительно современных девиантных субкультурах — особенно субкультурах взрослых профессиональных преступников — меньше, чем журналист».

и отказываясь принимать роль действующей единицы, — значит рисковать скатиться к худшему виду субъективизма; объективный наблюдатель склонен подменять процесс интерпретации собственными домыслами, вместо того чтобы схватывать этот процесс в том виде, в каком он протекает в опыте использующей его действующей единицы⁸.

Если мы изучаем процессы, связанные с девиантностью, мы должны принять точку зрения хотя бы одной из вовлеченных групп — либо тех, кого считают девиантами, либо тех, кто наклеивает на других ярлык девиантов.

Конечно, можно рассматривать ситуацию с обеих сторон. Но не одновременно. Мы не можем описать ситуацию или процесс так, чтобы некоторым образом соединить взгляды и интерпретации двух сторон, вовлеченных в процесс девиации. Мы не можем описать «реальность более высокого порядка», которая придает смысл обоим точкам зрения. Мы можем описать перспективы одной группы и посмотреть, как они совмещаются или не совмещаются с перспективами другой группы: как перспективы нарушителей правил сталкиваются и конфликтуют с перспективами тех, кто принуждает к следованию правилам, и наоборот. Но мы не можем понять ситуацию или процесс, не признавая в полной мере важности различий между перспективами двух вовлеченных групп.

Сама природа девиантности подразумевает, что очень трудно изучать обе стороны процесса и точно фиксировать перспективы обеих групп участников: нарушителей правил и правилоприменителей. В принципе это возможно, но практические сложности получения доступа к ситуациям и завоевания доверия участников за разумный период времени означают, что вероятнее всего ситуация будет исследоваться с одной из двух сторон. Какую бы группу участников мы ни выбрали для исследования

8 Герберт Блумер. Общество как символическое взаимодействие // Герберт Блумер. Символический интеракционизм: перспектива и метод / Пер. с англ. Андрея Корбута (Москва: Элементарные формы, 2017). С. 151–152.

и чью бы точку зрения мы, таким образом, ни приняли, нас, скорее всего, обвинят в «предвзятости». Будут говорить, что мы несправедливы к точке зрения противоположной группы. Будет казаться, что раз мы воспроизводим рационализации и оправдания, которые группа дает своим действиям, мы разделяем ее рационализации и оправдания и обвиняем другие стороны, используя язык их оппонентов. Если мы изучаем наркоманов, они будут, несомненно, говорить нам и мы должны будем сообщать, что они считают, что осуждающие их аутсайдеры ошибаются и движимы низменными мотивами. Если мы укажем на те аспекты опыта наркомана, которые, как он считает, подтверждают его мнение, это будет выглядеть так, будто мы его оправдываем. С другой стороны, если мы изучаем явление наркомании с точки зрения лиц, уполномоченных осуществлять принуждение, они будут говорить нам и мы тоже должны будем сообщать, что они считают наркоманов преступниками, страдающими расстройствами личности, безнравственными и не вызывающими доверия. Мы сможем указать те аспекты опыта правилоприменителя, которые оправдывают такую точку зрения. При этом будет казаться, что мы разделяем эту точку зрения. В любом случае нас обвинят в предьявлении односторонней и искаженной картины.

Но на самом деле это не так. Мы предьявляем не искаженную картину реальности, а реальность, в которую погружены изучаемые нами люди, — реальность, которую они создают посредством интерпретации своего опыта и в рамках которой они действуют. Если мы не сможем предьявить эту реальность, мы не достигнем полного социологического понимания явления, которое мы стремимся объяснить.

Чью точку зрения мы должны представлять? Здесь есть два соображения: одно стратегическое, другое импульсивное или моральное. Стратегическое соображение состоит в том, что точка зрения конвенционального общества в отношении девиантности обычно хорошо из-

вестна. Следовательно, мы должны исследовать взгляды тех, кто осуществляет девиантную деятельность, потому что таким образом мы заполним белые пятна в общей картине. Однако это слишком простой ответ. Мне кажется, на самом деле мы знаем одинаково мало о точках зрения обеих сторон, причастных к феноменам девиантности. Мы действительно не знаем многого о том, как сами девианты воспринимают свои ситуации, но мы и не до конца представляем остальные релевантные точки зрения, потому что мы их недостаточно хорошо изучили. Нам неизвестны все интересы тех, кто принуждает к соблюдению правил. Нам также неизвестно, в какой степени обычные члены конвенционального общества в действительности придерживаются перспектив девиантных групп. Дэвид Маца недавно высказал идею, что типичные формы молодежной девиантности — преступность, радикальная политика, божемный образ жизни — на самом деле являются скрытым продолжением перспектив, которые в менее крайних формах распространены среди добропорядочных членов общества. Поэтому малолетняя преступность — это грубая версия подростковой культуры, радикальная политика — предельное выражение диффузного либерализма, который воплощается в любви американцев «творить добро», а божемный образ жизни — лишь крайняя форма, с одной стороны, легкомысленного образа жизни университетских братств и, с другой, серьезной интеллектуальной жизни университетов⁹. Таким образом, стратегические соображения не дают ответа на вопрос о том, какую точку зрения мы должны описывать.

Но ответа не дают и импульсивные и моральные соображения. Однако мы можем указать некоторые угрозы. Основная угроза состоит в том, что девиантность сильно связана с представлениями о молодежном протесте. Это не тот вопрос, к которому люди относятся легкомысленно.

9 *David Matza. Subterranean Traditions of Youth // Annals of the American Academy of Political and Social Science. 1961. Vol. 338. P. 116–118.*

Им либо кажется, что девиантность — довольно вредное явление и от нее нужно избавиться, либо они, напротив, считают ее вещью, которую надо поощрять, важным противовесом конформизма, к которому склоняет современное общество. Действующие лица социологической драмы девиантности — даже больше, чем действующие лица других социологических процессов, — являются либо героями, либо злодеями. Мы разоблачаем безнравственность либо девиантов, либо тех, кто принуждает их к соблюдению правил.

Необходимо остерегаться обеих позиций. Это очень похоже на ситуацию с непристойными словами. Одни люди полагают, что их нельзя использовать ни при каких обстоятельствах. Другие любят оставлять непристойные надписи в подворотнях. В обоих случаях слова рассматриваются как что-то особенное, содержащее некую *ману*. Но, очевидно, лучше воспринимать их просто как слова — слова, которые шокируют одних и восхищают других. То же самое с девиантным поведением. Мы не должны считать его чем-то особенным, чем-то более порочным или, каким-то удивительным образом, более достойным, чем другие формы поведения. Мы должны рассматривать его лишь как форму поведения, которую одни осуждают, а другие одобряют, и изучать процессы, в результате которых та или другая перспектива или обе они выстраиваются и воспроизводятся. Вероятно, лучший способ обезопасить себя от обеих крайностей — близкое знакомство с людьми, которых мы изучаем.

Возвращаясь к теории наклеивания ярлыков¹

Феномены девиантности давно составляют предмет социологических размышлений. Наше теоретическое любопытство в отношении природы социального порядка сочетается с практическим интересом к действиям, которые считаются пагубными для индивидов и общества, что привлекает наше внимание к обширной области поведения, называемой разными именами: преступностью, пороком, нонконформизмом, отклонением, эксцентричностью или безумием. Независимо от того, считаем ли мы это сбоем в социализации и работе санкций или только проступками и дурным поведением, мы хотим знать, почему люди совершают осуждаемые действия.

В последние годы в фокусе натуралистского подхода к этим феноменам² оказалось взаимодействие тех, кого подозревают в проступках, и тех, кто высказывает подозрения. Ряд исследователей — например, Фрэнк Танненбаум³, Эдвин Лемерт⁴, Джон Китсьюз⁵, Кай Эрик-

1 Первоначально данная статья была представлена в виде доклада на съезде Британской социологической ассоциации в Лондоне в апреле 1971 года. Несколько моих друзей высказали полезные замечания по поводу первой версии текста. Особенно я хочу поблагодарить Элиота Фрейдсона*, Бланш Гир*, Ирвинга Луиса Горовица* и Джона Китсьюза.

2 *David Matza*. *Becoming Deviant* (Englewood Cliffs: Prentice-Hall, 1969).

3 *Frank Tannenbaum*. *Crime and the Community* (New York: Ginn and Co., 1938).

4 *Edwin M. Lemert*. *Social Pathology* (New York: McGraw-Hill, 1951).

5 *John I. Kitsuse*. *Societal Reaction to Deviant Behavior: Problems of Theory and Method* // *Social Problems*. 1962. Vol. 9. № 3. P. 247–256.

сон⁶ и я⁷ — разработали то, что получило крайне неудачное название «теория наклеивания ярлыков». С самого начала многие критиковали, расширяли и оспаривали первоначальные формулировки; другие дополняли их важными исследовательскими данными.

Я хотел бы оглянуться на проделанную работу и понять, где мы сейчас находимся⁸. Чего мы достигли? Какие критические аргументы прозвучали? Что нам необходимо поменять в наших идеях? Наиболее пристального внимания заслуживают три темы: представление о девиации как коллективном действии, демистификация девиантности и моральные дилеммы теории девиантности. При обсуждении каждой темы я буду соотносить свои доводы с социологическими исследованиями и анализом в целом, чтобы еще раз подчеркнуть, что девиантность не является чем-то особенным и что это лишь еще одна из сфер человеческой деятельности, которую нужно изучать и понимать.

Сначала я суммирую некоторые на первый взгляд довольно сложные аргументы, что позволит мне объяснить, почему я не удовлетворен выражением «теория наклеивания ярлыков». Я никогда не считал, что наши первоначальные формулировки стоит называть теориями — по крайней мере, полностью артикулированными теориями, за непохожесть на которые эти формулировки сегодня критикуют. Некоторые авторы высказывали недовольство тем, что теория наклеивания ярлыков не дает этиологического объяснения девиантности⁹ и не говорит

6 *Kai T. Erikson*. *Wayward Puritans* (New York: John Wiley and Sons, 1966).

7 *Howard S. Becker*. *Outsiders: Studies in the Sociology of Deviance* (New York: The Free Press of Glencoe, 1963).

8 Ср.: *Edwin M. Schur*. *Reactions to Deviance: A Critical Assessment* // *American Journal of Sociology*. 1969. Vol. 75. № 3. P. 309–322.

9 *Jack Gibbs*. *Conceptions of Deviant Behavior: The Old and the New* // *Pacific Sociological Review*. 1966. Vol. 9. № 1. P. 9–14; *David Bordua*. *Recent Trends: Deviant Behavior and Social Control* // *Annals of the American Academy of Political and Social Science*. 1967. Vol. 369. P. 149–163; *Ronald L. Akers*. *Problems in the Sociology of Deviance:*

нам, как люди, совершающие девиантные поступки, приходят к этому — в особенности, почему *они* это делают, а окружающие — нет. Иногда критики утверждали, что предложенная теория оказалась ошибочной. Так, некоторые полагали, что данная теория объясняла девиантность реакцией на нее других людей. Согласно этой реконструкции, индивид начинает совершать девиантные действия после того, как на него наклеили ярлык девианта, а не до. Такую теорию легко опровергнуть, обратившись к повседневному опыту.

Однако исследователи, стоявшие у истоков подхода, не стремились дать ответ на этиологический вопрос. Они преследовали более скромные цели. Они хотели расширить область того, что принимается во внимание при изучении феноменов девиантности, включив в нее действия не только подозреваемых в девиантности, но и других людей. Конечно, они предполагали, что, когда они этого добьются и новые источники вариативности будут включены в расчеты, все проблемы, которыми традиционно занимались исследователи девиантности, примут иную форму.

Далее, наклеивание ярлыка, осуществляемое блюстителями морали, хотя и имеет большое значение, по-видимому, не может быть единственным объяснением реальных действий тех, кого считают девиантами. Было бы глупо утверждать, что грабители грабят людей просто потому, что кто-то наклеил на них ярлык грабителей, или что все действия гомосексуала вызваны тем, что кто-то назвал его гомосексуалом. Тем не менее одно из важнейших достижений этого подхода состоит в том, что он привлек внимание к тому, каким образом наклеивание ярлыка помещает действующего в обстоятельства, которые затрудняют для него осуществление рутинных повседневных действий и тем самым провоцируют его на «ненормальные» дей-

ствия (например, судимость мешает зарабатывать на жизнь общепринятыми способами и, следовательно, толкает имеющего ее человека к нелегальным занятиям). Но в какой мере наклеивание ярлыка оказывает такое воздействие — это эмпирический вопрос, ответ на который может дать только изучение конкретных случаев, а не теоретические рассуждения¹⁰.

Наконец, фокусируя внимание на бесспорных действиях тех, кто официально уполномочен определять девиацию, данная теория не дает эмпирического описания результатов функционирования конкретных социальных институтов. Утверждать, что определение кого-то как девианта может при определенных условиях заставлять его придерживаться некоторой линии поведения, — не то же самое, что утверждать, будто психиатрические больницы всегда доводят людей до безумия или будто тюрьмы всегда превращают людей в закоренелых преступников.

Наклеивание ярлыков приобрело теоретическое значение по совершенно иной причине. Классы действий и их отдельные примеры могут считаться или не считаться девиантными той или иной релевантной аудиторией, которая их наблюдает. Различия в определении, то есть в ярлыке, наклеиваемом на поступок, обуславливают разницу в том, как все — и аудитории, и действующие — ведут себя в дальнейшем. Как отмечает Альберт Коэн¹¹, данная теория позволила построить пространство с четырьмя ячейками, совместив две дихотомические переменные:

10 См.: *Becker. Outsiders*. P. 34–35; *Lemert. Social Pathology*. P. 71–76; *Marsh B. Kay. The Cycle of Abstinence and Relapse among Heroin Addicts // Social Problems*. 1961. Vol. 9. № 2. P. 132–140; *Edwin M. Lemert. Human Deviance, Social Problems, and Social Control* (Englewood Cliffs: Prentice-Hall, 1972).

11 *Albert K. Cohen. The Sociology of the Deviant Act: Anomie Theory and Beyond // American Sociological Review*. 1965. Vol. 30. № 1. P. 5–14; *Albert K. Cohen. Deviance and Control* (Englewood Cliffs: Prentice-Hall, 1966); *Albert K. Cohen. Deviant Behavior // David L. Sills, Robert K. Merton (eds.). International Encyclopedia of the Social Sciences*. Vol. 4 (New York: Macmillan, 1968). P. 148–155.

совершение или несовершение конкретного действия и определение этого действия как девиантного или недевиантного. Данная теория — это теория, касающаяся не одной из полученных ячеек, а всех четырех ячеек и связей между ними. В какую из ячеек мы поместим соответствующую девиацию, не столь важно (это вопрос простого определения, хотя, как и все подобные вопросы, нетривиальный), важнее понять, чего мы лишимся, если будем рассматривать какую-либо ячейку саму по себе, вне связей с другими.

Моя собственная первоначальная формулировка породила определенную путаницу, поскольку одна из переменных обозначалась как «подчинение правилу» (в противоположность «нарушению правила»). Данное различие предполагало, что факт нарушения правила уже установлен, хотя, разумеется, как раз именно это теория стремилась поставить под вопрос. Думаю, лучше описать это измерение как совершение или несовершение определенного действия. Конечно, обычно мы изучаем действия, которые остальные чаще всего определяют как девиантные; это максимизирует наши шансы вскрыть сложную драму обвинения и определения, которая составляет предмет наших исследований. Так, нас может интересовать, курит ли человек марихуану или совершает ли он гомосексуальные действия в общественных туалетах, отчасти потому, что эти действия скорее всего будут определяться как девиантные, если о них станет известно. Мы, разумеется, изучаем их как явления, интересные и с другой точки зрения. Например, исследуя потребление марихуаны, мы можем проанализировать, как люди учатся интерпретировать свой физический опыт в процессе социального взаимодействия¹². Исследуя гомосексуальные свидания в общественных туалетах, мы можем выяснить, как люди координируют свои действия посредством скрытой коммуникации¹³. Мы также можем задаться во-

12 *Becker. Outsiders.*

13 *Laud Humphreys. Tearoom Trade (Chicago: Aldine, 1970).*

просом, насколько высокая вероятность того, что некий поступок будет определяться как девиантный, влияет на усвоение и продолжение соответствующей деятельности. Было бы хорошо иметь термин, обозначающий, что другие скорее всего будут определять такие действия как девиантные, но при этом не предполагающий вынесения научного суждения о том, что рассматриваемое действие действительно девиантно. Я предлагаю называть подобные действия «потенциально девиантными».

Следовательно, теория наклеивания ярлыков не является теорией (со всеми достижениями и обязательствами, которые влечет за собой этот статус) и не фокусируется исключительно на акте наклеивания ярлыка, как полагали некоторые. Скорее это способ рассмотрения всей области человеческой деятельности, перспектива, чья ценность (если таковая имеется) заключается в углублении нашего понимания вещей, о которых мы прежде имели смутное представление. (Я поддамся своей нелюбви к ярлыку, закрепившемуся за данной теорией, и с этого момента буду называть ее интеракционистской теорией девиантности.)

Девиация как коллективное действие

Социологи единодушны в том, что они изучают общество, но консенсус сохраняется лишь до тех пор, пока мы не начинаем пристально изучать природу общества. Я предпочитаю называть то, что мы изучаем, *коллективным действием*. Как лучше всех показали Мид¹⁴ и Блумер¹⁵, люди действуют *совместно*. Они делают то, что делают, с огляд-

14 *George Herbert Mead*. Mind, Self, and Society (Chicago: University of Chicago Press, 1934).

15 *Herbert Blumer*. Threats from Agency-Determined Research: The Case of Camelot // *Irving Louis Horowitz* (ed.). The Rise and Fall of Project Camelot (Cambridge: MIT Press, 1967). P. 153–174; *Герберт Блумер*. Методологическая позиция символического интеракционизма // *Герберт Блумер*. Символический интеракционизм: перспектива и метод / Пер. с англ. Андрея Корбута (Москва: Элементарные формы, 2017). С. 37–117.

кой на то, что сделали, делают или могут сделать в будущем другие. Каждый пытается подстроить свою линию действия под действия других, каждый из которых аналогичным образом приспособливает свои разворачивающиеся действия к воспринимаемым и ожидаемым действиям других. Итог всех этих приспособлений и подстроек может быть назван коллективным действием, в особенности если учитывать, что данный термин охватывает не только сознательное коллективное решение, например решение устроить забастовку, но и школьный урок, совместный прием пищи или переход улицы — каждое из этих событий рассматривается как нечто, совместно осуществляемое множеством людей.

Используя термины вроде «приспособления» и «подстройки», я не предлагаю излишне миролюбивый взгляд на социальную жизнь и не утверждаю, что люди обязаны подчиняться социальным ограничениям. Я лишь имею в виду, что люди обычно принимают в расчет то, что происходит вокруг них и что, вероятно, произойдет после того, как они решат, что им делать. Приспособление может заключаться как в решении заложить бомбу *там*, потому что полиция скорее всего будет следить *здесь*, так и в решении вообще не создавать бомб и даже не помышлять об этом, поскольку полиция следит.

В предшествующем обсуждении я также не имел в виду, что социальная жизнь состоит исключительно из контактов лицом к лицу между индивидами. Индивиды могут участвовать в интенсивном и непрерывном взаимодействии, при этом никогда не встречаясь лицом к лицу; например, взаимодействие коллекционеров марок происходит в основном по почте. Кроме того, взаимные уступки, подстройка и взаимное приспособление линий деятельности осуществляются также во взаимодействии между группами и организациями. Именно таков характер политических процессов, сопутствующих драме девиантности. Коммерческие организации, профессиональные ассоциации, профсоюзы, лоббисты, блюстители морали

и законодатели взаимодействуют с целью создания условий, при которых те, кто принуждает к соблюдению законов от имени государства, например, взаимодействуют с теми, кто подозревается в их нарушении.

Если мы можем рассматривать всякую человеческую деятельность как коллективную, таким же образом мы можем рассматривать и девиантность. Что мы получим в итоге? Один из результатов — общий подход, который я буду называть интеракционистским. В своей простейшей форме данная теория заставляет принимать во внимание всех людей, вовлеченных в какой-либо эпизод предположительной девиантности. В этом случае мы видим, что осуществление соответствующих действий требует явной или неявной координации множества людей и групп. Когда рабочие договариваются снизить промышленное производство¹⁶, в этом им помогают инспекторы, технический персонал и заведующий складом инструментов. Когда сотрудники промышленных компаний воруют, они совершают это при активном содействии тех, кто находится выше и ниже их в иерархии компании¹⁷. Уже эти наблюдения ставят под сомнение теории, авторы которых ищут источник девиантной деятельности в индивидуальной психологии, поскольку, чтобы объяснить сложные формы наблюдаемой нами коллективной деятельности, нам пришлось бы допустить невероятное совпадение индивидуальных патологий. Поскольку с теми, чьи механизмы контроля реальности неадекватны, сложно кооперироваться, люди с психологическими проблемами плохо подходят для преступного сговора.

Если мы рассмотрим девиацию как коллективное действие, мы сразу увидим, что люди действуют с оглядкой на реакцию других участников деятельности. Они

16 *Donald Roy*. Efficiency and «The Fix»: Informal Intergroup Relations in a Piecework Machine Shop // *American Journal of Sociology*. 1954. Vol. 60. № 3. P. 255–266.

17 *Melville Dalton*. *Men Who Manage* (New York: John Wiley and Sons, 1959).

учитывают, как соратники оценят их поступки и как эта оценка повлияет на их престиж и положение. Например, преступники, которых исследовали Шорт и Штродбек¹⁸, совершали некоторые вещи, которые доставляли им неприятности, ради того, чтобы сохранить свою репутацию в банде.

Если мы принимаем во внимание всех людей и все организации, вовлеченные в эпизод потенциально девиантного поведения, мы также видим, что совершающаяся коллективная деятельность включает кое-что еще помимо предполагаемых проступков. Разворачивается драма, ключевым элементом которой выступают обвинения в неподобающем поведении. Эриксон¹⁹ и Дуглас²⁰, в числе прочих, показали, что изучение девиантности является по сути изучением процесса конструирования и подтверждения моральных смыслов в повседневной социальной жизни. Некоторые из главных действующих лиц не совершают нарушения, а принуждают других к соблюдению закона или морали, обвиняя их в нарушениях, беря их под стражу, предавая их суду или самостоятельно наказывая. Если мы будем достаточно долго и внимательно наблюдать за ними, мы увидим, что они поступают так иногда, а не всегда, с одними людьми, а не с другими, в одних местах, а не в других. Эти расхождения ставят под вопрос простое представление о том, какие действия в конечном итоге считаются нарушением. Мы видим, что часто сами действующие лица не имеют единого мнения о том, что является девиантным, и нередко сомневаются в девиантности определенного действия. Между судами возникают разногласия; полицейские делают исключе-

18 *James F. Short Jr., Fred L. Strodbeck. Group Process and Gang Delinquency* (Chicago: University of Chicago Press, 1965).

19 *Erikson. Op. cit.*

20 *Jack D. Douglas. Deviance and Respectability: The Social Construction of Moral Meanings // Jack D. Douglas (ed.). Deviance and Respectability: The Social Construction of Moral Meanings* (New York: Basic Books, 1970). P. 3–30.

ния, даже когда закон предельно ясен; занимающиеся незаконной деятельностью не соглашаются с официальными определениями. Мы видим, далее, что некоторые действия, которые, согласно общепринятым представлениям, должны однозначно определяться как девиантные, никем не определяются подобным образом. Мы видим, что лица, принуждающие к соблюдению закона и морали, зачастую медлят и оставляют определенные действия без внимания или наказания, потому что дать ход делу слишком сложно, потому что их ресурсы ограничены и они не могут привлечь к ответственности всех, потому что у нарушителя достаточно власти, чтобы оградить себя от их посягательств, или потому что им заплатили, чтобы они закрыли глаза.

Если социологу нужны точные определения категорий «преступление» и «девиация» и он ожидает, что будет способен четко сказать, совершено ли соответствующее действие, чтобы иметь возможность выявить его корреляты, для него эти аномалии будут представлять проблему. Он может надеяться, что усовершенствование техник сбора и анализа данных позволит избавиться от них. Долгая история попыток разработки подобных инструментов говорит нам, что эта надежда несбыточна: данная область человеческих занятий не подтверждает веру в неизбежность прогресса.

Проблема не в технике. Проблема в теории. Мы можем сконструировать рабочие определения конкретных действий, которые могут совершаться людьми, либо конкретных категорий девиаций, как они определяются окружающими (в особенности властями, но не только). Но мы не можем сделать так, чтобы эти определения полностью совпадали, потому что они не совпадают эмпирически. Они относятся к двум разным, хотя и пересекающимся, системам коллективного действия. Одна система состоит из индивидов, которые кооперируются для совершения девиантного действия. Другая состоит из людей, которые кооперируются для постановки моральной драмы, в ходе

которой «нарушение» придается огласке и становится объектом санкций в рамках либо формально-юридической, либо более или менее неформальной процедуры.

Интеракционистские теории вызывают жаркие споры в значительной степени из-за двусмысленности, вызванной тем, что одно и то же слово «девиация» применяется к двум разным процессам, происходящим в этих двух системах²¹. С одной стороны, некоторые исследователи хотят, чтобы «девиацией» назывались действия, которые для любого «разумного» члена общества или в соответствии с общепринятым определением (вроде нарушения предположительно существующего правила, статистической редкости или психологической патологии) являются проступками. Эти исследователи хотят сосредоточиться на системе действия, к которой относятся соответствующие поступки. Одновременно эти же исследователи хотят использовать данное слово для обозначения людей, которых воспринимают и с которыми обращаются как с людьми, совершившими данный поступок. В этом случае они хотят сосредоточиться на системе действия, к которой относятся соответствующие суждения. Такая двузначность термина не приводит к искажению, если и только если совершившие действие и задержанные за него — одни и те же лица. Но мы знаем, что это не так. Следовательно, если мы берем в качестве единицы исследования тех, кто совершил действие (допуская, что мы способны их идентифицировать), мы неизбежно включаем тех, кто не был задержан и не получил ярлык; если же мы берем в качестве единицы тех, кто был задержан и получил ярлык, мы неизбежно включаем тех, кто никогда не совершал данное действие, но с которыми поступили так, словно они совершили его²².

21 Хороший пример см. в: *Rodolfo Alvarez. Informal Reactions to Deviance in Simulated Work Organizations: A Laboratory Experiment // American Sociological Review. 1968. Vol. 33. № 6. P. 895–912.*

22 *John I. Kitsuse, Aaron V. Cicourel. A Note on the Uses of Official Statistics // Social Problems. 1963. Vol. 11. № 2. P. 131–139.*

Оба варианта не очень приятны. Теоретики-интеракционисты предложили рассматривать эти две системы как различные, отмечая моменты, когда они пересекаются и взаимодействуют, но не постулируя их заранее. Так, можно изучать формирование наркозависимости, как делали Линдсмит²³ и я, рассматривая этиологические вопросы и при этом никогда не предполагая, что действия исследуемых обязательно связаны с обобщенным качеством девиантности. Либо можно, как это делается во многих современных исследованиях²⁴, анализировать драму моральной риторики и действий, в ходе которой выдвигаются, признаются, отвергаются и становятся предметом борьбы обвинения в девиантности. Главное достижение интеракционистской теории состоит в том, что она сделала эту драму предметом изучения, обратив особое внимание на некоторых относительно плохо исследованных действующих лиц — на тех, кто обладает достаточной властью, чтобы их обвинения в девиации были признаны: полицейских, судей, врачей, школьное начальство и родителей.

Своими первоначальными формулировками я намеревался подчеркнуть логическую независимость действий и оценок, которые им дают люди. Эти формулировки, однако, содержали неясности, граничащие с внутренней противоречивостью, в частности в связи с понятием «скрытая девиантность»²⁵. Анализ этих неясностей и некоторых возможных способов избавления от них показывает, что, по всей видимости, наиболее плодотворным направлением развития теории является более детальный, нежели ранее, анализ девиации как коллективного действия.

Если мы изначально утверждаем, что действие является девиантным, когда оно определяется соответствующим

23 *Alfred R. Lindesmith*. *Addiction and Opiates* (Chicago: Aldine, 1968).

24 Например: *Joseph R. Gusfield*. *Symbolic Crusade* (Urbana: University of Illinois Press, 1963).

25 Джек Кац* и Джон Китсьюз оказали мне значительную помощь в переосмыслении проблемы скрытой девиантности.

образом, то что значит называть действие примером скрытой девиантности? Поскольку никто не определил его как девиантное, оно, по определению, не может быть таковым, однако слово «скрытая» указывает, что *мы* знаем, что оно девиантное, даже если об этом не знает больше никто. Лорбер частично разрешила этот парадокс²⁶, показав, что в ряде важных случаев сам действующий определяет свой поступок как девиацию (даже если он сумел утаить его от окружающих) либо решая, что этот поступок действительно был девиантным, либо признавая, что так решили бы остальные.

Но что, если действующий не дал такое определение? Что, если — еще более показательный случай — не было действий, которые, по мнению ученых, можно было бы так определить? (На ум приходят нарушения вроде колдовства²⁷; нельзя представить себе случай скрытого колдовства, поскольку мы «знаем», что на самом деле никто не способен сношаться с дьяволом или вызывать бесов.) Ни в том, ни в другом случае самоопределение не поможет нам разрешить парадокс. Но мы можем расширить идею Лорбер, поскольку эта идея предполагает существование процедуры, применение которой соответствующими людьми приведет их к такому выводу на основе «фактов» конкретного случая. У людей, которые верят в ведьм, есть способы узнать наверняка, имело ли место колдовство. Мы можем знать обстоятельства в достаточной мере, чтобы быть уверенными: если эти люди воспользуются данными методами, они придут к заключению, что было совершено колдовство. В случае более реальных нарушений мы можем, например, знать, что у человека в кармане есть что-то, за что против него было бы выдвинуто обвинение в хранении наркотиков, если бы полицейские его обыскали.

26 *Judith Lorber. Deviance and Performance: The Case of Illness // Social Problems. 1967. Vol. 14. № 3. P. 302–310.*

27 *Henry Selby. Not Every Man Is Humble. Unpublished manuscript.*

Другими словами, скрытая девиантность заключается в том, что человек уязвим для обычно применяемых процедур выявления того или иного вида девиации, то есть находится в положении, позволяющем легко подтвердить определение. Коллективный характер этой ситуации обуславливается коллективным признанием процедур выявления и доказательства девиантности.

Однако, даже с учетом этой оговорки, сложности остаются. В другом важном классе случаев — конструировании правил *ex post facto* — никакая скрытая девиантность невозможна, потому что правила не существует, пока не выдвигается предположение о совершении определенного действия²⁸. Процедуры выявления нарушений позволяют установить факты, которые позже кто-то использует для доказательства совершения девиантного поступка, но индивид не мог быть девиантом — скрытым или нет, — потому что не было правила. Однако его, по-видимому, могут определять как девианта, если то, что он предположительно совершил, становится известным и кто-то решает, что, даже если правила, запрещающего этот поступок, не было, оно должно быть. Был ли он до этого скрытым девиантом?

Парадокс разрешится, если мы поймем, что, как и все остальные формы коллективной деятельности, поступки и определения в драме девиантности разворачиваются во времени и меняются с его течением. Определения поведения последовательно сменяют друг друга: действие может определяться как недевиантное в момент t_1 и как девиантное в момент t_2 без допущения, что оно одновременно является и тем, и другим. Предыдущее обсуждение показывает, что действие может *не* быть скрытой девиацией в момент t_1 , поскольку никакая доступная в тот момент процедура не могла предоставить доказательства, которые были бы признаны компетентными судьями свиде-

28 Jack Katz. Deviance, Charisma and Rule-Defined Behavior // Social Problems. 1972. Vol. 20. № 2. P. 186–202.

тельствами девиантности данного действия. То же самое действие *может* быть скрытой девиацией в момент t_2 , поскольку за прошедшее время было создано новое правило и теперь существует процедура, позволяющая установить его девиантность.

Последнее утверждение напоминает о важной роли, которую играет власть в интеракционистских теориях девиантности²⁹. При каких обстоятельствах мы создаем правила и принуждаем к их соблюдению *ex post facto*? Думаю, эмпирическое исследование покажет, что это происходит, когда одна сторона отношений значительно могущественнее другой и способна навязать свою волю вопреки возражениям остальных, но желает сохранить видимость справедливости и рациональности. Это типично для отношений родителей и детей и для аналогичных патерналистских форм отношений, например между социальным работником и его клиентом или учителем и учеником.

Рассматривая девиацию как форму коллективного действия, которую необходимо исследовать во всех ее проявлениях, как и любую другую форму коллективного действия, мы понимаем, что объект нашего исследования — не изолированное действие, чье происхождение нам предстоит выяснить. Скорее, действие, которое было предположительно совершено, встроено в сложную сеть действий других людей и отчасти наследует эту сложность, отражая, каким образом разные индивиды и группы определяют его. Это наблюдение применимо и к нашим исследованиям любой другой сферы социальной жизни. Однако знание этого не освобождает нас полностью от ошибок, так как наши теории и методы являются постоянным источником проблем.

29 Irving Louis Horowitz, Martin Liebowitz. Social Deviance and Political Marginality: Toward a Redefinition of the Relation Between Sociology and Politics // Social Problems. 1968. Vol. 15. № 3. P. 280–296.

Демистификация девиантности

Социологи сами создают себе проблемы своей почти неискоренимой привычкой мистифицировать обычные события и действия. Я помню, как на одном из первых занятий в аспирантуре Эрнст Бёрджесс* предостерег нашу группу новичков об опасности сбиться с пути, если мы поддадимся здравому смыслу. Параллельно Эверетт Хьюз требовал от нас, чтобы мы уделяли пристальное внимание тому, что можем увидеть и услышать своими глазами и ушами. Некоторые из нас считали, что эти два императива несовместимы, однако ради сохранения душевного здоровья подавляли свое недоумение.

Оба предписания во многом верны. Здравый смысл, в одном из его пониманий, способен вводить в заблуждение. Этот здравый смысл — традиционная народная мудрость, совокупность «всем известных» вещей, которыми дети овладевают в процессе взросления, повседневные стереотипы. Сюда же относятся социологические обобщения относительно природы социальных явлений, корреляции между социальными категориями (например, между расой и преступностью или классом и интеллектом) и этиологии проблемных социальных состояний вроде бедности и войны. Обобщения, предлагаемые здравым смыслом, по своей формальной структуре напоминают обобщения в социальных науках; отличаются они в основном иммунитетом к противоречащим наблюдениям. Обобщения в социальных науках — в идеале и зачастую в действительности — меняются, когда новые наблюдения показывают, что эти обобщения некорректны. Обобщения здравого смысла не меняются под влиянием наблюдения. Данная разновидность здравого смысла, поскольку ее ошибки не случайны, поддерживает сложившиеся институты.

Другое понимание здравого смысла подразумевает, что обычный человек, чья голова не забита красивыми теориями и абстрактными академическими понятиями, способен хотя бы понять, что находится у него под но-

сом. Столь различные философские учения, как прагматизм и дзен-буддизм, с уважением относятся к способности обычного человека вроде Санчо Пансы понимать, что в действительности ветряная мельница — это ветряная мельница. С какой стороны на нее ни погляди, считать ее рыцарем на коне — заблуждение.

Социологи часто игнорируют уроки этой версии здравого смысла. Мы можем не превращать ветряные мельницы в рыцарей, но мы часто превращаем коллективную деятельность — действия, совместно совершаемые людьми, — в абстрактные сущительные, слабо связанные с совместными действиями людей. В результате мы обычно теряем интерес к повседневным вещам, которыми на самом деле занимаются люди. Мы игнорируем то, что видим, потому что оно лишено абстрактности, и гоняемся за незримыми «силами» и «условиями», которые, как мы привыкли думать, изучает социология.

Начинающие социологи часто сталкиваются с большими трудностями при проведении полевых исследований, поскольку не узнают в человеческой деятельности, которую наблюдают вокруг себя, социологию, известную им по книгам. Они проводят восьмичасовое наблюдение на фабрике или в школе и возвращаются с двумя страницами записей, объясняя это тем, что «ничего не происходило». Они имеют в виду, что не наблюдали случаев аномии, стратификации, бюрократии или любой другой традиционной социологической темы. Они не понимают, что эти термины придуманы, чтобы нам было удобнее управляться с большим количеством случаев совместной деятельности, которые нам показались в некотором отношении достаточно похожими, чтобы для наших аналитических целей мы могли считать их идентичными. Пренебрегая здравым смыслом, новички игнорируют происходящее вокруг них. Не фиксируя детали повседневной жизни в своих записях, они лишаются возможности использовать их для изучения абстракций вроде аномии или тех, которые они могли бы создать сами. Систематизация процедуры, позволяю-

щей переходить от фиксации этнографических деталей к понятиям, подходящим для анализа проблем, с которых мы начали исследование или о которых мы узнали в ходе исследования, — важная методологическая задача.

И, наоборот, люди, которых изучают социологи, часто с трудом узнают себя и свои действия в социологических текстах, написанных о них. Нас это должно беспокоить больше, чем беспокоит сейчас. Мы не должны рассчитывать, что обычные люди сделают анализ за нас. Но мы не должны и игнорировать те проблемы, с которыми привыкли иметь дело обычные люди, когда мы описываем или выдвигаем предположения относительно того, как они осуществляют свою деятельность. Многие теории девиантности имплицитно или эксплицитно утверждают, что в основе того или иного действия, потенциально нарушающего правила, лежит набор определенных установок, даже если сама теория опирается на данные (например, официальную статистику), которые не могут это подтвердить. Взгляните на описания психологического состояния людей в теориях аномии, начиная с Дюркгейма и Мертона и заканчивая Кловардом* и Олином*. Если исследуемые не могут узнать себя в этих описаниях без подсказок, это должно нас настораживать.

Проблема не только в том, что действующие могут не узнавать себя в описаниях их собственных психологических состояний. Зачастую они не могут узнать действия, которые они предположительно осуществляют, потому что социолог не наблюдал внимательно за этими действиями или не уделял внимания их деталям, когда это было необходимо. Это упущение имеет серьезные последствия. Оно мешает интегрировать реальные обстоятельства деятельности в наши теории, не позволяет учитывать действительные ограничения и возможности. Может выясниться, что мы теоретизируем о действиях, которые никогда не осуществлялись так, как мы это себе представляем.

Если мы тщательно проанализируем то, что наблюдаем, мы скорее всего увидим вещи, на которые обращает внимание интеракционистская теория. Мы увидим, что люди, совершающие действия, которые принято считать девиантными, мотивированы не загадочными, неизведанными силами. Они делают то, что делают, во многом по тем же самым причинам, которые объясняют более привычные действия. Мы увидим, что социальные правила отнюдь не статичны и неизменны, а постоянно конструируются заново в каждой ситуации, чтобы соответствовать интересам, желаниям и властным позициям различных участников. Мы увидим, что действия, считающиеся девиантными, часто требуют наличия разветвленных сетей кооперации, которые вряд ли смогут поддерживать люди, страдающие серьезными психическими нарушениями. Интеракционистская теория может быть практически неизбежным следствием проверки наших теорий девиантности пристальным наблюдением за вещами, о которых должны говорить эти теории.

Поскольку и здравый смысл, и наука предписывают нам тщательно изучать вещи, прежде чем начинать теоретизировать о них, выполнение этого требования приводит к появлению сложной теории, которая учитывает действия и реакции каждого, кто вовлечен в те или иные эпизоды девиантности. В данной теории вопросы, касающиеся того, действительно ли были совершены предполагаемые действия и верны ли официальные отчеты и в какой степени, нуждаются в эмпирическом исследовании (вместо того, чтобы решаться на уровне допущений). В итоге (и это создает серьезные трудности для старых форм изучения девиантности) возникают большие сомнения насчет полезности статистических рядов и официальных данных, которыми привыкли пользоваться исследователи. Я не буду пересказывать ключевые аргументы за и против официальной статистики, а также предлагавшиеся новые способы ее использования; я лишь отмечу, что более внимательное изучение совместно действующих

людей показало, что статистика тоже производится совместно действующими людьми и должна рассматриваться в этом контексте³⁰.

Связь между интеракционистской теорией девиантности и интенсивными полевыми наблюдениями как основным методом сбора данных не случайна. Однако, на мой взгляд, это не обязательная связь. Интеракционистская теория вырастает из образа мыслей, предполагающего серьезное отношение к повседневности и отказ от апелляции к загадочным незримым силам как объяснительным механизмам. Безусловно, подобный образ мыслей приносит плоды, когда постоянно имеешь дело с деталями явлений, которые хочешь объяснить, во всей их сложности. Если под рукой только обрывки фактов, которые можно найти в официальных документах или в ответах на вопросы анкеты, конструировать мифических нарушителей и наделять их любыми качествами, которые наилучшим образом подходят под гипотетические объяснения, гораздо легче. Как показал Гальтунг³¹ в связи с другим вопросом, мифические конструкты неспособны выдержать натиск противоречащих им фактов, обнаруживаемых в результате тесного знакомства.

Некоторые отмечали, что слишком сильный акцент на непосредственном наблюдении может вынуждать преднамеренно ограничиваться группами и местами, к которым можно легко получить доступ, вследствие чего мы

30 См.: *Kitsuse, Cicourel*. Op. cit.; *Harold Garfinkel, Egon Bittner*. «Good» Organizational Reasons for «Bad» Clinic Records // *Harold Garfinkel*. Studies in Ethnomethodology (Englewood Cliffs: Prentice-Hall, 1967). P. 186–207; *Aaron Cicourel*. The Social Organization of Juvenile Justice (New York: John Wiley and Sons, 1968); *Albert D. Biderman, Albert J. Reiss Jr.* On Exploring the Dark Figure // *Annals of the American Academy of Political and Social Science*. 1967. Vol. 374. P. 1–15; *Jack D. Douglas*. The Social Meanings of Suicide (Princeton: Princeton University Press, 1967).

31 *Johan Galtung*. Los factores socioculturales y el desarrollo de la sociología en América Latina // *Revista Latinoamericana de Sociología*. 1965. Vol. 1. P. 72–102.

не будем изучать влиятельных людей и группы, которые способны защититься от нашего вторжения. В этом смысле предпочтение техники наблюдения может противоречить теоретической рекомендации изучать все стороны драмы девиантности и способно в некоторой степени нивелировать преимущества интеракционистского подхода. Избежать этой опасности можно, если разнообразить наши методы и проявлять бóльшую изобретательность при использовании техник наблюдения. Миллс³², в числе прочих, демонстрирует, как можно применять различные методы для изучения властных групп, в особенности — документов, которые становятся доступны широкой общественности по недосмотру государственных ведомств или потому, что власть имущие иногда борются друг с другом, тем самым снабжая нас данными. Точно так же мы можем использовать техники ненавязчивого проникновения и случайного доступа³³, осуществляя с их помощью прямое наблюдение³⁴.

Социологи в основном не проявляли желания заниматься тщательным изучением того, что находится у них под носом, к которому я здесь призывал. Такое нежелание было особенно сильным в исследованиях девиантности. Его преодоление позволило добиться в исследованиях девиантности того же, что было достигнуто в результате аналогичных сдвигов в исследованиях промышленности, образования и сообществ. В то же время оно морально усложнило наши теории и исследования. К обсуждению этих проблем я сейчас и перейду.

32 *Райт Миллс*. Властвующая элита / Пер. с англ. Е. И. Розенталь, Л. Г. Рошаль, В. Л. Кона под ред. Л. Я. Розовского (Москва: Изд-во иностранной литературы, 1959).

33 *Howard S. Becker, Raymond W. Mack*. Unobtrusive Entry and Accidental Access to Field Data. Unpublished paper presented at a conference on Methodological Problems in Comparative Sociological Research (Institute for Comparative Sociology, Indiana University, 1971).

34 Проблемы доступа и выборки обсуждаются в нескольких статьях в: *Robert W. Habenstein* (ed.). *Pathways to Data: Field Methods for Studying Ongoing Social Organizations* (Chicago: Aldine, 1970).

Моральные проблемы

Моральные проблемы возникают во всех социологических исследованиях, однако в случае интеракционистских теорий девиантности они стоят особенно остро. Эти теории подвергались моральной критике как со стороны представителей политического центра, так и со стороны левых политиков и приверженцев левых взглядов. Интеракционистские теории обвиняли в оказании помощи врагу; при этом врагами могли быть как те, кто угрожает стабильности существующего порядка, так и политическая элита. Их обвиняли в открытой поддержке неконвенциональных норм, в отказе от антиэлитистской позиции и (с точки зрения сторонников левых взглядов) в притворном согласии с антиэлитистскими принципами при скрытом одобрении *status quo*.

Подрывной характер интеракционистских теорий.

Многие критики (необязательно консервативно настроенные, хотя есть и такие) считают, что интеракционистские теории девиантности открыто или скрыто нападают на общепринятую мораль, целенаправленно не признавая предлагаемые ею определения того, что является и что не является девиацией, и подвергая сомнению допущения, которыми руководствуются традиционные организации, имеющие дело с девиантностью. Лемерт, например, пишет³⁵:

На первый взгляд может показаться, что социология девиантности предлагает относительно беспристрастный научный подход к изучению определенных типов социальных проблем. Однако ее настрой, тон и выбор исследовательских объектов выдают сильную и стойкую критическую установку в отношении идеологии, ценностей и методов государственных органов социального контроля. В радикальных случаях девиация представляется не более чем результатом произвольных, случайных или предвзятых решений, принятие которых следует понимать как социопсихологический процесс, в ходе которого группы пытаются создать условия для

35 Lemert. Human Deviance. P. 24.

сохранения устоявшихся ценностей и способов поведения либо усиления власти отдельных групп. Возникает ощущение, что органы социального контроля описываются и анализируются, чтобы продемонстрировать их неспособность делать то, что они пытаются делать, и их эпизодические посягательства на «неотчуждаемые права» и «свободы». Так понятая социология девиантности является скорее социальной критикой, чем наукой. Она мало что дает для усиления и поддержки тех решений и средств контроля, которые действительно необходимы для сохранения уникального качества нашего общества — права на выбор.

Эти критики полагают, что принципиальное стремление рассматривать официальные и общепринятые точки зрения в качестве объектов исследования, а не фактов или самоочевидных истин свидетельствует о намерении разрушить социальный порядок³⁶.

Обратимся еще раз к критическому аргументу, что «теория наклеивания ярлыков» безнадежно смешивает объясняемое и объяснение. Если она рассматривает девиантность исключительно как проблему определения со стороны тех, кто на нее реагирует, но одновременно постулирует существование чего-то-девиантного-на-что-они-реагируют, тогда девиантность должна каким-то образом существовать до реакции. Некоторые критики не обращают внимания на реальные логические трудности, которые я обсуждал ранее, вместо этого настаивая на том, что действию, которое может считаться девиантным, присуще определенное свойство, не зависящее ни от чьей реакции. Обычно таким свойством объявляется нарушение принятого правила³⁷. Критики считают, что теоретики, не признающие, что некоторые действия действительно девиантны, хотя бы в смысле нарушения правил, извращают реальность.

Но теоретики-интеракционисты (не так уж извращающие реальность) подчеркивали независимость действия и реакции и строили пространство из четырех ячеек путем комбинации измерений совершения или несоверше-

³⁶ Bordua. Op. cit.

³⁷ Например: Gibbs. Op. cit.; Alvarez. Op. cit.

ния потенциально девиантного действия и наличия или отсутствия реакции, определяющей его как девиацию. В этой процедуре критиков, видимо, не устраивает то, что термин «девиантность» чаще применялся к паре ячеек, в которые попадают действия, определяемые как девиантные независимо от того, имели место предполагаемые поступки или нет. Такой выбор, вероятно, отражает нежелание исследователей соглашаться с уничижительной классификацией потенциально девиантных действий. Это нежелание обусловлено их представлением о ситуативном характере правил, которые существуют исключительно в рамках постоянно обновляемого в каждой ситуации консенсуса, а не в качестве устойчивых воплощений базовых ценностей³⁸.

Как бы то ни было, если бы среди интеракционистов было принято называть девиацией совершение потенциально девиантных действий, какова бы ни была реакция на них, мало кто стал бы возражать. Многие из нас обращались с данным термином достаточно свободно, обозначая им все три случая, когда могла бы предполагаться девиантность: совершение потенциально девиантного действия без определения его как девиантного, определение действия как девиантного без его совершения и наличие того и другого. Такая небрежность заслуживает критики, но важно, что поодиночке эти случаи не исчерпывают девиантность, — она заключается во взаимодействии всех вовлеченных сторон.

Вернемся к основному аргументу. Подлинную угрозу социальному порядку представляет позиция, согласно которой объектами исследования являются все вовлеченные стороны. Предыдущее определение поля исследований девиантности как области изучения людей, подозреваемых в нарушении правил, демонстрировало почтение

38 См. понятие «переговорного порядка» в: *Anselm L. Strauss, Leonard Schatzman, Rue Bucher, Danuta Ehrlich, Melvin Sabshin. Psychiatric Ideologies and Institutions* (New York: The Free Press of Glencoe, 1964).

к этому порядку, поскольку исключало из исследования создателей правил и тех, кто принуждает к их соблюдению. Быть исключенным из исследования означает, что твои притязания, интерпретации и утверждения о действительности не подвергаются критическому анализу³⁹.

Нежелание интеракционистов соглашаться с общепринятыми теориями привело к формированию критической позиции в отношении заявлений существующих органов власти и моральных авторитетов и к ответной враждебности их представителей и защитников к интеракционистскому анализу. Так, полицейские начальники утверждают, что большинство полицейских — честные ребята, за исключением нескольких паршивых овец, которые есть в любом стаде. Социологические исследования, показывающие, что ненадлежащее поведение полицейских обусловлено структурными императивами, встроенными в организацию их работы, вызывают у полиции желание «защититься» от социологов. Аналогично, утверждение, что психическая болезнь — вопрос социального определения⁴⁰, вызывает возражение, что люди в психиатрических лечебницах действительно больны⁴¹, — ответ, который упускает суть аргумента об определении, сводя его к моральному аргументу, в противовес которому утверждается, что психиатры, в конце концов, понимают, что делают.

Интеракционистские теории поддерживают существующий порядок. По только что изложенным причинам интеракционистские теории кажутся (вполне оправданно) близкими к левым политическим движениям. Намеренно или нет, но они подрывают традиционные способы

39 *Howard S. Becker. Whose Side Are We On? // Social Problems. 1967. Vol. 14. № 3. P. 239–247.*

40 Например: *Thomas J. Scheff. Being Mentally Ill (Chicago: Aldine, 1966).*

41 *Walter R. Gove. Societal Reaction as an Explanation of Mental Illness: An Evaluation // American Sociological Review. 1970. Vol. 35. № 5. P. 873–884; Walter R. Gove. Who is Hospitalized: A Critical Review of Some Sociological Studies of Mental Illness // Journal of Health and Social Behavior. 1970. Vol. 11. № 4. P. 294–303.*

мышления и сложившиеся институты. Несмотря на это, левые критиковали данные теории, воспроизводя более центристские возражения⁴². Как сторонники сложившихся институтов питают неприязнь к интеракционистским теориям за то, что те подвергают сомнению их предпосылки и легитимность, так и люди, считающие эти институты прогнившими, недовольны тем, что интеракционистские теории не говорят об этом напрямую. И те и другие выражают недовольство неоднозначной моральной позицией, усматривая проблему в злосчастной идеологии «свободы от ценностей», которая претендует на нейтральность, но на деле поддерживает, соответственно, либо «радикальную», либо «чисто либеральную» идеологию⁴³.

Очевидно, проблема возникает из-за двусмысленности понятия свободы от ценностей. Думаю, любой социолог согласится, что при наличии вопроса и способа получения ответа на него все ученые, каких бы политических или других ценностей они ни придерживались, должны прийти примерно к одному и тому же ответу — ответу, продиктованному миром упрямых фактов, который существует «там», что бы мы про него ни думали. Если социолог ле-

42 Ричард Берк* в разговоре со мной отметил, что хроническая трудность с определением того, кто является левым или «радикалом», приводит к ситуации, когда обсуждаемые мной критические аргументы, хотя их выдвигают люди, считающие себя левыми и считающиеся таковыми кое-кем еще, не вытекают из марксистского анализа общества, который является, вероятно, наиболее подходящим претендентом на звание «левого». Берк также предположил, что левая критика могла бы фокусироваться на том, в какой степени имеется преемственность между характерным для этой традиции анализом общественных классовых групп и интенсивным исследованием более мелких единиц, типичным для интеракционистских теорий девиантности. Мне кажется, преемственность существует, но я сейчас не готов это доказать.

43 *Milton Mankoff*. Power in Advanced Capitalist Society: A Review Essay on Recent Elitist and Marxist Criticism of Pluralist Theory // *Social Problems*. 1970. Vol. 17. № 3. P. 418–430; *Alexander Liazos*. The Poverty of the Sociology of Deviance: Nuts, Sluts, and Perverts // *Social Problems*. 1972. Vol. 20. № 1. P. 103–120.

вых убеждений предлагает класть в основу политических действий результаты своих или чужих исследований, ему лучше стремиться к получению такого ответа и надеяться, что это возможно. В противном случае его действия могут потерпеть неудачу из-за того, что его ценности не позволяют ему увидеть.

Против этой простой формулировки нечего возразить. Но все социологи в той или иной степени не достигают данной цели, причиной чего могут быть ценности ученого. Мы можем ошибиться при подсчете черных граждан в ходе переписи, поскольку полагаем, что задача не стоит тех дополнительных сложностей, с которыми можно столкнуться при поиске этих людей, учитывая их образ жизни. Мы можем потерпеть неудачу при изучении полицейской коррупции, поскольку полагаем, что ее скорее всего не существует или что не стоит привлекать к ней внимание, если она существует. Мы можем считать, что можно понять политический протест, изучая личность протестующих, тем самым предполагая, что институты, против которых они выступают, не играют роли в формировании их протестных действий. Мы можем провести исследование, которое поможет властям справляться с неблагонадежными гражданами, например, если мы найдем корреляты радикализма, которые школьное начальство, работодатели и полицейские могли бы использовать, чтобы отсеивать потенциальных возмутителей спокойствия.

Моральные вопросы становятся еще более насущными, когда мы переходим от технического понятия свободы от ценностей к выбору проблемы, способам постановки проблемы и использованию данных. Некоторые из трудностей вызваны тем, что социология не относится к себе серьезно и не следует заповеди, которая содержится почти в каждой версии нашей фундаментальной теории, но, вероятно, четче всего формулируется в интеракционистской теории⁴⁴: изучать всех участников ситуации и отношения

44 *Blumer*. Threats from Agency-Determined Research.

между ними. Следование этой заповеди автоматически заставляет нас обращать внимание на полицейскую коррупцию там, где она существует и имеет прямое отношение к тому, что мы изучаем. Следуя ей, мы не стали бы изучать политический протест так, будто дело только в протестующих. Социология, свободная от ценностей и строго следующая своим принципам, не вызывала бы у левых беспокойства.

Однако ответить на вопрос об использовании полученных данных не так просто. Как и на вопрос, ставший болезненным для многих профессиональных ассоциаций: имеют ли профессиональные социологи, поскольку они социологи, право на особое мнение по моральным и политическим вопросам? Понятно, что они могут претендовать — там, где это оправдано, — на экспертное знание о последствиях различных социальных программ. Также понятно, что их может интересовать вопрос о том, чьи интересы эти программы обслуживают. Но сложнее обосновать утверждение, что социолог, благодаря своей науке, обладает какими-то особыми познаниями в области моральных вопросов и заслуживает в этой связи нашего внимания. Почему? Потому что наука, говорим мы, свободна от ценностей. И затем проводим тонкое различие, недостижимое на практике, между социологом-ученым и социологом-гражданином. Ведь все мы согласны, что социолог-гражданин не только может занимать моральную позицию, но и не способен этого избежать.

Данное различие недостижимо на практике, потому что, как убедительно показал Эдель⁴⁵, установление фактов, конструирование научных теорий и вынесение этических суждений нельзя четко отделить друг от друга. Хотя из допущений относительно того, что *есть*, невозможно логически вывести, как *следует* поступать, ответственные

45 *Abraham Edel*. Ethical Judgment: The Uses of Science in Ethics (New York: The Free Press of Glencoe, 1955). Своим запоздалым знакомством с работами Абрахама Эделя я обязан подсказке Ирвинга Луиса Горовица.

этические суждения зависят во многом от нашего понимания того, как устроен мир и его элементы, как они функционируют, каковы их возможности. Это понимание опирается на добротную научную работу. Оно окрашивает наши этические решения, открывая нам глаза на всю моральную сложность того, что мы изучаем, на то, как наши общие этические предпочтения выражаются в конкретной ситуации, и на то, как наши ситуативные этические предпочтения таких ценностей, как справедливость, здоровье, милосердие или разум, пересекаются, совпадают или противоречат друг другу.

В своей работе мы постоянно обращаемся к этическим вопросам; наша этическая озабоченность все время вдохновляет и направляет наши исследования. Мы не хотим, чтобы наши ценности влияли на нашу оценку валидности наших утверждений о социальной жизни, но мы не можем помешать им влиять на выбор утверждений, которые мы хотим проверить, или на то, как мы используем полученные данные. И мы не должны этому мешать. В то же время наши этические суждения не могут не меняться в результате расширения наших знаний в ходе нашей научной работы. Наука и этика взаимосвязаны.

Взять, к примеру, потребление марихуаны. Наша оценка изменится, если вместо картины необузданной тяги к порочному удовольствию у нас перед глазами будет картина беспощадного психологического желания заглушить внутренний конфликт, о котором говорят психиатрические теории и данные. Наша оценка изменится еще раз, если мы рассмотрим потребление как относительно безобидную разновидность отдыха, наихудшие последствия которой — как социальные, так и индивидуальные — связаны с тем, как на потребителей реагируют непотребители⁴⁶. Те из нас, кто придерживается идеала

46 См.: *John Kaplan. Marihuana: The New Prohibition* (New York: World Publishing, 1970); *Erich Goode. The Marihuana Smokers* (New York: Basic Books, 1970).

полной человеческой свободы, займется сравнением вреда от тяги к удовольствию с вредом от ее подавления. Мы могли бы изучить функционирование систем принуждения, или возникновение интереса у бюрократов и блюстителей морали, управляющих этими системами, или силы, которые заставляют эти системы отклоняться от намеченного пути, или несоответствие поставленных целей ситуациям и последствиям деятельности этих систем — все это вытекает из ценности свободы. Мы были бы готовы обнаружить, что допущения, лежащие в основе нашего исследования, некорректны (например, что системы принуждения функционируют эффективно и справедливо, борясь с серьезными проблемами индивидов и общества), и мы проводили бы свои исследования так, чтобы это можно было обнаружить.

Социологи, исходящие из иных этических принципов, могли бы исследовать давление сверстников, средств массовой коммуникации и других источников личного воздействия, которое приводит к потреблению наркотиков и, тем самым, к распаду социального порядка в результате освобождения от моральных ограничений. Они могли бы выявлять, как эти влияния незаметно подталкивают людей к потреблению наркотиков и ограничивают свободу тем общим способом, которого опасались авторы ранних психологических теорий, хотя теперь механизм другой. Они тоже были бы готовы признать свои допущения и гипотезы несостоятельными. Социологи, которые вообще не стали бы исследовать этот вопрос, тем самым дали бы понять, что их моральные принципы позволяют его игнорировать.

Интеракционистские теории девиантности подвергаются резкой критике, когда критики обнаруживают, что эта сложная картина связей между научным исследованием и этическим суждением слишком запутанна и недостаточно прямолинейна. Подобно тому, как критики-центристы негодовали в связи с извращенным нежеланием интеракционистской теории признавать, что

изнасилование, ограбление и убийство *действительно* являются девиациями, левые критики утверждают, что данная теория не признает, что классовое угнетение, расовая дискриминация и империализм *действительно* являются девиациями или что бедность и несправедливость *действительно* являются социальными проблемами, как бы их ни определяли люди⁴⁷. Обе стороны хотят, чтобы их этические предубеждения были интегрированы в научную работу в виде непроверенных фактических утверждений, основанных на неявных этических суждениях, по поводу которых достигнута высокая степень согласия.

Таким образом, если я утверждаю, что изнасилование *действительно* является девиацией или что империализм *действительно* является социальной проблемой, я предполагаю, что эти явления имеют определенные эмпирические характеристики, которые, как мы все согласились бы, делают их достойными осуждения. Это то, что мы могли бы установить благодаря нашим исследованиям, но очень часто нас просят принять это как факт. Определение че-

47 Milton Mankoff. On Alienation, Structural Strain, and Deviancy // Social Problems. 1968. Vol. 16. № 1. P. 114–116.

Прекрасной иллюстрацией этих тем служит следующее высказывание: «Но разве не является *социальным фактом*, хотя лишь немногие из нас обращают на это достаточное внимание, что корпоративная экономика убивает и калечит, что она более насильственна, чем какое-либо насилие, чинимое бедняками (которых чаще всего изучают, когда исследуют насилие)? На каком основании и по какой надобности „насилие“, чинимое бедняками в гетто, заслуживает внимания больше, чем существование военных учебных лагерей, где новобранцев шокируют чудовищными сценами убийства „врагов“ („людей с Востока“, как мы узнали во время суда над Келли*)? Но, поскольку на эти поступки не наклеивается ярлык „девиантных“, так как они негласны, институционализированы и нормальны, их „девиантные“ свойства упускают из виду и они не становятся частью социологии девиантности. Несмотря на наилучшие либеральные побуждения, эти социологи, кажется, увековечивают те идеи, которые они, по их мнению, ниспровергают, а также те, о которых они даже не догадываются» (*Liazos*. Op. cit. P. 110–111).

го-либо как девиации или как социальной проблемы делает эмпирические доказательства ненужными и лишает нас возможности осознать некорректность наших предубеждений (когда мир оказывается не таким, каким мы его себе представляли). Если мы оберегаем свои этические суждения от эмпирической проверки, закрепляя их в определениях, мы совершаем ошибку сентиментализма⁴⁸.

Ученые часто хотят создать впечатление, что сложная конфигурация социологических теорий, научных данных и этических оценок на самом деле — всего лишь вопрос определения. Особенно к этому склонны ученые, глубоко приверженные тем или иным ценностям (политического или морального спектра). Почему люди хотят выдать свою мораль за науку? Вероятнее всего, они осознают или интуитивно чувствуют риторические преимущества, которые сегодня дает отказ признавать, что сказанное — «всего лишь моральное суждение», и претензия на то, что это научно установленный факт. Все участники любого крупного общественного или морального спора будут стремиться получить это преимущество и представлять свою моральную позицию в качестве настолько аксиоматической, что ее можно безо всякой проверки класть в основание их теорий, исследований и политических догм. Я предлагаю левым, чьи симпатии я разделяю, прямо и открыто выступать против несправедливости и угнетения, а не делать вид, что наша оценка этих явлений как недостойных каким-то образом может быть выведена из базовых социологических принципов или основывается исключительно на эмпирических данных.

48 По крайней мере один критик (*Alvin W. Gouldner. The Sociologist as Partisan: Sociology and the Welfare State // American Sociologist. 1968. Vol. 3. № 2. P. 103–116*) ошибочно истолковал мою критику сентиментализма как страх эмоций. Определение, данное мной в статье «На чьей мы стороне?» (*Becker. Whose Side Are We On? P. 245*), в полной мере отражает мою идею: «Мы сентиментальны, особенно когда мы предпочли бы не знать, что происходит, поскольку знать означало бы разрушить симпатию, о существовании которой мы можем даже не догадываться».

Наши этические предрасположенности и суждения, занимающие подобающее место в нашей научной работе, должны играть разную роль в разных видах деятельности, в которых состоит работа социолога. Когда мы проверяем свои гипотезы и предположения с помощью эмпирических данных, мы пытаемся минимизировать их влияние, опасаясь, что в своих выводах мы примем желаемое за действительное. Однако, когда мы выбираем проблему для исследования, мы учитываем (наряду с такими практическими обстоятельствами, как возможность получить доступ, и такими теоретическими соображениями, как вероятность получить убедительные обобщающие выводы) связь наших потенциальных данных с этическими проблемами, которые нас беспокоят. Мы хотим выяснить, корректны ли наши исходные оценки, какие возможности действия есть у нас и других действующих лиц в ситуации, какую пользу можно извлечь из знания, которое мы надеемся приобрести. Когда мы решаем, какие действия следует предпринять на основе полученных нами данных и кому давать советы, наши этические предпочтения очевидно определяют наш выбор, хотя мы по-прежнему стремимся быть точными в своей оценке последствий любого предлагаемого действия. Наконец, мы иногда отталкиваемся от действий, которые хотим предпринять, и людей, которым хотим помочь, при выборе проблем и методов.

Критика слева. Некоторые критики⁴⁹ утверждали, что интеракционистские теории девиантности, на первый взгляд выступающие против политических элит, на самом деле поддерживают их, атакуя рядовых функционеров репрессивных институтов, но не трогая высокопоставленных лиц, ответственных за угнетение, а на самом деле даже помогая им, поскольку эти теории фокусируют общественное внимание на их недисциплинированных подчиненных.

49 Например: *Gouldner*. Op. cit.

При нынешнем состоянии наших знаний мы можем обсуждать эти вопросы исключительно спекулятивно. В поддержку этой критики не было предъявлено никаких данных, но нет и никаких данных, опровергающих ее. Объектом критики выступает общий моральный посыл интеракционистских теорий, а также фактические последствия исследований и теоретизирования, поэтому возражать ей можно на том же самом основании.

Как и интеракционистские теории в целом, интеракционистские теории девиантности обращают внимание на то, как социальные акторы определяют друг друга и свое окружение. Особое внимание уделяется различиям в праве давать определения, тому, как одна группа приобретает и использует право определять то, каким образом будут восприниматься, пониматься и подвергаться определенным воздействиям другие группы. Элиты, правящие классы, начальники, взрослые, мужчины, белые — вышестоящие группы в целом — удерживают свою власть как при помощи контроля над тем, как люди определяют мир, его элементы и его возможности, так и при помощи более примитивных форм контроля. Они могут использовать более примитивные средства для установления гегемонии. Но контроль, основанный на манипуляции определениями и ярлыками, осуществляется более гладко и требует меньших затрат; именно его предпочитают вышестоящие лица. Атака на иерархию начинается с атаки на определения, ярлыки и общепринятые представления о том, кто есть кто и что есть что.

С ходом истории все большее распространение получают завуалированные формы контроля, основанные на управлении определениями и ярлыками, применяемыми к людям. Мы осуществляем контроль, обвиняя людей в девиантных поступках. В США мы судим политических диссидентов за употребление запрещенных наркотиков. Почти все современные государства используют психиатрические диагнозы, учреждения и работников для изоляции политически неблагонадежных лиц, таких как Эзра

Паунд* или Ж. А. Медведев*⁵⁰. Когда мы изучаем, как блюстители морали иницируют создание правил и как правилоприменители принуждают к соблюдению этих правил в конкретных случаях, мы изучаем то, как любые вышестоящие лица удерживают свои позиции. Другими словами, мы изучаем различные формы угнетения и средства, при помощи которых угнетение приобретает статус «нормального», «обыденного» и легитимного.

Предметом большинства интеракционистских исследований девиантности были непосредственные участники локальных драм девиантности: те, кто совершает преступления и аморальные действия, и правилоприменители, с которыми они сталкиваются в обычной жизни. Мы больше изучали полицейских, сотрудников психиатрических больниц, охранников тюрем, психиатров и т. д. и в меньшей степени — их начальников или начальников начальников⁵¹.

Однако внимание к рядовым сотрудникам органов власти не является ни исключительным, ни неизбежным; его подлинная цель — поставить под сомнение вышестоящих начальников, несущих ответственность за действия своих подчиненных. Они могут напрямую приказывать совершать эти действия, они могут отдавать распоряжения посредством эопова языка, чтобы в случае необходимости иметь возможность все отрицать, либо они могут просто попустительствовать этим действиям в силу своей некомпетентности или халатности. Если указанные действия достойны осуждения, то вышестоящие лица так или иначе тоже несут за них ответственность. Даже если ни

50 *Thomas S. Szasz. Psychiatric Justice (New York: Macmillan, 1965).*

51 Есть несколько исключений: исследование тюремной администрации Мессинджером (*Sheldon L. Messinger. Strategies of Control. Unpublished PhD dissertation [University of California at Los Angeles, 1969]*), исследование промышленных менеджеров Далтоном (*Dalton. Men Who Manage*) и применение Школьником теории девиантности к политике протеста в США (*Jerome Skolnick. The Politics of Protest [New York: Ballantine Books, 1969]*).

один генерал не предстал перед судом за убийства в Милае, эти события пошатнули веру людей в моральную правоту военной операции во Вьетнаме и верховных лиц, ответственных за нее. Точно так же, когда мы понимаем, что школьные психиатры выражают интересы школьной администрации, а не своих пациентов⁵², мы отчасти утрачиваем веру в институты традиционной психиатрии. Скорость, с которой официальные представители вышестоящих инстанций бросаются возражать после обнаружения учеными фактов коррупции, некомпетентности или несправедливости даже на самых низких уровнях иерархии, показывает не менее ясно, чем сами проводимые исследования, насколько сильный удар они наносят как по институтам, так и по их агентам, как по руководителям, так и по подчиненным. Такие исследования приобретают особую моральную остроту, когда позволяют анализировать реальную практику института в сопоставлении с его декларируемыми целями и предпочитаемыми описаниями того, чем он занимается. Поэтому наша работа неизбежно принимает критическое направление, когда в ее результате появляется что-то, что может быть понято как оценка функционирования общества или каких-то его сегментов.

Заключение

Интеракционистский подход к девиантности не только прояснил явления, которые было принято изучать под этой рубрикой, но и усложнил наши моральные представления о них. Интеракционистский подход решает эту двойную задачу прояснения и усложнения, прежде всего, заставляя социологов осознать, что при изучении феноменов девиантности необходимо принимать во внимание более широкий спектр людей и событий, то есть повышая

52 *Thomas S. Szasz. The Psychiatrist as Double Agent // Trans-Action. 1967. Vol. 4. P. 16–24.*

нашу чувствительность к важности более широкого набора фактов. Мы изучаем всех участников соответствующих моральных драм, как обвинителей, так и обвиняемых, не делая в своих профессиональных исследованиях традиционных исключений ни для кого, сколь бы уважаемыми и высокопоставленными они ни были. Мы пристально наблюдаем за реальными действиями и пытаемся понять, с какими обстоятельствами сталкиваются в своей деятельности все вовлеченные стороны. Мы отвергаем апелляцию к загадочным силам, управляющим драмой девиантности, и с уважением относимся к той версии здравого смысла, которая обращает наше внимание на то, что можно непосредственно воспринимать, а также на события и интересы, которые требуют более тщательного сбора данных и теоретического анализа.

На втором уровне интеракционистский подход показывает социологам, что ключевым элементом каждого аспекта драмы девиантности является навязывание определений — определений ситуаций, действий и людей — теми, у кого достаточно власти или легитимности, чтобы это делать. Полное понимание требует всестороннего исследования определений, а также процессов, в ходе которых они приобретают легитимность и становятся само собой разумеющимися.

В текущих обстоятельствах эти два уровня анализа придают интеракционистскому подходу радикальный характер. Делая блюстителей морали (как и тех, кого они хотят контролировать) объектом исследования, интеракционистский анализ подрывает иерархию доверия в обществе. Он ставит под вопрос монополию на истину и «полную историю», на которую претендуют лица, обладающие властью и авторитетом. Он показывает, что мы должны открывать истину о предположительно девиантных явлениях сами, не полагаясь на официально одобренные описания, которых было бы достаточно любому добропорядочному гражданину. Он побуждает занимать релятивистскую позицию в отношении обвинений в де-

виантности и определений девиантности, формулируемых уважаемыми людьми и признанными авторитетами, и рассматривать их в качестве сырого материала для социологического анализа, а не в качестве непререкаемых моральных истин.

Наконец, интеракционистский анализ девиантности принимает радикальную форму еще и потому, что таковым его считают традиционные руководящие органы. Когда высокопоставленные политики и прочие авторитетные лица удерживают власть, в том числе посредством запутывания и мистификации, наука, которая вносит ясность, неизбежно подрывает основы этой власти. Вышестоящие инстанции, чьи институты и сферы влияния становятся объектом интеракционистского анализа, критикуют его за «предубежденность», отказ от традиционных истин и ценностей, разрушительное воздействие на общественный порядок⁵³.

Эти результаты интеракционистского анализа усложняют нашу моральную позицию как ученых самим фактом прояснения того, что происходит на таких моральных площадках, как суды, больницы, школы и тюрьмы. Они не позволяют игнорировать моральные последствия нашей работы. Даже если мы сами хотим их игнорировать, власти, чувствуя себя под ударом, развеивают иллюзию нейтральной науки, заявляя, что мы несем ответственность за эти последствия — что, разумеется, правда.

Представленное выше обсуждение новейших достижений в области теории девиантности кладет начало анализу моральной значимости современной социологии. Мы сможем продвинуться в решении этой запутанной проблемы, если предпримем аналогичные исследования в других областях социологии, например в исследованиях образовательных институций, здравоохранения, армии,

53 Более полное обсуждение понятия радикальной социологии см. в: *Howard S. Becker, Irving Louis Horowitz. Radical Politics and Sociological Research: Observations on Methodology and Ideology // American Journal of Sociology. 1972. Vol. 78. № 1. P. 48–66.*

промышленности и бизнеса, — по сути, во *всех* других областях, в которых социологическое исследование проливает свет на действия людей и институтов и тем самым влияет на то, какую моральную оценку мы им даем.

Наиль Фархатдинов

От переводчика

Судьба «переводного» Беккера на русском языке пока не сложилась¹. В 2001 году в Казани в сборнике «Контексты современности — II» были опубликованы небольшие фрагменты данной книги в переводе Искэндэра Ясавеева². Больше публикаций не было. При этом нельзя сказать, что Беккер совсем неизвестен: на его работы ссылаются (в основном, конечно, криминологи и историки социологии и довольно-таки редко социологи-теоретики, специалисты в области методов исследований или, например, социологи искусства). Его книги обсуждают в рамках учебных программ, а самого Беккера знают как еще одного представителя Чикагской школы и символического интеракционизма.

Подозреваю, многие отнесут Беккера к числу тех, кто уже давно вошел в пантеон классиков социологии и канонизирован как автор работ, имеющих значение для конкретной области исследований — в случае Беккера это, разумеется, исследования девиантности. Отчасти

1 Беккера активно переводят на другие языки. Например, «Аутсайдеры» выходили на немецком (1981, 2014), французском (1985), датском (2005), шведском (2006), испанском (2009), итальянском (2009), польском (2009), португальском (2009), китайском (2011), японском (2011). Другие книги — прежде всего «Миры искусства» — также доступны на многих языках, кроме русского: французском (1988), испанском (2008), итальянском (2012), турецком (2013), китайском (2014).

2 *Говард Беккер. Девиантность как следствие «наклеивания ярлыков»* / Пер. с англ. Искэндэра Ясавеева // *Сергей Ерофеев* (ред.). Контексты современности — II (Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2001). С. 145–149.

так и есть. О «каноничности» Беккера говорит ряд опубликованных биографий. В 2004 году вышла книга о Беккере, написанная французским социологом Аленом Пэссеном³. Десять лет спустя увидела свет еще одна биография Беккера на французском⁴, а в 2015 году Дагмар Данко опубликовал монографию, посвященную Беккеру, уже на немецком языке⁵. Наличие таких книг будто бы говорит о завершенности профессионального и жизненного пути ученого и необходимости подвести черту, оценить его вклад. Однако не стоит спешить — Беккер продолжает публиковаться. Его последняя на данный момент книга, «Доказательство», вышла в 2017 году. Она носит учебно-методический характер, но в случае Беккера это лишь форма, поскольку его книги подобного жанра⁶ представляют собой обсуждение множества историй из его насыщенной исследовательской практики. Как можно убедиться, прочитав «Аутсайдеров», анекдоты и истории из поля составляют основную стилистическую единицу его письма.

Впрочем, и сам Беккер склонен подводить итог — редко, но он продолжает выступать (некоторые интервью доступны в интернете) и делает это скорее с позиции основателя и классика современной социологии и свидетеля событий, которые впоследствии стали историей социологии. Он публикуется в журналах, но основным жанром в последнее время являются интервью, материалы его выступлений на семинарах и конференциях и воспомина-

3 *Alain Pessin*. *Un sociologue en liberté: lecture de Howard S. Becker* (Montréal: Presses de l'Université Laval, 2004).

4 *Jean Peneff*. *Howard S. Becker: sociologue et musicien dans l'école de Chicago* (Paris: L'Harmattan, 2014).

5 *Dagmar Danko*. *Zur Aktualität von Howard S. Becker: Einleitung in sein Werk* (Wiesbaden: Springer, 2015).

6 К ключевым работам этого жанра стоит, конечно же, отнести «Навыки письма для социальных ученых» (1986), «Тайны ремесла» (1998), «Рассказы об обществе» (2007), — всё это книги, которые зачастую рекомендуют как руководства по подготовке и проведению исследований и изложению их результатов.

ния. А в своем текущем проекте, в котором он помогает Даниэлю Сефаи из Высшей школы социальных наук в Париже, он выступает как участник жизни социологического сообщества в Чикагском университете с 1945 по 1960 год. Сегодня Беккер интересен не только как исследователь, но и как очевидец — источник сведений о том, какой была жизнь американского социального исследователя и американского общества в целом.

В последнем отношении его книга «Аутсайдеры» представляет особую ценность, и вот почему. Так вышло, что социология была склонна проявлять интерес к тому, что получило социальное признание, устоялось и стало общепринятым и «видимым» в самом широком смысле. Это особенно хорошо заметно на примере искусства, социологическим исследованием которого Беккер тоже занимался. В случае искусства социология вынуждена опираться на имеющиеся и устоявшиеся представления о том, что это такое и кто такой художник, поскольку она не ставит перед собой задачу его определения, а занимается теми определениями, которые циркулируют в обществе. Искусством является то, что таковым признается в обществе, а художник — вовсе не какая-то одаренная личность, а социальный ярлык, который приклеен к определенным индивидам и который обязывает их следовать определенным условностям. При этом, опираясь на данные определения, социология, естественно, упускает из виду все то, что оказывается за их пределами. Тем самым социология воспроизводит господствующий эстетический порядок и занимается тем, что находится у нее под носом. «Аутсайдеры» (как и впоследствии «Миры искусства») предложили расширить социологическую перспективу, не просто сосредоточившись на целенаправленном поиске тех, кто оказался исключен из общепринятых порядков, структур и иерархий, но изучая сами процессы, в результате которых устанавливаются условности (конвенции), приклеиваются ярлыки и формируется восприятие этих ярлыков. Такой подход расширяет представления о том,

как устроен социальный порядок, но также преодолевает дисбаланс, присущий обычной социологии, привыкшей смотреть на «порядочные» явления. Спустя десять лет после публикации первого издания «Аутсайдеров» Беккер довольно подробно анализирует свою позицию и отвечает на прозвучавшую в его адрес критику, тем самым доказывает, что, несмотря на вменяемую социальную ангажированность, его подход остается сугубо научным. С момента публикации книги в 1963 году социология значительно трансформировалась, и подспудная критика, которую можно вычитать в книге Беккера, уже интегрирована в мейнстрим (или, как минимум, в один из социологических мейнстримов). Вместе с обществом поменялась и социология. «Аутсайдеры» — это одновременно и свидетельство социологии на определенном этапе развития, и слепок общества соответствующего времени.

На профессиональный путь Беккера можно также посмотреть как на «исследование» ярлыков и общепринятых условностей, но уже в отношении социологической профессии. Этапы его профессионального пути хорошо известны из большого количества интервью.

Говард Сол Беккер родился в 1928 году в Чикаго. Его родители тоже были родом из Чикаго, а вот их родители приехали в США из Литвы (в то время в составе Российской империи). Отец Беккера занимался рекламой, а мать была домохозяйкой. Довольно рано, как он сам вспоминает, когда ему было где-то 12 лет, он начал увлекаться музыкой — родители купили фортепиано, но были разочарованы тем, что Беккера интересовали популярные мелодии и играл он исключительно буги-вуги. Чуть позже он начал выступать вместе с друзьями в заведениях, которые не могли себе позволить нанимать более взрослых музыкантов. Беккер вспоминает, что в годы войны найти работу не составляло труда — взрослое мужское население было занято войной, и музыкантами становились довольно-таки юные люди. Полученный опыт и необходимость воспроизводить музыку в точности так, как она представлена

в записях, заставили его заниматься с Ленни Тристано, джазовым саксофонистом и пианистом, игравшим с многими ключевыми исполнителями бибоба. Именно у него он усвоил навыки импровизации.

В 1946 году Беккер получил бакалаврскую степень Чикагского университета, куда поступил, чтобы отчасти успокоить родителей, которые противились его музыкальной карьере. Он же рассчитывал сделать музыку своей профессией, а социология, которой он занялся случайно, должна была стать его хобби. Изначально Беккер думал о том, чтобы заняться английской литературой, но затем прочел книгу «Черный метрополис: исследование жизни негров в северном городе» (1945) Клэра Дрейка и Горация Р. Кейтона, и она направила его в антропологию и социологию. В интервью 1970 года он говорит о том, что его привлекла именно этнографическая перспектива⁷. В 18 лет он поступает на магистерскую программу Чикагского университета и пишет квалификационную работу, посвященную профессии музыканта, то есть той деятельности, которая по-прежнему занимала значительную долю его времени — он продолжал играть, даже будучи аспирантом. При этом Беккер вел дневник наблюдений, работая в баре на 63-й улице в Чикаго, и по совету Эрнста Бёрджесса показал его Эверетту Хьюзу. Хьюз, как вспоминает Беккер, благожелательно отнесся к идее исследовать профессиональных музыкантов в ночных клубах и барах. Дело в том, что Хьюз искал возможность применить свои наработки в области социологии профессии на материале занятости, которая обычно считается непривлекательной и непрестижной, — в очередной раз изучать врачей и юристов было неинтересно. Впоследствии Хьюз нанял Беккера для исследовательского проекта, посвященного учителям, а также настоял на том, чтобы он подал документы на стипендию для продолжения обучения

7 *Julius Debro, Howard S. Becker. Dialogue with Howard S. Becker // Issues in Criminology. 1970. Vol. 5. № 2. P. 159–179.*

в аспирантуре. Материалы, которые собрал Беккер, легли в основу его диссертации «Ролевые и карьерные проблемы учителей государственных школ» (1951). Тогда же Беккер знакомится с Эрвином Гоффманом, который стал его другом и коллегой на многие годы. Книга Гоффмана «Стигма», во многом созвучная идеям «Аутсайдеров», вышла в том же 1963 году. Во время обучения в Чикагском университете Беккер прослушал курсы Хьюза, Бёрджесса, Уильяма Уорнера и Герберта Блумера.

Беккеру было всего 23 года, когда он получил докторскую степень и по настоянию Хьюза опубликовал в «Американском социологическом журнале» статью, основанную на наблюдениях за жизнью музыкантов. Как он сам признается, он был слишком молод для академической карьеры, и никто не хотел нанимать его на постоянное место, поэтому пришлось перебиваться временными преподавательскими и исследовательскими подработками, а параллельно продолжать играть в барах и стриптиз-клубах. Один из первых исследовательских проектов (в рамках Института исследования несовершеннолетних), в котором он принял участие, был посвящен потреблению марихуаны, и результаты этого исследования легли в основу еще одной статьи, ставшей впоследствии частью «Аутсайдеров». До 1955 года Беккер был исследователем-постдокторантом в Иллинойском университете, где продолжал работать над исследованиями профессий вместе с Джимом Карпером. В 1955 году Хьюз приглашает Беккера присоединиться к исследовательской группе, которой предстояло заняться изучением Медицинской школы Канзасского университета. Согласившись, Беккер погружается в исследование, однако параллельно продолжает играть в барах и работает над теорией девиантности.

Первый черновик «Аутсайдеров» был готов в 1954 году и пролежал какое-то время, пока Беккеру не предложили довести дело до публикации, — так сложился пазл: в концептуальные рамки хорошо встраивались материалы наблюдений за музыкантами и курильщиками марихуаны.

Сам Беккер утверждает, что тогда не был знаком с работами Эдвина Лемерта, который первым предложил теорию наклеивания ярлыков. На тот момент, по его мнению, в таком подходе не было ничего революционного — Беккер просто применил социологические подходы, популярные среди чикагских социологов, к исследованию преступности, однако в случае преступности и криминологии это оказалось чем-то новым.

В 1962 году Беккер едет в Стэнфорд, где работает в Институте исследований человеческих проблем. Он проводит там три года, после чего наконец-то получает позицию профессора социологии в Северо-Западном университете. С 1961 по 1964 год в качестве редактора участвует в издании журнала «Социальные проблемы», а в 1966 году становится президентом Общества исследований социальных проблем, которое выпускает этот журнал. В 1963 году выходит первое издание «Аутсайдеров», а в 1964 году под его редакцией выходит сборник статей (которые до этого выходили в журнале «Социальные проблемы»), посвященный девиантности, — «По другую сторону: девиантность с различных точек зрения». Примерно в это же время он окончательно оставляет музыку, поскольку, вернувшись в Чикаго, понимает, что музыкальный мир, частью которого он был долгое время, изменился и у него нет необходимых «подвязок» для продолжения карьеры. Кроме этого, обязательства «основной работы» требовали более глубокого погружения в академическую жизнь. В 1970 году Беккер берет годовой отпуск и проводит его в Сан-Франциско, где начинает работу над книгой «Миры искусства». Тогда же возникает интерес к фотографии, и, чтобы лучше понимать, как устроена область искусства, Беккер проходит обучение фотографическому ремеслу (еще не столь известная Энни Лейбовиц помогала ему в лаборатории с химикатами) и по возвращении в Северо-Западный университет начинает преподавать визуальную социологию. Где-то с середины 1980-х годов Беккер набирает популярность во французской академи-

ческой среде — сначала обращают внимание на «Аутсайдеров», а затем в его работах видят альтернативу бурдьевианской социологии искусства.

Беккер был профессором в Северо-Западном университете до 1991 года, после чего перебрался в Вашингтонский университет в Сиэтле и в 1999 году вышел на пенсию, уехав жить в Сан-Франциско. Что касается занятий музыкой, в 2003 году Беккер выпустил компакт-диск, который стал приложением к сборнику его статей на французском языке, посвященных искусству (запись можно послушать на его персональном сайте⁸). В 2009 году вышла совместная с Робертом Фолкнером книга «Знаешь?.. Джазовый репертуар в действии», посвященная социологическому пониманию джазовой импровизации.

В одном из интервью Беккер говорит, что никогда не относился к социологии слишком серьезно, поэтому для него границы миров — исследовательских, преподавательских или искусства — были прозрачны и легко преодолимы, а ярлыки, которые он вынужден примерять на себя («исследователь», «преподаватель», «джазовый музыкант», «представитель Чикагской школы» и др.), являются предметом рефлексии, которая встраивается в автобиографические и автоэтнографические рассуждения. Например, хорошо известна его позиция по отношению к ярлыку «Чикагская школа»: вопреки многим, Беккер считает, что никакой монолитной исследовательской программы или идеологии, которая бы характеризовала социологическое сообщество в Чикагском университете в определенный исторический период, не было.

И последнее, о чем необходимо сказать, — стиль письма Беккера и связанные с ним переводческие проблемы. Легкость, которая, как кажется, сопровождала Беккера на протяжении его профессионального пути, его расслабленный тон во многих интервью и спокойное отношение к различного рода социологическим проблемам и амби-

8 www.howardsbecker.com

циям социологической профессии отражаются и в том, как он пишет. Как правило, Беккер пишет просто, а его тексты не нагружены терминологией и лишены наукообразия — он не ставит перед собой цель совершить открытие или основать новое направление в науке. Его задача — собрать воедино различные перспективы. Такой стиль письма можно отчасти объяснить следованием традициям, принятым в Чикаго, а отчасти предметом и оптикой исследования самого Беккера — его никогда не интересовали сугубо теоретические вопросы, а в случаях, когда ему приходилось к ним обращаться (например, в десятой главе «Аутсайдеров»), он старался по возможности быть максимально иллюстративным и прямолинейным. Воспроизводство подобного стиля письма при переводе порой вызывает трудности. Например, сложно уйти от наукообразия и тяжелых конструкций, присущих русскому языку и являющихся маркером «научности» в социологии сегодня — будто бы без этого исследование перестанет быть научным. На общем фоне социологической литературы на русском языке «Аутсайдеры» выглядят слишком просто, однако в этом есть и значительный плюс — книга будет доступна более широкой аудитории.

Несмотря на то, что Беккер сторонится любого теоретизирования, за ним прочно закрепились несколько теоретических понятий. Это прежде всего *label* и производное *labelling theory*, которые было решено переводить как *ярлык* и *теория наклеивания ярлыков*. Другие варианты — *клеймо*, например, — возможно, являются в некоторых случаях более подходящими по смыслу (хотя бы в силу того, что, как кажется, от клейма сложнее избавиться, чем от ярлыка), но их производные (клеймение) противоречат духу письма — они утяжеляют восприятие текста. Считается, что Беккер также ввел в социологический язык понятие *moral enterprise*. В тексте оно переводится буквально как *моральная инициатива*, а совокупность инициатив — *moral crusade* — как *кампания в защиту нравственности* (здесь пришлось пожертвовать

сильной метафорой крестового похода). При этом *moral entrepreneur* стал *блюстителем морали*. Эти решения обусловлены в первую очередь стремлением передать смысл, который Беккер вкладывает в эти понятия, а также эмоциональный оттенок, который несут эти понятия (в частности, в российском контексте). Лингвистическим родством понятий пришлось жертвовать. Для перевода *rule enforcer* было придумано слово *правилоприменитель*, поскольку для Беккера правила — более общая категория, которая включает право и другие неформальные правила.

Другая, не менее важная проблема для переводчика — материал. В своих исследованиях Беккер отталкивается от этнографических описаний, а поэтому в случае «Аутсайдеров» реалии американской жизни 1930–1950-х годов играют ключевую роль — собственно, без них не было бы книги. Некоторый исторический контекст, дающий представление об этих реалиях, приведен в примечаниях. Очевидная сложность перевода состоит в том, что Беккер пишет о контркультурах, язык которых поддается кодификации лишь до некоторой степени, так как всегда останется то, что не формализуется и, следовательно, не переводится — многие выражения имеют не одно и не два значения, а значение некоторых менялось несколько раз, и восстановить этимологию не видится возможным. В случае же некоторых выражений играют роль их употребление и интонация, с которой они произносятся.

Несмотря на то что Беккер напрямую нигде не называет язык, на котором говорят герои его книги, «джайвом» — возможно в этом нет необходимости, настолько это было очевидно в 1950-е годы, — можно сказать, что представленные фрагменты прямой речи насыщены фразами и словами из словаря этого жаргона. Джайв возник в Гарлеме — сначала в среде черных джазовых музыкантов (которые также курили марихуану), а впоследствии, благодаря популяризации джаза и появлению битников, распространился и за пределы профессиональных групп музыкантов, став частью контркультуры. Многочислен-

ные словари сленга наркоманов и музыкантов на русском языке слабо помогают в переводе, поскольку отражают жаргон, подверженный значительному влиянию тюремной и криминальной культуры. Обращение к переводам художественных произведений битников (прежде всего Уильяма Берроуза и Джека Керуака) оказалось более продуктивным, но и по поводу решений, принятых в этой области, можно спорить. Во всех случаях выбор варианта перевода происходил с учетом контекста и преследовал цель передать смысл, но при этом сохранить контркультурный характер. Один пример заслуживает небольшого пояснения. *Square* — слово, которое используется джазовыми музыкантами для обозначения непосвященной публики. Существующие переводы — *квадрат* и *цивил* — не подходят по разным причинам. *Квадрат* (такой вариант был предложен в переводе «Нагого обеда» Уильяма Берроуза за авторством Максима Немцова) в русскоязычной джазовой среде обозначает единицу формальной структуры джазового произведения. *Цивил*, как и *обыватель*, довольно точно передает смысл, но лишен эмоциональной и оценочной составляющей — джазмены крайне негативно относятся к аутсайдерам, как показывают наблюдения Беккера. Итоговым решением я обязан джазовому обозревателю Кириллу Мошкову, указавшему на слово *жлоб*, которое было в ходу среди советских джазовых музыкантов и негативно характеризует внешнюю по отношению к джазу публику точно так же, как и оригинал. Подобных случаев в «Аутсайдерах» много, и я надеюсь, что мне удалось найти адекватные эквиваленты для большей их части, а не слишком точные варианты не повредят и без того нелегкой судьбе русскоязычных переводов Беккера.

В заключение стоит отметить вклад Андрея Корбута, чье вмешательство на этапе редактуры перевода во многих случаях было решающим.

Отдельно хочется поблагодарить Говарда Беккера, который всегда быстро реагировал на все вопросы, возникавшие в процессе подготовки перевода.

Примечания переводчика

- Стр. 22 Пуританские законы (Blue Laws) — законы США, запрещающие по религиозным соображениям все или некоторые виды деятельности по воскресеньям, прежде всего работу, торговлю, путешествия, развлечения и спортивные события. Название вероятнее всего отсылает к одному из значений слова «blue», которое было в ходу в XVIII веке, — строгая мораль. По другой версии они так назывались, поскольку были обернуты в бумагу синего цвета. После Войны за независимость большинство из них прекратили действие, однако некоторые, например запрещающие употребление алкоголя, оставались актуальными в ряде штатов и после.
- » Речь идет о законах, которые действовали на территории штата Миссури после 1963 года, когда Верховный суд отменил пуританские законы. В отличие от пуританских законов 1925 года, законы Миссури были более конкретны: они запрещали продажу конкретных товаров и не содержали размытых формулировок. В конце 1970-х округа штата смогли самостоятельно решать этот вопрос, поскольку штаты вокруг Миссури не ограничивали продажи и потенциальные потери заставили правительство штата ввести послабления.
- Стр. 36 Сухой закон (Prohibition) — общенациональный запрет на производство, импорт и продажу алкогольной продукции, введенный властями США и действовавший на протяжении тринадцати лет — с 1920 по 1933 год. На федеральном уровне потребление не запрещалось, но в некоторых штатах вводились ограничения на частное владение алкоголем.

- Стр. 41 Джон Китсьюз (John Kitsuse, 1923–2003) — американский социолог, исследователь социальных проблем, девиантного поведения, преступности, образования и сексуальности. Закончил Бостонский университет, степени магистра и доктора получил в Калифорнийском университете в Лос-Анджелесе. Преподавал в Вашингтонском университете, Калифорнийском университете в Сан-Диего и Северо-Западном университете. С 1974 года до отставки в 1991 году занимал разные должности в Калифорнийском университете в Санта-Крузе. В 1978 году был избран президентом Общества исследований социальных проблем. Предложил подход к изучению социальных проблем, который описывает процесс их социального конструирования. Наряду с Беккером работал над подходом к девиантности, основанным на теории наклеивания ярлыков. Считается первым, кто предложил рассматривать девиантность как результат ответной реакции окружающих. Наибольшую известность получила его книга «Конструирование социальных проблем» (1977), написанная в соавторстве с Малкольмом Спектром.
- Стр. 46 Роберт Кинг Мертон (Robert King Merton, 1910–2003) — американский социолог и теоретик. К сфере его интересов относились социология науки, профессий, девиантного поведения, бюрократии и массовых коммуникаций. Получил докторскую степень в Гарвардском университете в 1936 году. Работал в Тулейнском и Колумбийском университетах. В 1957 году сменил Герберта Блумера на посту президента Американской социологической ассоциации. Помимо прочего, известен своими работами по методологии (в частности, разрабатывал метод фокус-групп). Предложил рассматривать девиантность как проявление аномии, которую он понимал как невозможность достижения культурных идеалов при помощи допустимых средств.
- Стр. 50 «Отчеты Кинси» — две книги, в которых были опубликованы результаты исследований сексуальности под руководством американского биолога, профес-

сора энтомологии и зоологии, сексолога Альфреда Кинси: «Сексуальное поведение самца человека» (1948) и «Сексуальное поведение самки человека» (1953). Публикация книг вызвала скандал и бурную дискуссию как в академических кругах, так и в обществе. Из опубликованных данных следовало, что американцы ведут гораздо более разнообразную сексуальную жизнь, чем было принято считать (например, значительное число исследуемых признались в гомосексуальных действиях и фантазиях). С научно-методологической точки зрения результаты вызвали сомнение из-за смещенной выборки, а сам Кинси подвергался критике, поскольку до этого занимался исследованием насекомых и, по мнению оппонентов, был неспособен ставить «правильные проблемы». Консервативно настроенная общественность была возмущена «отчетами», так как они косвенно ставили под вопрос господствующие представления о сексуальной норме. В конечном счете «отчеты» сыграли свою роль в изменении общественных представлений о сексуальности. В настоящее время основанный Кинси Институт исследований сексуальности продолжает проводить исследования сексуального поведения человека.

- » Эверетт Черингтон Хьюз (Everett Cherington Hughes, 1897–1983) — американский социолог, известный своими работами по социологии профессий, расовым отношениям и медицине. Родился в семье священника, закончил Уэслианский университет Огайо, в 1923 году поступил в Чикагский университет, где работал над диссертацией под руководством Роберта Парка. В 1927 году покинул Чикагский университет и присоединился к новому департаменту социологии Университета Макгилла (Канада). Занимался исследованием французских и английских общин в Монреале. Вернувшись в 1938 году в Чикагский университет, проработал там вплоть до 1961 года. В период работы в Чикаго у него возник интерес к проблематике профессий и труда. Был руководителем диссертационных исследований и преподавателем многих

известных социологов, в том числе — Беккера. В течение почти десяти лет — с 1952 по 1961 год — был главным редактором «Американского социологического журнала». В 1963 году стал 53-м президентом Американской социологической ассоциации. Также работал в Брендайском университете и Бостонском колледже. После завершения диссертации Беккер участвовал с Хьюзом в ряде исследовательских проектов (в том числе в исследовании Медицинской школы Канзасского университета). Беккер считает Хьюза своим главным учителем.

Стр. 63 «Проблема марихуаны в Нью-Йорке» (The Marijuana Problem in the City of New York) — под таким заголовком был опубликован отчет, который представлял результаты исследования социальных, психологических и медицинских последствий курения марихуаны. Исследование проводилось Медицинской академией Нью-Йорка по заказу мэра Фьорелло Ла Гуардия в 1939–1944 годах. Исследование стало ответом на принятие закона о налоге на марихуану в 1937 году. Обеспокоенный слухами о распространении потребления марихуаны, Ла Гуардия собрал специальную комиссию, перед которой была поставлена задача выяснить реальные последствия потребления. Отчет, представленный по истечении четырех лет, показал, что слухи преувеличивают негативное влияние наркотика, в частности не подтвердилась серьезная физиологическая зависимость от наркотика. Отчет противоречил утверждениям министерства финансов США, которое считало, что курение марихуаны приводит к негативным последствиям (безумие, девиантное поведение, физиологическая зависимость и т. д.). При этом Ла Гуардия заявлял, что до тех пор, пока не появятся научные доказательства отсутствия вреда, он продолжит вводить ограничительные меры. Отчет вызвал жесткую критику со стороны главы Федерального бюро по делам наркотиков Гарри Энслингера, который назвал его «ненаучным» и потребовал прекратить проведение всех научных исследований и экспериментов

- с наркотиком без его личного разрешения. Энслингер также выступил инициатором другого исследования, которое подтвердило позиции правительства.
- Стр. 65 Гарольд Файнстоун (Harold Finestone, 1920–1989) — американский социолог, преподававший в Чикагском университете, Университете Макмастера и Миннесотском университете. Работал в Иллинойском институте исследований несовершеннолетних. Известен исследованиями потребителей героина. Автор книги «Жертвы перемен: несовершеннолетние преступники в американском обществе» (1976), основанной на исследованиях Чикагского зонального проекта. В 1963 году был избран президентом Иллинойской академии криминологии.
- Стр. 103 Солдатский билль о правах (GI Bill, Servicemen's Readjustment Act of 1944) — закон, гарантировавший демобилизованным участникам Второй мировой войны оплату обучения в университетах и на различных профессиональных программах, а также предоставление кредитов на приобретение жилья. По оценкам историков и экономистов, закон имел значительные последствия для американской экономики и общества — он позволил ветеранам войны получить образование и реинтегрироваться в мирную жизнь. Закон также способствовал развитию жилищного строительства и другой социальной инфраструктуры. Несмотря на то, что закон не поддерживал расовую дискриминацию, на практике доля черных, получавших различные льготы, предполагавшиеся законом, была существенно ниже, чем соответствующая доля белых. Впоследствии именно этот закон стал основой для аналогичных законов в отношении участников военных действий в Корее и Вьетнаме. Сейчас подобные льготы распространяются на всех военнослужащих США.
- Стр. 114 «Розамунда» — всемирно известная полька, мелодию которой сочинил чешский композитор Яромир Вейвода. Английский вариант песни, получивший название «Полька пивной бочки» (Beer Barrel Polka), был записан в 1939 году Уиллом Глейгом и до-

стиг первого места в хит-параде США. Песня была особенно популярна среди американских солдат во время Второй мировой войны. Часто исполняется на свадьбах.

- » Тарантелла — парный итальянский народный танец под бубны, популярный на свадебных празднованиях. Изначально танец был распространен среди представителей низших сословий. В основе музыки, как правило, лежит импровизация.

Стр. 131 Стэнли Ньюкомб Кентон (Stanley Newcomb Kenton, 1912–1979) — американский джазовый музыкант, пианист, композитор и дирижер. Известен тем, что наряду с выступлениями в клубах и танцевальных залах придавал большое значение джазовым концертам в симфонических залах. Несмотря на его популярность, многие критики считали его музыку «шумом». За свою карьеру основал и возглавлял несколько биг-бэндов, которые экспериментировали с джазом и латиноамериканской музыкой, пытаясь нащупать связи с классической музыкой. С 1959 года, кроме концертов и игры, занимался также музыкальным образованием — ежегодно проводил летние музыкальные курсы.

- » Диззи Гиллеспи (Dizzy Gillespie, 1917–1993) — американский джазовый музыкант, трубач, вокалист, композитор, руководитель джазовых оркестров. Вместе с Чарли Паркером считается одним из основателей и популяризаторов современного джаза и бибопа. До того, как сделал несколько записей вместе с Паркером в 1945 году, работал в нескольких бэндах и экспериментировал с латиноамериканскими мотивами в джазе. После записей с Паркером приобрел общенациональную известность и сочинил несколько композиций, которые стали своего рода музыкальными образцами в джазе. Дважды (в 1964 и 1971 годах) заявлял о намерении выдвинуть свою кандидатуру на должность президента США.
- » Гай Ломбардо (Guy Lombardo, 1902–1977) — канадско-американский руководитель джазовых оркестров и виолончелист. Первый профессиональный

опыт в музыке — выступления вместе с братом и запись композиций — приобрел в Канаде. В 1929 году его расширенный бэнд под названием «Гай Ломбардо и его королевские канадцы» переехал в Нью-Йорк, где начал активно выступать на радио в рамках новогодних шоу, а впоследствии и на телевидении. В некоторых джазовых кругах его музыку и оркестр считали слишком популярными и «скучными».

Стр. 147 Закон о налоге на марихуану был принят в 1937 году Конгрессом США по инициативе Гарри Энслингера, который с 1930 по 1962 год возглавлял Федеральное бюро по делам наркотиков. Закон был предложен конгрессменом-демократом Робертом Дотоном, представлявшим Северную Каролину. В соответствии с законом производство и коммерческий оборот конопли облагались налогом (необходимо было приобрести акцизную марку), однако предъявление выращенной конопли в качестве доказательства ведения этой деятельности автоматически ставило индивида вне закона, поскольку она была произведена вне закона. Закон 1937 года привел к росту «черного рынка» и упадку конопляного производства, необходимого для производства пеньки. В разное время преследованию подверглись различные социальные и профессиональные группы: в 1943 году — джазовые музыканты, в 1949 году — коммунисты (на волне маккартизма). Принятию закона предшествовала обширная кампания, целью которой было создание необходимого общественного климата для успешного прохождения закона через Конгресс. Некоторые исследователи считают, что принятие закона было обусловлено тем, что в запрете марихуаны, который ударил бы и по конопляному производству, были заинтересованы крупные промышленники и бизнесмены, в частности медиамагнат Уильям Рэндолф Херст, который использовал дешевую бумагу для издания своих газет («желтая пресса»). Бумага из конопли в перспективе могла оказаться дешевле, чем бумага из искусственных материалов, которую разрабатывала американская химическая компания «Дюпон». Эн-

дрю Меллон, руководитель министерства финансов, был заинтересован в успешном развитии «Дюпон», так как его банк инвестировал в эту компанию. Во избежание потенциальной конкуренции со стороны конопляной промышленности и Херст, и Меллон, действовавший через Энслингера, который был женат на племяннице Меллона, активно продвигали закон. Закон действовал до 1970 года, когда за год до этого в Верховном суде в результате рассмотрения дела Тимоти Лири закон был признан противоречащим Конституции, в частности пятой поправке, поскольку предполагал свидетельство против себя. Отмена закона привела к новому закону, который ознаменовал начатую Ричардом Никсоном в 1971 году «войну против наркотиков», реализацией которой занимались уже структуры министерства юстиции.

Стр. 155 Восемнадцатая поправка к Конституции США была принята 17 декабря 1917 года и по сути запрещала производство, транспортировку и продажу алкоголя, но не его потребление. Эта поправка ознаменовала начало эры сухого закона.

» Закон Волстеда (Volstead Act) был принят в 1919 году и определял меры контроля за производством, продажей и транспортировкой алкоголя. Был обеспечительной мерой восемнадцатой поправки, и распространялся не только на крепкие напитки, но и на пиво и вино. Назван по имени конгрессмена от Республиканской партии из Миннесоты Эндрю Джозефа Волстеда, инициатора законопроекта.

» Закон Харрисона (Harrison Act) был принят в 1914 году и вводил налог на производство, транспортировку и продажу опиума, морфина, героина, кокаина и производных веществ. Назван по имени конгрессмена от Демократической партии из Нью-Йорка Фрэнсиса Бертона Харрисона, инициатора законопроекта.

Стр. 156 Федеральное бюро по делам наркотиков (Federal Bureau of Narcotics) было учреждено в 1930 году при министерстве финансов США в результате реорганизации Бюро по делам сухого закона. Бюро занималось правоприменительной практикой в области

распространения, производства и потребления кокаина, героина, марихуаны и других наркотиков. Глава Бюро назначался Президентом США. С 1930 по 1962 год главой был Гарри Энслингер, известный своими крайне консервативными взглядами на потребление алкоголя. Бюро просуществовало до 1968 года и было реорганизовано в Бюро по делам наркотиков и опасных препаратов при министерстве юстиции.

- Стр. 160 «Читательский справочник по периодической литературе» (Readers' Guide to Periodical Literature) — справочное издание, индексирующее статьи, опубликованные в журналах и газетах. Внутри издания статьи упорядочены согласно конкретным темам. Выходит регулярно с 1901 года. Охват издания — с 1890 года по наше время.
- Стр. 163 Роберт Л. Дотон (Robert L. Doughton, 1863–1954) — конгрессмен-демократ, член Палаты представителей Конгресса США. Избирался от штата Северная Каролина в течение 42 лет, с 1911 по 1953 год. Дважды возглавлял Бюджетную комиссию — с 1933 по 1947 и 1949 по 1953 год. Активно поддерживал президента Рузвельта и его Новый курс.
- Стр. 168 Субботничество — социально-религиозное движение, выступавшее за следование религиозным принципам, согласно которым один день в неделю должен быть посвящен религиозной жизни. В протестантизме таким днем является воскресенье (т. н. «христианская суббота»). В той или иной форме требования соблюдать «христианскую субботу» звучали со стороны пуритан в английских колониях в Северной Америке с XVII века, однако основная борьба между сторонниками и противниками разгорелась уже после получения независимости — в 1828 году был основан Всеобщий союз в поддержку христианской субботы, который, в частности, боролся за запрет работы почтовых служб по воскресеньям. Несмотря на то что в конкретных вопросах движение не преуспело, в результате борьбы и общественных кампаний

сторонникам удалось в целом изменить отношение американцев к этому религиозному принципу.

- » Аболиционизм — движение против рабства, получившее наибольшее распространение в США в 1830-е годы. В рамках движения предлагались как умеренные, так и радикальные методы освобождения черного населения. В 1833 году было основано Американское общество борьбы с рабством, которое получало поддержку — финансовую и религиозную — со стороны афроамериканских общин Севера. В отличие от Американского колонизационного общества, которое выступало за умеренное решение проблемы рабства путем создания государства в Африке, куда могли бы «вернуться» свободные чернокожие, Американское общество борьбы с рабством призывало к более радикальным действиям и требовало немедленного освобождения рабов. Развитие движения вместе с политическими событиями (избрание Линкольна, который изначально выступал за ограничения распространения рабства на северных территориях) привели к открытому конфликту, который вылился в Гражданскую войну (1861–1865). Война разделила страну на две части — Север и Юг — и завершилась победой Севера и политической отменой рабства (тринадцатая поправка к Конституции США, принятая в 1865 году), однако некоторое время рабские трудовые отношения все еще существовали. Часть сторонников Американского общества борьбы с рабством считали проблему решенной, в то время как другие продолжили добиваться равноправия на политическом уровне.
- » Аграрианизм — социально-экономическое движение, распространенное во многих странах, в основе которого лежит консервативное мировоззрение. Согласно этому мировоззрению, основу жизни современного общества должна составлять сельскохозяйственная культура и ценности, производные от фермерской деятельности. Сторонники этого движения настороженно относились к способности промышленности и науки сформировать ответственную

и моральную личность. В США аграрианизм начал играть заметную роль в первые годы независимости. Один из отцов-основателей, третий президент США Томас Джефферсон, активно продвигал аграрные ценности. Фигура свободного фермера для сторонников движения являлась символом независимости страны. В XX веке аграрианизм получил развитие и стал не только социально-экономической и политической программой, но и формой культурной критики — сторонники аграрианизма обвиняли промышленность и города в антирелигиозности, аморальности, расцвете массовой культуры, выступали против социально-экономического прогресса и т. д. В этой форме аграрианизм поддерживали поэты, писатели, критики, среди которых Джон Кроу Рэнсом, Роберт Пенн Уоррен и другие.

- » Женский христианский союз за трезвость (Woman's Christian Temperance Union) — некоммерческая организация, основанная в 1874 году в Кливленде. Союз возник на волне «крестовых походов» женщин против потребления алкоголя, которые преследовали цель закрытия салунов. В результате движения возникла социально-реформистская организация, которая опиралась на христианские консервативные ценности и ставила перед собой задачу полного запрета производства и продажи алкоголя. К 1890 году Союз стал самой многочисленной женской организацией в мире. Кроме антиалкогольных кампаний Союз также инициировал и поддерживал антитабачные инициативы, движения за равноправие в политике и улучшение условий труда. В 1919 году деятельность Союза привела к принятию восемнадцатой поправки, введившей сухой закон в США. Организация существует до сих пор и продолжает бороться с чрезмерным потреблением алкоголя, потреблением наркотических веществ и другими социальными проблемами.

Стр. 170 Законы по борьбе с сексуальной психопатией — законы, принятые в ответ на сексуальные преступления в 26 штатах и округе Колумбия между 1937

и 1967 годами. Поводом к разработке этих законов стали сексуальные преступления в отношении детей, которые закончились убийством. Средства массовой информации активно участвовали в создании необходимого климата и ощущения «вала сексуальной преступности». Решением проблемы стало введение в юридическую практику понятия «сексуальный психопат», предполагавшего, что лицо, признанное таковым, неспособно отвечать за свои поступки и нуждается в психиатрическом лечении. По сути, это освобождало преступников от уголовной ответственности. В 1970-х годах эти законы были признаны неэффективными.

Стр. 172 Кеннет Бёрк (Kenneth Burke, 1897–1993) — американский писатель, литературный критик и литературовед. Учился в Университете штата Огайо и Колумбийском университете. Преподавал в Чикагском и Вермонтском университетах. Предложил применять принципы «драматизма» для анализа человеческого действия. Согласно Бёрку, действия являются символическими по своей сути и поэтому их необходимо анализировать в терминах теории литературы. Его идеи повлияли на многих социологов и антропологов, в том числе на Эрвина Гоффмана и Клиффорда Гирца. Соотношение работы (оссупация) и заботы (реоссупация) Бёрк обсуждает в шестой главе книги «Постоянство и изменение: анатомия цели» (1935).

Стр. 173 Фрэнсис Таунсенд (Francis Townsend, 1867–1960) — американский врач, предложивший ввести регулярные выплаты в размере 200 долларов каждому гражданину США, которому исполнилось 60 лет и который соответствует трем критериям: он не должен работать, у него не должно быть криминального прошлого и он обязуется потратить деньги за месяц. Таунсенд выступил со своим предложением во время Великой депрессии в 1933 году, и оно сыграло значительную роль во время выборов в Конгресс в 1934 году. В поддержку своих идей Таунсенд инициировал кампанию против бедности, которая должна была покончить с богадельнями и вывести страну из кри-

зиса. Изначально своим союзником Таунсенд видел президента Франклина Рузвельта, однако после того, как предложение было отвергнуто, в дальнейшем обращался как к социалистическим, так и к правым партиям. По мнению исследователей, Рузвельт инициировал разработку собственного закона о социальном обеспечении, опасаясь популярности предложения Таунсенда.

- Стр. 185 Фредерик Трешер (Frederic Thrasher, 1892–1962) — американский социолог, исследователь преступности. Перед тем, как в 1918 году получить магистерскую степень по социологии в Чикагском университете, работал журналистом и репортером. За исследование преступных банд под руководством Роберта Парка в 1926 году получил докторскую степень в Чикаго. В 1927 году результаты исследования были опубликованы в классической книге «Банды». После работы в Чикаго переехал в Нью-Йорк, где стал профессором в Нью-Йоркском университете и занимался исследованием влияния художественных фильмов на детей.
- Стр. 191 Нед Польски (Ned Polsky, 1928–2000) — социолог и писатель, известен исследованиями девиантности. Автор книги «Каталы, битники и прочие» (1967) — сборника эссе, рассказывающих о различных представителях девиантных субкультур. Изучал лингвистику и литературу в Висконсинском университете. В 1948 году поступил в аспирантуру Чикагского университета, но не закончил обучение. Преподавал в Университете штата Нью-Йорк в Стони-Брук.
- Стр. 197 Элиот Фрейдсон (Eliot Freidson, 1923–2005) — американский социолог. Круг его исследовательских интересов включал социологию профессий, медицины и юриспруденции. В 1952 году получил докторскую степень в Чикагском университете, работал в Городском колледже Нью-Йорка, а в 1961 году перешел в Нью-Йоркский университет, где в 1964 году получил должность профессора. Продолжал заниматься исследованиями и публиковаться после своей отставки в 1993 году.

» Бланш Гир (Blanche Geer, 1920–1993) — американский социолог. Изучала антропологию в Колумбийском университете в 1946–1947 годах. Получила докторскую степень по исследованиям образования в Университете Джона Хопкинса в 1956 году. Работала вместе с Беккером в проекте по исследованию Медицинской школы Канзасского университета. Автор многих совместных с Беккером публикаций. Была профессором Северо-Восточного и Брендайкского университетов.

» Ирвинг Луис Горовиц (Irving Louis Horowitz, 1929–2012) — американский социолог, политический философ. Учился в Городском колледже Нью-Йорка, затем в Колумбийском университете и Университете Буэнос-Айреса, где получил докторскую степень. Преподавал во многих университетах, в том числе в Вашингтонском университете в Сент-Луисе и Ратгерском университете. Работая в Вашингтоне, принимал участие в создании журнала «Trans-Action: Social Science and Modern Society» (позже переименованном в «Society»). Основал одноименное издательство академической литературы. Позже вместе с другими социологами (в числе которых был Говард Беккер) выкупил его у университета. Исследовал работы Чарльза Райта Миллса и написал его биографию. Его последняя книга посвящена Ханне Арендт.

Стр. 208

Джек Кац (Jack Katz, р. 1944) — американский социолог, исследователь преступности, девиантности, организаций и эмоций. Учился в Чикагском университете. В 1976 году получил докторскую степень в Северо-Западном университете. В 1979 году начал работать в Калифорнийском университете в Лос-Анджелесе, профессором которого является до сих пор. Рассматривал преступность с точки зрения самих преступников и анализировал эмоциональную привлекательность преступных действий.

Стр. 212

Эрнст Бёрджесс (Ernst W. Burgess, 1886–1966) — американский социолог канадского происхождения, известный прежде всего как исследователь города и семейных отношений. В 1909 году поступил

в Чикагский университет, где в 1913 году получил докторскую степень по социологии. До 1916 года, когда получил позицию в Чикагском университете, преподавал в школах и участвовал в нескольких исследованиях. В 1934 году был избран 24-м президентом Американской социологической ассоциации. В 1952–1953 годах был первым президентом Общества исследования социальных проблем. Один из авторов классических работ Чикагской школы социологии «Город» (совместно с Робертом Парком и Родериком Маккензи, 1915) и «Введение в науку социологии» (совместно с Робертом Парком, 1921). Автор модели концентрических зон.

Стр. 215 Ричард Кловард (Richard Cloward, 1926–2001) — американский социолог и активист. Учился в Рочестерском университете. Магистерскую и докторскую степени получил в Колумбийском университете в 1950 и 1958 годах соответственно. С 1954 года до своей смерти был профессором Колумбийского университета. Вместе с Ллойдом Олином в 1960 году предложил теорию, которая объясняет преступность как рациональный ответ на ограниченный набор экономических возможностей, доступных молодежи. На основе этой теории была успешно запущена программа помощи участникам преступных банд в Нью-Йорке, а затем и в других городах. В качестве активиста призывал к радикальным действиям, которые способствовали бы реформе социального обеспечения.

» Ллойд Олин (Lloyd Ohlin, 1918–2008) — американский социолог и криминолог, исследователь преступности среди молодежи. Учился в Брауновском и Индианском университетах. В 1954 году получил докторскую степень в Чикагском университете. Преподавал в Колумбийском университете. С 1967 по 1982 год преподавал в Гарварде. Известность получил благодаря теории (сформулированной вместе с Ричардом Кловардом), которая объясняет преступность экономическими ограничениями. Активно

участвовал в различных комиссиях в качестве консультанта по вопросам правосудия.

Стр. 222 Ричард Берк (Richard Berk) — американский криминолог и статистик, специалист по анализу данных в социальных науках и применению математических моделей и методов машинного обучения в прогнозировании преступности. Получил степень бакалавра психологии в Йельском университете (1964) и докторскую степень по социологии в Университете Джона Хопкинса (1970). Преподавал и работал в Северо-Западном университете, Калифорнийском университете в Санта-Барбаре и в Лос-Анджелесе. С 2006 года — профессор криминологии и статистики в Университете Пенсильвании. Занимался также исследованиями домашнего насилия и эффективности полицейской работы.

Стр. 227 Суд над Келли — судебный процесс над лейтенантом Уильямом Келли, участвовавшим в массовом убийстве мирных жителей деревенской общины Милай во время Вьетнамской войны в марте 1968 года. В ходе собственного расследования военное командование пыталось скрыть информацию о произошедшем. Уильям Келли был отозван в США. В 1969 году о массовых убийствах стало известно общественности. Состоялось судебное разбирательство, которое признало виновным только Келли. Он был приговорен к пожизненному заключению, однако его дело было пересмотрено, и в итоге он провел лишь три года под домашним арестом.

Стр. 231 Эзра Паунд (Ezra Pound, 1885–1972) — американский поэт, литературный критик и переводчик. Большую часть жизни прожил в Европе, оставаясь американским гражданином. Во время Второй мировой войны симпатизировал фашистскому режиму в Италии и поддерживал Муссолини. В 1943 году был обвинен в государственной измене в США, в конце войны помещен в тюрьму, а потом в лагерь для военнопленных в Пизе. Позже был отправлен в Вашингтон и помещен в психиатрическую больницу. В 1958 году был

отпущен из больницы, после чего вернулся в Европу и умер в Венеции.

- » Жорес Александрович Медведев (р. 1925) — советский биолог, диссидент. Выступал с критикой методик Т. Д. Лысенко и вмешательства государства в научные исследования, за что был подвергнут преследованиям. Вместе со своим братом Роем Медведевым активно публиковался в самиздате. В 1970 был помещен в психиатрическую больницу. В 1972 году уехал в Лондон.

Именной указатель

- Арендт Ханна 262
- Беккер Говард 14, 108, 110,
237–247, 250, 252, 262.
См. также: Becker Howard S.
- Бёрджесс Эрнст 212, 242, 263
- Бёрк Кеннет 172, 260
- Берк Ричард 222, 264
- Берроуз Уильям 247
- Блумер Герберт 192, 193, 202,
242, 250. *См. также:* Blumer
Herbert
- Бротц Говард 28. *См. также:*
Brotz Howard
- Бурдые Пьер 244
- Вейвода Яромир 253
- Вельо Жильберто 13.
См. также: Velho Gilberto
- Винсент Кларк 34. *См. также:*
Vincent Clark
- Волстед Эндрю Джозеф 155, 256
- Воль Р. Ричард 19
- Гальтунг Йохан 216.
См. также: Galtung Johan
- Гасфилд Джозеф 168, 174.
См. также: Gusfield
Joseph R.
- Гиллеспи Диззи 131, 254
- Гир Бланш 20, 197, 262.
См. также: Geer Blanche
- Гирц Клиффорд 260
- Глейг Уилл 254
- Горовиц Ирвинг Луис 197, 224,
262. *См. также:* Horowitz
Irving Louis
- Гоулднер Алвин У. 165.
См. также: Gouldner
Alvin W.
- Гоффман Эрвин 13, 19, 242, 260.
См. также: Goffman Erving
- Далтон Мелвилл 142, 143,
189, 231. *См. также:* Dalton
Melville
- Данко Дагмар 238. *См. также:*
Danko Dagmar
- Джеймс Кэтрин 20
- Джефферсон Томас 259
- Дотон Роберт Л. 163, 255, 257
- Дрейк Клэр 241
- Дэвис Ф. Джеймс 32.
См. также: Davis F. James
- Дюркгейм Эмиль 214
- Ерофеев Сергей 237
- Зиммель Георг 141
- Карпер Джим 242
- Кац Джек 208, 262. *См. также:*
Katz Jack
- Кейтон Гораций Р. 241
- Келли Уильям 227, 264
- Кентон Стэнли 131, 254
- Керуак Джек 247
- Кинси Альфред 50, 250, 251

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Китсьюз Джон 41, 197, 208, 250.
См. также: Kitsuse John I.
- Кловард Ричард 214, 263, 264.
См. также: Cloward
 Richard A.
- Кобрин Соломон 19, 65
- Корбут Андрей 247
- Коэн Альберт 200. *См. также:*
 Cohen Albert K.
- Кун Томас 11
- Ла Гуардия Фьорелло 252
- Лейбовиц Энни 243
- Лемерт Эдвин 7, 197, 218, 243.
См. также: Lemert Edwin M.
- Линдсмит Альфред Р. 208.
См. также: Lindesmith
 Alfred R.
- Линкольн Авраам 258
- Лири Тимоти 256
- Ломбардо Гай 131, 254
- Лорбер Джудит 209.
См. также: Lorber Judith
- Лорти Дэн С. 19
- Лысенко Трофим 265
- Маккей Генри 19
- Маккензи Родерик 263
- Малиновский Бронислав 30,
 32, 140
- Маца Дэвид 48, 195.
См. также: Matza David
- Медведев Жорес 231, 265
- Медведев Рой 265
- Меллон Эндрю 256
- Мертон Роберт 46, 214, 250
- Мид Джордж Герберт 62, 202.
См. также: Mead George
 Herbert
- Миллс Чарльз Райт 26, 217, 262
- Мошков Кирилл 248
- Муссолини Бенито 264
- Немцов Максим 247
- Никсон Ричард 256
- Олин Ллойд 214, 263.
См. также: Ohlin Lloyd E.
- Паркер Чарли 254
- Парк Роберт 251, 263
- Парсонс Талкотт 148.
См. также: Parsons Talcott
- Паунд Эзра 231, 264
- Польски Нед 191, 261
- Пэссен Ален 238. *См. также:*
 Pessin Alain
- Райс Альберт Дж. 187.
См. также: Reiss Jr. Albert J.
- Рой Дональд 144, 145.
См. также: Roy Donald
- Рузвельт Франклин 257, 261
- Рэдфилд Роберт 99.
См. также: Redfield Robert
- Рэй Марш Б. 58. *См. также:*
 Ray Marsh B.
- Рэнсом Джон Кроу 259
- Сазерленд Эдвин Г. 34, 170.
См. также: Sutherland
 Edwin H.
- Сайкс Грэм М. 48. *См. также:*
 Sykes Gresham M.
- Сефай Даниэль 239
- Силенджер Дороти 20
- Смит Харви Л. 19
- Спектр Малкольм 250
- Стросс Ансельм 19. *См. также:*
 Strauss Anselm L.
- Ступс Лоис 20
- Танненбаум Фрэнк 7, 197.
См. также: Tannenbaum
 Frank
- Таунсенд Фрэнсис 173, 260, 261

- Томас Уильям Айзек 10.
См. также: Thomas William Isaac
- Трешер Фредерик 185, 261
- Тристано Ленни 241
- Уорнер Уильям Ллойд 19, 242
- Уоррен Роберт Пенн 259
- Уэстли Уильям Э. 178, 179.
См. также: Westley William A.
- Файнстоун Гарольд 19, 65, 253
- Фолкнер Роберт 244
- Фолкнер Уильям 17
- Фрейдсон Элиот 19, 197, 261
- Хаас Мэри 45. *См. также:*
 Haas Mary R.
- Харрисон Фрэнсис Бертон 155,
 156, 162, 256
- Херст Уильям Рэндолф 255, 256
- Холл Освальд 121, 122, 134.
См. также: Hall Oswald
- Хьюз Эверетт Ч. 7, 20, 50,
 52–54, 100, 121, 212, 241, 242,
 251, 252. *См. также:* Hughes
 Everett C.
- Школьник Джером 231.
См. также: Skolnick Jerome
- Шорт Джеймс Ф. 205.
См. также: Short Jr. James F.
- Штродбек Фред Л. 205.
См. также: Strodbeck
 Fred L.
- Эдель Эбрахам 224.
См. также: Edel Abraham
- Энслингер Гарри 252, 253, 255,
 257. *См. также:* Anslinger
 Harry J.
- Эриксон Кай 197. *См. также:*
 Erikson Kai T.
- Ясавеев Искэндэр 237
- Adams Rogers 62
- Akers Ronald L. 198
- Alvarez Rodolfo 207, 219
- Anslinger Harry J. 93, 161.
См. также: Энслингер Гарри
- Becker Howard S. 7, 44, 47, 101,
 123, 135, 198, 200, 201, 217, 221,
 228, 234, 241. *См. также:*
 Беккер Говард
- Biderman Albert D. 216
- Bittner Egon 216
- Blumer Herbert 202, 223.
См. также: Блумер Герберт
- Bordua David J. 185, 198, 219
- Bromberg Walter 64
- Brotz Howard 28. *См. также:*
 Бротц Говард
- Bucher Rue 220
- Cameron William Bruce 103
- Carper James W. 135
- Charen Sol 61
- Cicourel Aaron V. 207, 216
- Cloward Richard A. 100, 186.
См. также: Кловард Ричард
- Cohen Albert K. 33, 100, 186,
 200. *См. также:* Коэн
 Альберт
- Cole Stephen 11
- Cooper Courtney Ryley 161
- Coser Lewis 11
- Cressey Donald R. 24, 101
- D'Agostino Guido 50
- Dalton Melville 122, 143, 189,
 204. *См. также:* Далтон
 Мелвилл
- Danko Dagmar 238. *См. также:*
 Данко Дагмар
- Davis F. James 33. *См. также:*
 Дэвис Ф. Джеймс

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Debro Julius 241
 Douglas Jack D. 205, 216
- Edel Abraham 224. *См. также:*
 Эдель Эбрахам
- Ehrlich Danuta 220
- Erikson Kai T. 198, 205.
См. также: Эриксон Кай
- Foot Nelson N. 123
- Fuller Richard C. 150
- Galtung Johan 216. *См. также:*
 Гальтунг Йохан
- Garfinkel Harold 33, 216
- Gaskill Herbert S. 61
- Geer Blanche 101. *См. также:*
 Гир Бланш
- Gibbs Jack 198, 219
- Goffman Erving 13, 26, 47.
См. также: Гоффман Эрвин
- Gold Ray 176
- Goode Erich 225
- Gouldner Alvin W. 165, 228, 229.
См. также: Гоулднер
 Алвин У.
- Gove Walter R. 221
- Gusfield Joseph R. 168, 174, 208.
См. также: Гасфилд Джозеф
- Haas Mary R. 46. *См. также:*
 Хаас Мэри
- Habenstein Robert W. 217
- Hall Oswald 44, 122, 125, 135.
См. также: Холл Освальд
- Hooker Evelyn 186
- Horowitz Irving Louis 202, 211,
 234. *См. также:* Горовиц
 Ирвинг Луис
- Hughes Everett C. 44, 52, 100,
 101, 121, 122. *См. также:* Хьюз
 Эверетт Ч.
- Humphreys Laud 201
- Kaplan John 225
- Katz Jack 210. *См. также:* Кац
 Джек
- Kilpatrick James Jackson 41
- Kitsuse John I. 29, 197, 207, 216.
См. также: Китсьюз Джон
- Kolb Lawrence 64
- Krout John 154
- Lastrucci Carlo L. 103
- Lemert Edwin M. 7, 29, 197, 200,
 218. *См. также:* Лемерт Эдвин
- Lewis Oscar 169
- Leznoff Maurice 186
- Liazos Alexander 222, 227
- Liebowitz Martin 211
- Lindesmith Alfred R. 65, 208.
См. также: Линдсмит
 Альфред Р.
- Lorber Judith 209. *См. также:*
 Лорбер Джудит
- Mack Raymond W. 103, 217
- Mankoff Milton 222, 227
- Marcovitz Eli 61
- Matza David 49, 195, 197.
См. также: Маца Дэвид
- McCarthy Raymond G. 169
- Mead George Herbert 62, 202.
См. также: Мид Джордж
 Герберт
- Meriam Alan P. 103
- Merton Robert K. 27, 33, 200
- Messinger Sheldon L. 173, 231
- Meyers Henry J. 61
- Myers Richard R. 150
- Nisbet Robert A. 27, 33
- Ohlin Lloyd E. 100, 186.
См. также: Олин Ллойд
- Parsons Talcott 27, 148.
См. также: Парсонс Талкотт

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Pellens Mildred 154
 Peneff Jean 238
 Perelman Luis 61
 Pessin Alain 238. *См. также:*
 Пэссен Ален
 Prell Arthur E. 36
- Ray Marsh B. 54, 58, 200.
См. также: Рэй Марш Б.
 Redfield Robert 100. *См.*
также: Рэдфилд Роберт
 Reiss Jr. Albert J. 57, 187, 188, 216.
См. также: Райс Альберт Дж.
 Rose Arnold M. 36, 101
 Ross H. Laurence 186
 Roy Donald 144, 145, 204.
См. также: Рой Дональд
- Sabshin Melvin 220
 Schatzman Leonard 220
 Scheff Thomas J. 221
 Schur Edwin M. 198
 Selby Henry 209
 Short Jr. James F. 33, 205.
См. также: Шорт Джеймс Ф.
 Sills David L. 200
 Skolnick Jerome 231. *См. также:*
 Школьник Джером
 Stone Gregory P. 47
 Strauss Anselm L. 44, 101, 123,
 220. *См. также:* Стросс
 Ансельм
- Strodtbeck Fred L. 205.
См. также: Штродбек
 Фред Л.
 Sutherland Edwin H. 34, 170,
 180. *См. также:* Сазерленд
 Эдвин Г.
 Sykes Gresham M. 49.
См. также: Сайкс Грэм М.
 Szasz Thomas S. 26, 231, 232
- Tannenbaum Frank 7, 29, 197.
См. также: Танненбаум
 Фрэнк
 Terry Charles 154
 Thomas Dorothy Swaine 10
 Thomas William Isaac 10.
См. также: Томас Уильям
 Айзек
 Tompkins William F. 93
 Turner Ralph H. 65
- Velho Gilberto 13. *См. также:*
 Вельо Жильберто
 Vincent Clark 34. *См. также:*
 Винсент Кларк
- Walton Robert P. 67
 Westley William A. 178, 179, 186.
См. также: Уэстли
 Уильям Э.
 Winick Charles 189

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

Говард Беккер

Аутсайдеры: исследования
по социологии девиантности

Корректор Е. Ю. Дорман

Текст набран гарнитурой
Adobe Garamond Premier Pro,
разработанной Робертом Слимбахом.

Формат 120 × 200 мм. Тираж 1000 экз.

Печать офсетная. Бумага Palatina.

Усл. печ. л. 15,88. Уч.-изд. л. 11,8.

Подписано в печать 2.3.2018.

Заказ № 297.

Издательство «Элементарные формы»
www.cfpres.ru

Отпечатано в типографии «Наука»
121099 Москва, Шубинский переулок, д. 6